

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

На правах рукописи

Бабаджаниян Папик Артурович

**Неучастие в политической коммуникации российской студенческой
молодежи: последствия и риски**

Специальность: 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор политических наук
А.В. Соколов

Ярославль 2025

Содержание

Введение.....	3
1 Теоретико-методологические подходы изучения неучастия в политической коммуникации	22
1.1 Политическая коммуникация и стратегии поведения в ней.....	22
1.2. Феномен неучастия: основные подходы и формы	55
2 Особенности политической коммуникации современной студенческой молодежи вузов России.....	85
2.1 Основные характеристики студенческой молодежи вузов России.....	85
2.2. Причины использования студенческой молодёжью вузов России стратегии неучастия в политической коммуникации.....	107
3 Проявление неучастия в политической коммуникации у современной российской студенческой молодежи вузов России.....	130
3.1. Основные формы неучастия студенческой молодёжи вузов России в политической коммуникации	130
3.2. Последствия неучастия в политической коммуникации студенческой молодёжи вузов России и рекомендации по вовлечению.....	145
Заключение	164
Список источников и литературы.....	177
Приложения	205

Введение

Актуальность исследования определяется фундаментальной трансформацией природы политической коммуникации в современной России, где неучастие студенческой молодежи вузов России утверждается как новая стратегия взаимодействия с институтами власти. Особую значимость этот процесс приобретает в контексте изучения политической коммуникации студенческой молодежи российских вузов, которая, активно используя предоставляемые технологические возможности, одновременно вырабатывает стратегию неучастия в политической коммуникации.

Суть происходящей трансформации заключается в переходе от традиционных форм политической активности к сложной системе коммуникативных практик, где отсутствие внешне наблюдаемого действия становится осознанной позицией и значимым сообщением¹. С одной стороны, государством создаются расширенные возможности для цифрового участия, с другой стороны, именно в этих условиях молодежь вырабатывает формы неучастия, превращая его в новую стратегию диалога с институтами власти. Исходя из этого научная проблема состоит в недостатке понимания смыслов и мотивов, стоящих за подобным выбором молодежи, которая в силу высокого образовательного уровня часто демонстрирует осознанную и взвешенную позицию. Ключевой вопрос базируется на преодолении противоречия между необходимостью целостного изучения политической коммуникации, учитывающего все формы выражения позиции, и существующим подходом, интерпретирующим неучастие преимущественно как признак пассивности или отсутствия интереса.

Для современного студенчества неучастие в публичном политическом дискурсе может представлять собой не отсутствие позиции, а ее особую стратегию, требующую глубокого анализа. Подобная стратегия может отражать сложный процесс внутреннего осмысления политической реальности, переоценку

¹ Согомонян В. Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 50–76. – DOI 10.5922/2225-5346-2018-1-5.

ценностных ориентиров, поиск новых форм гражданственности, а также рациональное отношение к информационным потокам. Таким образом, акт невключения в коммуникацию становится значимым действием, посредством которого молодежь выражает свое отношение к существующим политическим процессам и институтам.

Преодоление указанного методологического дефицита позволит не только углубить теоретические представления о природе политической коммуникации, но и будет способствовать выработке более адекватных механизмов взаимодействия государства с молодежью. Изучение стратегии неучастия и ее форм как структурного элемента современного политического диалога открывает новые возможности для анализа эволюции публичного пространства, трансформации гражданской идентичности и совершенствования практик взаимодействия между обществом и государственными институтами, что составляет основную цель данного исследования.

Генезис данных практик невозможно понять вне исторического контекста российской политической социализации. Советская система культивировала обязательное ритуальное участие как доказательство лояльности, создавая разрыв между декларируемой и реальной вовлеченностью. Поколение переходного периода (1990-е – начало 2000-х) ответило на это гиперполитизацией, пытаясь через протестные акции компенсировать слабость институтов. Современное студенчество отвергает обе модели, вырабатывая баланс между стратегиями участия и неучастия².

Понимание логики стратегии неучастия позволяет не только прогнозировать эволюцию политической культуры, но и выстраивать эффективные механизмы

² Парадокс современной ситуации заключается в том, что доступность инструментов политической коммуникации (социальные сети, онлайн-петиции, краудсорсинг, цифровые платформы обратной связи и другое) сочетается с ростом неучастия. Это свидетельствует о кризисе не технологий, а форматов взаимодействия. Традиционно неучастие трактовалось как отклонение от нормы – признак апатии, манипуляции или скрытого протеста. Однако применительно к современному студенчеству вузов России эти интерпретации утрачивают объяснительную силу. Требуется новая концептуальная рамка, где неучастие понимается как 1) рациональная оптимизация ресурсов поколения, действующего в условиях высокой академической и профессиональной конкуренции; 2) стратегия критической лояльности, предполагающая поддержку курса при сдержанном отношении к оперативным решениям; 3) коммуникативный сигнал о несоответствии устаревших институтов запросам цифровой эпохи.

включения студенчества в общественное развитие. Речь идет не о принуждении к участию в устаревших форматах, а о создании новых каналов релевантного диалога, где обратная связь вариативна по формам и имеет осязаемые последствия, вместе с тем взаимодействие не требует идеологической ангажированности. В перспективе это способно превратить неучастие из вызова в ресурс устойчивого развития политической системы.

Историческая рефлексия подтверждает: баланс между неучастием и вовлеченностью служит индикатором зрелости отношений между государством и обществом. Современные стратегии (участия/неучастия) студенчества вузов России отражает не разрыв с государством, а новую фазу взаимодействия – поколение, ориентированное на профессиональные достижения в рамках национальных проектов, делегирует политическое управление институтам власти, ожидая взамен гарантий стабильности и вертикальной мобильности. Своевременное понимание этой логики критично для сохранения консенсуса между традиционными ценностями российской государственности и прагматизмом нового поколения.

Степень научной разработанности. Проблема политического неучастия студенческой молодежи высших учебных заведений Российской Федерации, рассматриваемая через призму коммуникативных стратегий, обладает значительной научной релевантностью, однако остается концептуально и эмпирически фрагментированной в рамках существующего формата исследований. Фундаментальные теоретические основания для осмысления феномена неучастия в целом были заложены в классических трудах, анализирующих рациональность индивидуального выбора в условиях ограниченных ресурсов, где работы Амартии Сена³ предоставляют ключевые аргументы в пользу логики экономического расчета, стоящего за уклонением от затратных форм политической активности. Параллельно концепция социального капитала Роберта Патнэма⁴ разъясняет связь

³ Sen A. *Ideja spravedlivosti* [The Idea of Justice]. — Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016. (In Russ.)

⁴ Putnam R. D. Social Capital in the Federal Republic of Germany and in the US // *Civil Commitment and Civil Society*. — Opladen: Leske + Budrich, 2002. — P. 257–272.

между распадом горизонтальных сетей доверия и снижением гражданской вовлеченности, что создает предпосылки для пассивности. Не менее важны исследования политической культуры Габриэля Алмонда, Сиднея Вербы⁵ и Рональда Инглхарта⁶, демонстрирующие, как глубинные ценностные ориентации общества, транслируемые через институты социализации, включая образование, формируют предпочтения в отношении форм и интенсивности политического участия или его отсутствия. Отдельно стоит сказать про теорию коммуникативного действия Юргена Хабермаса⁷, в которой автор разбирает элементы участия и неучастия в коммуникации. Эти базовые подходы создали обширное поле для интерпретаций, но не предложили специфического инструментария для анализа именно студенческой молодежи как группы с особыми характеристиками.

В отечественной научной традиции феномен неучастия получил развитие преимущественно через призму социологического анализа гражданской активности и электорального поведения. В. В. Петухов и Ю. В. Уханова⁸ внесли существенный вклад в рассматриваемую проблему, интерпретируя абсентеизм и иные формы дистанцирования как прямое следствие глубокого институционального недоверия, когда граждане, в том числе молодежь, воспринимают политические институты как неэффективные или нерелевантные для решения их насущных проблем. Их исследования фиксируют разрыв между формальными возможностями участия и реальными практиками, но часто трактуют неучастие как симптом системной дисфункции, не уделяя достаточного внимания его потенциальной коммуникативной роли как сигнала власти. В рамках политологического дискурса значимы работы А. В. Селезневой, Я. Ю. Шашковой,

⁵ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2010. – № 2(57). – С. 122–144

⁶ Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. – X, 453 p.

⁷ Habermas J. The Theory Communicative Action. Boston, 1984.

⁸ Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. - 2021. - №1. - С. 88–107; Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–14.

Д. А. Казанцева, О. В. Поповой и Н.В. Гришина⁹, которые акцентируют кризис традиционных форм политической мобилизации и трансформацию паттернов вовлеченности. А. В. Селезнева, в частности, исследуя политико-психологический портрет российской молодежи, выделяет студентов вузов как особую группу «молодых прагматиков», для которых рациональное дистанцирование от ритуализированных политических практик (например, участие в выборах формальных органов студенческого самоуправления) сочетается с фокусом на профессиональной самореализации и восприятием академической среды как пространства альтернативной гражданской социализации. Ю. А. Зубок и Е. В. Чанкова¹⁰ дополняют этот анализ, указывая на гибридные тактики взаимодействия студенчества мегаполисов с властью, где онлайн-активность и участие в узконаправленных локальных инициативах позволяют минимизировать риски при сохранении каналов влияния. Вместе с этим И. В. Самаркина, В. П. Логунова¹¹, отмечают, что некоторые формы неучастия выступают как способ коммуникации с властью.

Психологический ракурс, представленный в работах И. Р. Бикбулатовой, С. А. Водяхи, а также В. В. Васюры¹², предлагает иное измерение, связывая политическое неучастие молодежи с внутренними мотивационными конфликтами, фрустрацией, когнитивной перегрузкой или ощущением бессилия. Эти исследования подчеркивают роль индивидуальных и групповых психологических факторов, таких как стремление избежать неудачи или конфликта, в формировании

⁹ Селезнева А. В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 223–233. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233; Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Идеологическая идентичность молодёжи Алтайского края и Новосибирска: между модерном и постмодерном // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 530–543. – DOI 10.21638/11701/spbu23.2018.405; Попова О. В., Гришин Н. В. Развитие идей государственной политики идентичности в отечественной политологии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 389–407. – DOI 10.21638/spbu23.2024.302.

¹⁰ Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 1(61). – С. 18–30. – DOI 10.21685/2072-3016-2022-1-2.

¹¹ Самаркина И. В., Логунова В. П. Абсентеизм молодежи как форма политического участия // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 14–15.

¹² Бикбулатова И. Р. Влияние культурных факторов на формирование нарциссических и перфекционистских черт личности // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 12(81). – С. 1449–1460; Водяха С. А. Внутренняя мотивация как предиктор психологического благополучия современных подростков // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 4. – С. 114–119; Васюра В. В. Основные виды политического участия и причины абсентеизма // Альманах мировой науки. – 2016. – № 5–3 (8). – С. 46–48.

установок на неучастие. Однако психологические интерпретации зачастую сосредотачиваются на микропроцессах, не всегда в полной мере интегрируя их в макрополитический контекст или коммуникативные стратегии, особенно в условиях цифровой среды. Теория политической коммуникации, развиваемая С. В. Володенковым, А. Ю. Суворовой и Ф. И. Шарковым¹³, существенно продвинула понимание трансформации диалога между обществом и властью в эпоху цифровизации. Их труды фиксируют сдвиги в каналах, форматах и скоростях коммуникации, возникновение новых акторов и платформ. Тем не менее, специфика студенческой молодежи как аудитории с особыми паттернами медиапотребления, интенсивным использованием социальных сетей и мессенджеров, высокой чувствительностью к цифровым трендам часто остается на периферии этих исследований. Работы Пекка Химанена, Мануэля Кастельса и А. М. Дружинина и др.,¹⁴ анализирующие глобальные последствия цифровизации общества, фиксируют фундаментальный парадокс: беспрецедентный рост доступности инструментов и каналов политического участия онлайн сочетается с усилением стратегического избегания политического контента и дистанцирования от институционализированных форм активности. Несмотря на важность этого наблюдения, конкретные механизмы, обуславливающие данную динамику именно в студенческой среде российских вузов, их зависимость от образовательного контекста и поколенческих особенностей, систематически не исследованы.

Более узконаправленные исследования дифференцируют различные проявления неучастия. Так, электоральный абсентеизм детально изучен Т. А. Бершем, Л. В. Русских и А. А. Суминой¹⁵ как значимый феномен российской

¹³ Володенков С. В. Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений "государство-общество" // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 62. – С. 104–118; Суворова А. Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. – 2017. – № 6. – С. 105–109; Шарков Ф. И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. – 2020. – № 2. – С. 121–130.

¹⁴ Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. Пер. с англ. / Перевод А. Калинин, Ю. Подорога (гл. 4). Посл. Б. Кагарлицкий — М.: «Логос», 2002. — 224 с.; Дружинин А. М., Иноземцева Е. В., Гуров Ф. Н. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3(79). – С. 96–110. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110.

¹⁵ Берш Т. А., Якимова Е. М. Право на неучастие в выборах (абсентеизм) через призму свободного формирования политического поведения гражданина // Избирательное право. – 2020. – № 1(41). – С. 22–26;

политической жизни, однако эти работы преимущественно концентрируются на факторах неявки на голосование, оставляя в стороне вопрос о том, как само неучастие может выполнять коммуникативную функцию, передавая определенные сигналы власти или формируя альтернативные дискурсы. Исследования образовательных практик, например труды А. В. Соколова, Е. А. Исаевой и А. А. Фролова¹⁶, анализируют уклонение студентов от академической активности, но, как правило, не устанавливают концептуальных связей между этими практиками и их более широким политическим поведением, упуская из виду общие стратегии избегания институционального давления.

Изучением стратегий политической коммуникации студенческой молодежи вузов России также занимаются такие отечественные ученые, как Ю. А. Зубок, Я.Ю. Шашкова, Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, В. В. Загребин, С. С. Морозова, Д. А. Будко, Е. Б. Шестопал, Е. А. Исаева, Е. Д. Гребенко¹⁷ и др.

На основании проведенного анализа степени научной разработанности проблемы можно констатировать, что феномен политического неучастия студенческой молодежи в Российской Федерации обладает значительной научной релевантностью, однако остается концептуально и эмпирически фрагментированным в рамках существующего объема исследований.

Русских Л. В., Сумина А. А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 90–94. – DOI 10.14529/ssh180412.

¹⁶ Соколов А. В., Исаева Е. А., Гребенко Е. Д., Бабаджанян П. А. Уклонение как форма поведения обучающихся вузов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 408–423. – DOI 10.21638/spbu23.2024.303; Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Причины и последствия социального уклонения студенческой молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2024. – № 17. – С. 145–148.

¹⁷ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи: учебное пособие. — М.: МИИТ, 2009. – С. 322; Шашкова Я. Ю., Асеева Т. А. Установки молодежи регионов Российской Федерации на реализацию своих политических прав и свобод // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 59–74. – DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-6-59-74; Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В. и др. Молодёжь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 37–58. – DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-1-37-58; Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодёжь» // Концепт. – 2014. – № 2. – С. 26–30; Морозова С. С., Будко Д. А., Бабюк И. А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 230–243; Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 90–99; Соколов А. В., Исаева Е. А., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности // Регионоведение. – 2023. – Т. 31, № 3(124). – С. 459–476. – DOI 10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476.

Сформировавшийся теоретический фундамент, представленный классическими работами в области экономики общественного выбора, теории социального капитала и политической культуры, создал обширное поле для интерпретаций, но не предложил специфического инструментария для анализа именно студенческой молодежи как группы с особыми социально-демографическими и психологическими характеристиками. В отечественной научной традиции феномен неучастия получил развитие преимущественно через призму социологического анализа гражданской активности и электорального поведения, где он часто трактуется как симптом системной дисфункции или институционального недоверия. Наиболее серьезным пробелом в существующих исследованиях является недостаточное внимание к коммуникативной функции неучастия, которое могло бы рассматриваться не только как пассивная практика, но и как стратегический сигнал, направленный политическим институтам.

Таким образом, перспективным направлением дальнейших исследований представляется комплексное изучение политического неучастия студенческой молодежи как многомерного коммуникативного акта, требующего интеграции теоретических подходов и разработки специализированного методологического инструментария, способного учитывать образовательный контекст, поколенческие особенности и трансформацию публичной сферы в условиях цифровизации.

Объектом данного исследования являются стратегии политической коммуникации студенческой молодежи вузов России.

Предметом исследования выступает неучастие студенческой молодежи как стратегия политической коммуникации.

Целью работы - выявление характеристик неучастия как стратегии политической коммуникации студенческой молодежи вузов России и последствий ее реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующий комплекс задач.

1. На основе обобщения подходов к пониманию сущности политической коммуникации в современных условиях предложить эффективную методологическую рамку исследования;
2. Выявить особенности феномена политического неучастия как стратегии политической коммуникации;
3. Определить основные стратегии политической коммуникации современной студенческой молодежи;
4. Выявить причины использования неучастия как стратегии политической коммуникации;
5. Выявить основные формы стратегии неучастия от политической коммуникации студенческой молодежи;
6. Выявить последствия использования неучастия как стратегии политической коммуникации.

Гипотеза исследования. Студенческая молодежь вузов России руководствуется принципами теории рационального выбора, однако ее решения об участии/неучастии в политической сфере преимущественно обусловлены ограниченной рациональностью, фокусирующейся на непосредственных, легко оцениваемых издержках и выгодах, а также отсутствием долгосрочного планирования и целеполагания. В результате высокие краткосрочные издержки участия (потеря времени на учебу/отдых/подработку, сложность организации) при неочевидности или отложенности выгод приводят к рациональному выбору оптимальной стратегии неучастия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2022 года по лето 2025 года. Это обусловлено глубиной проведенных автором эмпирических исследований: количественный опрос, экспертные интервью, фокус-группы, качественный контент-анализ.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования. Анализ феномена неучастия как стратегии политической коммуникации потребовал обращения к широкому пласту теоретико-методологических подходов. Основу теоретического осмысления составили фундаментальные разработки в

области теории рационального выбора Амартии Сена¹⁸, обеспечивающей понимание экономической логики неучастия студенческой молодежи вузов России в политической активности как результата расчета издержек и выгод в контексте оптимизации ограниченных ресурсов. Концепция социального капитала Роберта Патнэма¹⁹, дополненная исследованиями институционального доверия позволила определить факторы и мотивы неучастия молодежи.

Работы Мануэля Кастельса о сетевом обществе²⁰ задали макроконтекст понимания того, как цифровая среда формирует новые практики потребления информации и стратегии избегания политического контента. Политико-психологические подходы, представленные концепциями А. В. Селезневой о «молодых прагматиках» и поколенческой специфике, исследованиями О. В. Поповой о гибридных тактиках взаимодействия студенчества с властью, а также работами О. А. Братцевой и Е. В. Пыревой²¹ о мотивационных барьерах и психологических механизмах, обеспечили понимание уникальных характеристик, ценностных установок и поведенческих паттернов студенческой молодежи вузов России, лежащих в основе стратегического неучастия.

Исследование оперирует ключевыми концептами: «неучастие» (включая пассивное, активное и ситуативное неучастие), «студенческая молодежь вузов России» как особая социально-демографическая и статусная группа, «коммуникативная стратегия», «политическая коммуникация», «цифровая среда», «медиапотребление», «информационные фильтры» (алгоритмическая селекция, избирательное потребление), «рациональный выбор», «социальный капитал», «институциональное доверие», «политическая культура», «поколенческая специфика».

¹⁸ Sen A. Ideja spravedlivosti [The Idea of Justice]. — Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016. (In Russ.)

¹⁹ Putnam R. D. Social Capital in the Federal Republic of Germany and in the US // Civil Commitment and Civil Society. — Opladen: Leske + Budrich, 2002. — P. 257–272.

²⁰ Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. Пер. с англ. / Перевод А. Калинин, Ю. Подорога (гл. 4). Посл. Б. Кагарлицкий — М.: «Логос», 2002. — 224 с.

²¹ Селезнева, А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 47–60. — DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4; Молодежная политика в современной России: вопросы теории и практики / Под общ. ред. С.Ю. Поповой. — М.: Аквилон, 2021. — 318 с.; Братцева О. А., Пырева Е. В. Мотивационные барьеры студентов: понятие, причины, способы преодоления // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 5(96). — С. 50–53. — DOI 10.24412/1991-5497-2022-596-50-53.

Комплексный характер исследуемого феномена – неучастия как стратегии политической коммуникации, формирующейся на стыке индивидуальных мотивов, групповой динамики, институционального контекста и цифровой среды – определил применение комплексной методологии.

Было проведено эмпирическое исследование смешанного дизайна (онлайн анкетирование, фокус-группы, экспертные интервью и качественный контент-анализ), что позволило верифицировать и концептуализировать основные положения диссертационной работы.

Эмпирическая база исследования.

1. Количественный опрос методом онлайн-анкетирования, направленный на выявление распространенности установок на неучастие, оценку уровня институционального доверия, фиксацию паттернов медиапотребления и использования цифровых «фильтров» среди студентов различных вузов и регионов. Исследование проводилось с использованием метода онлайн-анкетирования (N=709), в котором приняли участие студенты всех федеральных округов Российской Федерации, что позволило охватить разнообразные регионы и социальные контексты. Широкий географический охват обеспечивает высокую репрезентативность выборки, позволяя с уверенностью экстраполировать полученные результаты на всю студенческую молодежь страны в целом.

2. Качественный опрос методом экспертного интервью. Экспертами выступили политологи, социологи, психологи и представители вузовской администрации, а также лидеры молодежных организаций (N=22). Результаты интервью позволившие получить глубокое понимание тенденций, причин и интерпретаций феномена неучастия с позиции специалистов.

3. Качественное исследование методом фокус-групп студентов, обеспечившее выявление групповой динамики, коллективных представлений, скрытых мотиваций и субъективных смыслов, которые студенты вкладывают в практики стратегического неучастия, а также способов их артикуляции. Общее количество проведенных фокус-групп 8. Участники фокус-групп формировались по двум ключевым критериям, выдвинутым в качестве гипотетически значимых

факторов, влияющих на политические установки: специализация (профиль образования: гуманитарные и технические специальности) и возраст (до 23 лет и старше 23 лет). Всего приняло участие в фокус-группах 73 участника.

4. **Качественный контент-анализ эссе студентов**, написанных на темы, связанные с гражданской позицией, политикой и будущим страны. Этот метод позволил выявить латентные установки, ценностные ориентации, языковые коды и способы аргументации выбора неучастия, часто не проявляющиеся явно в опросах или интервью. Всего было обработано 54 эссе, студентов факультета социально-политических наук ЯрГУ им П. Г. Демидова.

Эмпирическая база, использованная при подготовке данной работы, была получена в рамках исследовательских проектов, в которых автор принимал личное участие в качестве исполнителя:

1. «Политические последствия социального рейтингования граждан», исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728, срок: 2024 г. - 2025 г. <https://rscf.ru/project/24-28-00728>.

2. «Российская блогосфера в условиях новых политических вызовов: смысловые и платформенные приоритеты», исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00083, срок: 07.2024 - 06.2026, <https://rscf.ru/project/24-78-00083/>.

3. «Стратегии и тактики социального уклонения как формы коммуникативного поведения современного студенчества». Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2023-0006

4. «Неучастие в политической коммуникации современной российской студенческой молодёжи вузов России: причины, формы и результаты», исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта №11НП/2024.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями:

1. На основе критического анализа современных теоретических подходов обобщена сущность политической коммуникации в условиях цифровой трансформации, информационной перегрузки и специфики российского общественно-политического контекста. Сущность политической коммуникации в условиях цифровой трансформации, информационной перегрузки и российского контекста заключается в переходе от традиционных односторонних моделей к сетевым диалоговым форматам, которые, в свою очередь, порождают новые вызовы, такие как когнитивная перегрузка граждан и усиление стратегии неучастия в политической коммуникации.

2. Выявлены и концептуализированы особенности политического неучастия как самостоятельной стратегии политической коммуникации, отличающейся от простой апатии или исключения, а именно: его целенаправленный, инструментальный характер и выполняемые им коммуникативные функции (сигнализация недовольства/апатии, селекция вовлечения, экономия ресурсов).

3. Определен спектр основных стратегий политической коммуникации российской студенческой молодежи, эмпирически доказано присутствие стратегии неучастия. Спектр стратегий политической коммуникации студенческой молодежи включает активное и ситуативное участие, в том числе интернет-опосредованное участие. Также наряду со стратегией участия широко распространена стратегия неучастия, которая проявляется как осознанный отказ от политической активности в пользу личных интересов.

4. Выявлен комплекс ключевых факторов (информационная перегрузка, институциональные барьеры, сложность оценки эффективности участия, влияний цифровых технологий и т. п.) и мотивов использования стратегий неучастия, среди которых доминирует рациональный расчет краткосрочных издержек и выгод. Эмпирически подтверждено, что решения о неучастии преимущественно обусловлены *ограниченной рациональностью*²², фокусирующейся на

²² Simon H. A. A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. – 1955. – V. 69. – P. 99–118.

непосредственных, легко оцениваемых издержках (временные затраты, сложность организации, риск конфликтов) при неочевидности или отложенности выгод.

5. Разработана и эмпирически верифицирована авторская типология форм политического неучастия (активное, пассивное, ситуативное), основанная на критериях пассивности/активности, избирательности и целеполагания. Доказано преобладание ситуативного неучастия как основной формы, что является следствием рационального выбора в условиях ограниченной информации и ресурсов.

6. Выявлены и систематизированы ключевые последствия преобладания стратегий неучастия для политической системы и общества: сужение публичной сферы и ослабление диалога; снижение политической компетентности и критического мышления молодежи; ослабление обратной связи «общество-власть»; снижение легитимности институтов; воспроизводство практик ограниченной рациональности в политической сфере.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Политическая коммуникация в новых условиях становится многослойной и фрагментированной: цифровые платформы и информационный шум преобразуют её в поток кратких, эмоционально окрашенных сигналов, где смысл и контекст постоянно размываются. В этом поле неучастие выступает осознанной стратегией коммуникации — отказом от взаимодействия как способом сокрытия предпочтений, протеста против легитимности дискурса или защиты от эмоционального и когнитивного перегруза, что особенно характерно для студенческой молодёжи.

2. Политическое неучастие представляет собой не пассивное состояние, а стратегию коммуникации, посредством которой индивид (студент) сигнализирует о своем отношении к политическому процессу (апатия, протест, селекция) и оптимизирует затрачиваемые ресурсы. Авторская классификация выделяет его ключевые формы: пассивное неучастие, активное неучастие, ситуативное неучастие.

3. Основными причинами выбора стратегии неучастия студенческой молодежью вузов выступает ограниченная рациональность. Решения принимаются на основе оценки краткосрочных, легко измеримых *издержек* участия (потеря времени на учебу/отдых/подработку, высокие транзакционные издержки организации, психологический дискомфорт, потенциальные риски) при неочевидности, отложенности или трудности оценки его *выгод* (влияние на решения, улучшение ситуации, личный статус). Это приводит к рациональному (в рамках доступной информации и когнитивных возможностей) выбору неучастия как оптимальной краткосрочной стратегии.

4. Выявлен комплекс ключевых детерминант неучастия. В их числе такие структурные факторы, как информационная насыщенность цифровой среды, воспринимаемая непроницаемость институциональных барьеров, мотивационные аспекты, прежде всего преобладание прагматичного расчета краткосрочных затрат над абстрактными долгосрочными выгодами и укоренившееся недоверие к политическим акторам и процедурам, что и предоставляет новое знание о механизмах политической социализации и мобилизации/демобилизации в современной России. Осознание решающей роли высоких краткосрочных издержек неучастия (временные затраты, сложность навигации в политическом поле, психологические издержки) при неочевидности его непосредственных результатов диктует необходимость фундаментального пересмотра подходов к работе с молодежью. Для образовательных учреждений (вузов) это означает потребность в интеграции актуальных, проблемно ориентированных и интерактивных форм политического просвещения и дискуссионных практик непосредственно в учебные программы и внеучебную деятельность. Ключевым становится создание низкопороговых форматов с минимальными дополнительными затратами времени для студентов, таких как встроенные в семинары дебаты, экспертные дискуссии по прикладным вопросам, использование цифровых симуляторов или проектная работа над локальными проблемами с видимым выходом. Развитие внутренних, удобных и признанных студентами цифровых платформ для обсуждения инициатив, голосования по актуальным

вопросам студенческой жизни также способствует формированию навыков гражданственности в знакомой и доступной среде.

5. Среди форм неучастия преобладает ситуативное неучастие. Студенты демонстрируют осознанный выбор не участвовать в конкретных, часто формализованных или воспринимаемых как неэффективные, формах политики (дискуссии на «чужих» площадках, деятельность партий, определенные виды активизма), сохраняя при этом общую информированность и потенциальную готовность к участию в других, более «удобных» или «результативных» формах. Эта избирательность является прямым следствием действия принципов ограниченной рациональности.

6. Распространенность стратегий неучастия, базирующихся на принципах ограниченной рациональности, влечет системные риски: оно способствует сужению публичного пространства и деградации политической культуры молодежи; ослабляет легитимность институтов и обратную связь; затрудняет мобилизацию молодежи для решения общественных задач; закрепляет практики прагматичного дистанцирования от общественно-политической жизни. Преодоление этих рисков требует снижения транзакционных издержек участия и повышения прозрачности и осязаемости его результатов.

Теоретическая значимость исследования заключается в существенном вкладе в переосмысление фундаментальных категорий политической науки, прежде всего теории политической коммуникации и политического неучастия. Путем концептуализации феномена неучастия как осознанной, рационально избираемой стратегии коммуникативного поведения, а не пассивного состояния или маркера исключенности, работа преодолевает ограниченность традиционных дихотомий «участие/апатия». Это позволяет рассматривать дистанцирование от формальных политических практик как активную форму взаимодействия индивида с политической системой, посредством которой транслируются специфические сигналы – от скепсиса и недоверия до рациональной селекции каналов влияния и оптимизации ресурсов.

Разработанная и эмпирически валидизированная типология форм неучастия, базирующаяся на критериях пассивности/активности, ситуативности, вносит методологическую ясность и создает более точный аналитический инструментарий для изучения сложного спектра дистанцирующихся практик, способствуя консолидации исследовательского поля.

Значимым теоретическим обоснованием является доказательство применимости и высокой объяснительной силы концепции ограниченной рациональности к сфере политического выбора студенческой молодежи в условиях российской действительности. Эмпирически подтвержденный тезис о том, что решения студентов о неучастии детерминированы преимущественно когнитивными ограничениями и фокусом на оценке краткосрочных, легко верифицируемых издержек при неочевидности или отдаленности потенциальных выгод, углубляет понимание причин политического поведения в контексте информационной перегрузки и институциональной неопределенности. Это связывает теорию рационального выбора с когнитивной психологией и теорией принятия решений, обогащая междисциплинарный диалог о природе политической активности/пассивности.

Систематизация и теоретическое осмысление многомерных негативных последствий широкого распространения стратегий неучастия, основанных на ограниченной рациональности, вносит существенный вклад в теории политического развития. Работа предлагает теоретическую рамку для анализа того, как микроуровневые рациональные решения индивидов могут генерировать макроуровневые дисфункции политической системы.

Практическая значимость исследования исходит из его способности предоставить ключевым стейкхолдерам – органам государственной власти всех уровней, администрациям, педагогическим коллективам высших учебных заведений и общественным движениям – глубокое, эмпирически обоснованное понимание подлинных причин и мотиваций, лежащих в основе политического неучастия студенческой молодежи.

Органам государственной власти и политическим институтам результаты исследования дают четкие ориентиры для повышения эффективности диалога с молодежью. Необходимо сосредоточить усилия на снижении воспринимаемых издержек, повышении прозрачности и осязаемости результатов участия. Это подразумевает упрощение и цифровизацию процедур подачи и рассмотрения молодежных инициатив, обеспечение понятных и быстрых механизмов обратной связи по каждому обращению с демонстрацией конкретных шагов и достигнутых эффектов, пусть даже небольших. Развитие и активное продвижение удобных, неформальных онлайн-площадок для диалога с представителями власти, работающими по четким и уважаемым «правилам игры», также критически важно. Демонстрация реального влияния молодежных предложений на принимаемые решения через конкретные кейсы является мощным стимулом для преодоления скепсиса.

Разработанный в исследовании комплексный методологический инструментарий, сочетающий количественные и качественные методы представляет самостоятельную практическую ценность. Он может быть адаптирован и использован государственными органами, исследовательскими центрами при вузах или социологическими службами для регулярного мониторинга политических установок, практик и уровня вовлеченности студенческой молодежи в различных регионах России, обеспечивая актуальную эмпирическую базу для оценки эффективности реализуемых молодежных политик и программ.

Изучение именно стратегии неучастия студенческой молодежи в политической коммуникации, в отличие от простого анализа пассивности, позволяет сместить фокус с констатации факта «они не участвуют» на глубокий анализ причинно-следственных связей: почему выбирается неучастие, какие скрытые барьеры (информационные, процедурные, мотивационные) и альтернативные практики существуют. Это дает инструмент для развития у студентов критического мышления при чтении научно-образовательных курсов, позволяя деконструировать стереотип о политически «апатичной» молодежи и

перейти к анализу неучастия как осмысленной практики, обусловленной рациональным выбором, недоверием к институтам или поиском неформальных каналов влияния. Такой подход превращает курс в исследовательскую площадку, где студенты, используя комплексный методологический инструментарий, учатся не просто описывать, но и объяснять сложные социальные явления, предлагая на основе этого анализа конкретные рекомендации по трансформации молодежной политики и коммуникационных стратегий властных структур.

Апробация результатов исследования. Диссертация выносилась на обсуждение в рамках заседаний кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Основные результаты исследования были апробированы и опубликованы в 15 научных работах, в том числе в 5 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и образования РФ и Аттестационной комиссией РУДН, 2 статьях в издании, индексируемом в базе Scopus и 8 публикациях в иных видах изданий.

Основные положения исследования были представлены на различных зарубежных, международных и всероссийских научных конференциях²³.

Диссертационная работа состоит из введения, трех разделов, заключения, а также списка источников, литературы и приложений.

²³ Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Saint Petersburg, Russian Federation, 9 April 2025; II Всероссийская научная конференция «Денацификация: история и современность», ДонГУ, Донецк, ДНР. 20-21 ноября 2024 г; II Московский политологический форум «Власть, общество, политика, управление в междисциплинарных исследованиях» Москва, РАНХиГС. 12-13 апреля 2024 г; VII ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», ЯрГУ, Ярославль, 18-19 апреля 2024 года; Всероссийская научно-практическая конференция XIII Столыпинские чтения «Регионы России в контексте современного политического процесса: итоги развития, проблемы, перспективы», КубГУ, Краснодар, 17 октября 2024 года; VI ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества» ЯрГУ, Ярославль, 20-21 апреля 2023 года; Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?», СПбГУ, Санкт-Петербург, 12-13 октября 2023 г; Ежегодная всероссийская научная конференция РАПН с международным участием ««Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск», Москва, РУДН 1 - 2 декабря 2023 и др.

1 Теоретико-методологические подходы изучения неучастия в политической коммуникации

1.1 Политическая коммуникация и стратегии поведения в ней

Политическая коммуникация представляет собой сложный процесс, который включает в себя обмен информацией между различными акторами политической системы, такими как государственные органы, политические партии, средства массовой информации и граждане. Этот процесс является ключевым элементом функционирования демократических обществ и играет важную роль в формировании общественного мнения, политической культуры и в целом в политическом процессе в целом. Теоретические основы политической коммуникации охватывают множество аспектов, включая ее определение, основные концепции, модели и подходы, которые помогают исследовать и понимать, как происходит взаимодействие между различными участниками политической жизни.

История развития политической коммуникации уходит корнями в древние времена, когда политические лидеры использовали ораторов для передачи своих идей и убеждений. В Древней Греции и Риме ораторское искусство было важной частью политической жизни, и такие фигуры, как Перикл и Цицерон, использовали свои навыки для влияния на общественное мнение и мобилизации граждан. С развитием письменности и печатного дела, особенно с изобретением печатного станка в XV веке, политическая коммуникация приобрела новые формы и масштабы. Печатные издания, такие как газеты и брошюры, стали важными инструментами для распространения политических идей и мобилизации общественного мнения. В это время начинается формирование общественного мнения как важного элемента политической жизни, что в свою очередь приводит к развитию новых форм политического взаимодействия²⁴.

С XVIII века, особенно в эпоху Просвещения, политическая коммуникация становится более структурированной, появляются новые теоретические подходы к пониманию ее роли в обществе. Философы и политические теоретики, такие как

²⁴ Perloff R. M. Political communication: politics, press, and public in America. — Mahwah, NJ: 1998. — P. 36.

Дж. Локк и И. Кант²⁵, подчеркивали важность свободного обмена идеями и мнениями для функционирования демократического общества. В это время начинается активное использование печатных СМИ для распространения идей о свободе, равенстве и праве народа на самоопределение. Революции, в частности Американская и Французская, стали яркими примерами того, как политическая коммуникация может служить катализатором социальных изменений, когда идеи, сформулированные в газетах и брошюрах, вдохновляли людей на действия против угнетения и несправедливости.

С развитием средств массовой информации в XIX и XX веках политическая коммуникация продолжает эволюционировать. Появление радио и телевидения открыло новые горизонты для политического общения, позволив политическим лидерам обращаться к широкой аудитории напрямую, минуя традиционные каналы, такие как печатные СМИ²⁶. В это время начинается исследование влияния медиа на общественное мнение и политическое поведение, что приводит к формированию новых теорий, таких как теория «агитации» и «манипуляции»²⁷. Эти теории подчеркивают, что средства массовой информации могут не только информировать, но и формировать восприятие реальности, создавая определенные нарративы и образы, которые могут влиять на поведение граждан.

В дальнейшем этот подход был развит двумя учеными. Ю. Хабермас²⁸ делал акцент на коммуникативных действиях и элементах политики, рассматривая их как основу социального и политического порядка. Немецкий ученый Г. Шельски выдвинул идею «технического государства», в которой важными становятся не социальные, а технические аспекты политической организации власти. В то же время, Р. Ж. Шварценберг рассматривал политическую коммуникацию как процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и

²⁵ Локк Дж. Два трактата о правлении: сочинения в 3 т. — М.: 1988. — 312 с.; Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения на немецком и русском языках. — М.: 1994. — С. 95.

²⁶ Дефлер М. Теории массовой коммуникации / М. Дефлер. — Нью-Йорк: б. и., 1966. — 672 с.

²⁷ Володенков С. В. Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений «государство–общество» // Государственное управление. Электронный вестник. — 2019. — № 62. — С. 104–118.

²⁸ Habermas J. The Theory Communicative Action. Boston, 1984.

социальной системой²⁹. При этом происходит непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях.

В научных статьях дается еще ряд определений данного понятия. Политическая коммуникация – это особый вид коммуникации, процесс создания, трансляции, приема и оборотов политических смыслов через политические сообщения (содержащие многоаспектную информацию о чем-либо, касающемся политической сферы деятельности) и политические тексты (содержащие комплексную информацию об одном или нескольких аспектах чего-либо, затрагивающего политическую сферу деятельности). Политическая коммуникация — это целенаправленный процесс передачи политической информации, который тесно связан с политическими целями государства и их реализацией в реальной политике³⁰.

В отечественной политологии одно из первых определений политической коммуникации дается М. Ю. Гончаровым. Политическая коммуникация — это циркуляция информации в сфере политической деятельности, т.е. любые сообщения, тексты, оказывающие воздействие на отношения между классами, нациями и государствами³¹. Различные жанры информации могут быть предназначены для разных аудиторий. По мнению автора, ни адресат, ни способ распространения политической информации не имеют определяющего значения. Наиболее важным является то, что именно политические институты или лица, действующие от их имени, выступают в данном случае как коммуникаторы, а сама информация обслуживает политические структуры и воздействует на принятие политических решений. Таким образом, М. Ю. Гончаров выделяет именно институциональный аспект политико-коммуникативного процесса. Также дополним, что политическая коммуникация возникает именно тогда, когда происходит взаимодействие между политическими лидерами, СМИ и гражданами,

²⁹ Лекторова, Ю. Ю. Информационное пространство: на пути к "виртуализации" политической коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. – 2010. – № 3(11). – С. 22-30; Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. – Ч.1. – М, 1993. С. 174.

³⁰ Юй, Сяо. Использование социальных сетей в политической коммуникации // Политическая лингвистика. - 2021. - № 1. - С.149.

³¹ Гончаров М.Ю. Риторика политической коммуникации // Массовая коммуникация в современном мире. - М., 1991. - С. 55.

в процессе которого обсуждаются важные вопросы для политических элит или общественности. А. И. Соловьев делает акцент на социальном аспекте политической коммуникации. По его мнению, важен «ответ реципиента, т. е. появление вторичной информации, вызванной к жизни посланием коммуникатора и устанавливающей осмысленный контакт между ним и реципиентом». Это позволяет определить политическую коммуникацию как «частный случай успешной реализации информационных обменов, попыток коммуникатора вступить в контакт со своим контрагентом»³². Получается, политическая коммуникация, по Соловьеву, определяется как форма общения, установленная на основе направленной передачи информации, породившей осмысленный ответ реципиента на вызов коммуникатора.

С развитием интернета и социальных сетей в конце XX — начале XXI вв. политическая коммуникация сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Появление цифровых технологий изменило способы, которыми политические сообщения передаются и воспринимаются. Социальные сети предоставили платформу для непосредственного взаимодействия между политическими лидерами и гражданами, что позволило сократить дистанцию между ними и сделать коммуникацию более интерактивной. Однако это же привело к возникновению проблем, связанных с дезинформацией, манипуляцией общественным мнением и поляризацией³³.

В контексте современной политической ситуации (санкции, специальная военная операция и др.), характеризующейся высокой степенью сложности, динамичности и насыщенности информационными потоками, понятие стратегии политической коммуникации приобретает фундаментальное значение для анализа и понимания механизмов достижения политических целей. Стратегия политической коммуникации представляет собой не просто набор отдельных действий или сообщений, а комплексный, долгосрочный и целенаправленный план

³² Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5-18.

³³ Воронин В.Н., Ионцева М.В. Социальные сети как инструмент реализации социально-психологических механизмов организационной культуры // Вестник университета. - 2019. - №6. - С. 141-146.

взаимодействия политических акторов с ключевыми аудиториями (электоратом, элитами, СМИ, институтами гражданского общества, международными акторами) с целью формирования, изменения или поддержания определенных представлений, установок, мнений и, в конечном счете, моделей политического поведения³⁴. Это сознательно выстроенная система решений и действий, основанная на глубоком анализе внутренних и внешних условий, ресурсов и ограничений, направленная на эффективное позиционирование политического субъекта (индивида, партии, движения, института, государства) в публичном пространстве и достижение его стратегических политических ориентиров (легитимация власти, завоевание или удержание электоральной поддержки, мобилизация сторонников, продвижение политического курса, формирование имиджа, управление кризисами, международное позиционирование).

Ключевыми аспектами, конституирующими стратегию политической коммуникации, являются ее системность (взаимосвязь всех элементов и этапов), целеполагание (четкая связь с конкретными, измеримыми политическими целями), долгосрочность (ориентация на перспективу, выходящую за рамки текущих тактических задач), ресурсная обеспеченность (учет и оптимальное распределение имеющихся материальных, человеческих, информационных, технологических ресурсов), адаптивность (способность к корректировке в ответ на изменения среды), а также ориентация на целевую аудиторию (глубокое понимание ее характеристик, потребностей, каналов восприятия информации)³⁵. Стратегия служит основой для разработки конкретных тактических приемов и коммуникативных кампаний, определяя их общее направление, смысловое наполнение и выбор инструментов.

Многообразие научных перспектив в исследовании политической коммуникации закономерно порождает и различные подходы к определению и

³⁴ Сысоев О. А., Заможных Е. А. Стратегические коммуникации политических акторов в публичном региональном пространстве // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2021. – № 25. – С. 6-13.

³⁵ Костылева Н. В., Котляревская И. В., Мальцева Ю. А. Управление коммуникациями в менеджменте: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки 38.03.02, 38.04.02 «Менеджмент». // Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. – 128 с

концептуализации самой стратегии, отражая различия в акцентах на тех или иных аспектах коммуникативного процесса. Один из распространенных подходов, часто называемый инструментальным или медиацентричным, рассматривает стратегию политической коммуникации преимущественно через призму выбора и эффективного использования конкретных коммуникационных каналов, технологий и методов для достижения поставленных целей³⁶. В этом ракурсе стратегия предстает как искусство оптимального применения медиаинструментов (традиционных СМИ, цифровых платформ, прямого контакта) и коммуникативных техник (спичрайтинга, PR, политической рекламы, GR, событийного маркетинга) для максимального охвата целевой аудитории и воздействия на нее. Успешность стратегии в данном случае оценивается по показателям медиаприсутствия, упоминаемости, тональности освещения и, в конечном итоге, по влиянию на ключевые целевые показатели (рейтинги, электоральные результаты).

Альтернативный взгляд, условно обозначаемый как процессуальный или интерактивный подход, смещает фокус с инструментов на сам процесс взаимодействия между коммуникатором и аудиторией, а также между различными акторами политического поля. Здесь стратегия понимается как модель управления сложной системой коммуникативных обменов, направленная на установление и поддержание диалога, управление ожиданиями, разрешение конфликтов, построение коалиций и сетей влияния³⁷. В рамках этого подхода подчеркивается двусторонний характер коммуникации, важность обратной связи, адаптации сообщений в процессе взаимодействия и роль неформальных коммуникативных практик. Стратегия здесь – это скорее управление отношениями и смысловыми потоками в динамичной среде, где успех зависит от способности к постоянной коррекции и гибкому реагированию на действия оппонентов и реакции публики.

Значительное место в исследованиях занимает институциональный подход, который акцентирует внимание на влиянии формальных и неформальных

³⁶ Суворова А. Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. – 2017. – Т. 19, № 6(110). – С. 105–109. – DOI 10.22394/2070-8378-2017-19-6-105-109.

³⁷ Пикула Н. Н. Интерактивные коммуникации и политическое сознание // Studia Humanitatis. – 2015. – № 2. – С. 7.

политических институтов, правил игры и структурных условий на формирование и реализацию стратегий коммуникации. В этой перспективе стратегия политической коммуникации рассматривается как производная от институциональной логики конкретной политической системы (президентская/парламентская республика, авторитарный режим, демократия переходного периода), избирательной системы, партийной структуры, медиаландшафта и культурно-исторического контекста³⁸. Институты задают рамки возможного, определяют допустимые риторические стратегии, каналы доступа к СМИ, правила ведения предвыборной борьбы и лоббирования. Следовательно, понимание стратегии требует анализа того, как акторы адаптируют свои коммуникативные усилия к институциональным ограничениям и возможностям, а также как они сами могут пытаться влиять на изменение институциональных правил через коммуникацию.

Все большую значимость приобретает конструктивистский подход, который фокусируется на производстве, распространении и закреплении смыслов, ценностей и идентичностей через политическую коммуникацию³⁹. Стратегия в этом ключе видится как сознательное конструирование убедительных нарративов, фреймов и дискурсов, способных структурировать восприятие политической реальности целевыми аудиториями, формировать коллективные идентичности («мы» против «они»), легитимировать власть или протест, задавать повестку дня и определять границы допустимого в политическом языке. Ключевыми элементами стратегии становятся работа с символами, мифами, историческими аналогиями, создание эмоционально заряженных образов и управление интерпретациями событий. Успех стратегии оценивается по ее способности доминировать в публичном дискурсе, делать определенные интерпретации событий «очевидными» для широкой аудитории и мобилизовать ее на основе разделяемых смыслов.

³⁸ Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 4(40). – С. 63–69. – DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69.

³⁹ Мюрберг, И. И. Конструктивистский подход и актуальные альтернативы ему в современной теории идеологии: проблемы и решения // Философская мысль. – 2021. – № 11. – С. 84-104. – DOI 10.25136/2409-8728.2021.11.36968.

Наконец, в эпоху цифровизации особую актуальность получает сетевой подход, рассматривающий стратегию политической коммуникации через призму функционирования в глобальной цифровой среде, характеризующейся децентрализацией, горизонтальными связями, высокой скоростью распространения информации и активностью пользовательского контента⁴⁰. Здесь стратегия – это управление присутствием и взаимодействием в сложных сетевых структурах (социальные сети, мессенджеры, блоги, онлайн-сообщества), где традиционные иерархии ослабевают, а влияние распространяется через вирусные механизмы и доверие внутри сетей. Акцент делается на создании контента, стимулирующего пользовательское участие или неучастие, управлении онлайн-репутацией, работе с инфлюенсерами и микроблогерами, мониторинге цифровых настроений и оперативном реагировании на возникающие тренды или кризисы в режиме реального времени⁴¹. Стратегия в сетевом подходе предполагает гибридное использование онлайн- и офлайн-инструментов с пониманием специфики цифровых платформ и логики сетевого распространения информации.

Таким образом, стратегия политической коммуникации предстает в научном дискурсе как многогранный феномен, сущность и содержание которого варьируются в зависимости от избранной теоретической оптики. Инструментальный подход видит в ней мастерство владения медиаинструментарием, процессуальный – искусство управления взаимодействием и диалогом, институциональный – адаптацию к структурным рамкам, конструктивистский – технологию смыслопроизводства и идентификации, а сетевой – алгоритм навигации в цифровой среде. Комплексное понимание стратегии политической коммуникации требует интеграции этих различных перспектив, признавая, что стратегия в реальности всегда предполагает одновременное решение задач по выбору оптимальных каналов, управлению

⁴⁰ Опанасенко, Н. В. Сетевой подход в исследованиях политических коммуникаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 4. – С. 128-136.

⁴¹ Щенина, О. Г. Топология политических коммуникаций в пространстве сетевого общества: методология анализа и практики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 58-70. – DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-4-58-70.

коммуникативными процессами, учету институционального контекста, конструированию убедительных смыслов и адаптации к вызовам сетевой цифровой эпохи.

Исходя из вышесказанного можно установить, что стратегия в политической коммуникации рассматривается как набор методов и приемов, которые применяются для достижения желаемых результатов в политическом дискурсе. Эти стратегии могут варьироваться от открытых и честных подходов до манипулятивных и скрытых. Важно понимать, что в политической сфере, где информация играет ключевую роль, выбор стратегии может существенно повлиять на исход выборов, общественное мнение и, в конечном итоге, на политическую стабильность.

Развивая представленную теоретическую палитру и стремясь к концептуальному синтезу, мы предлагаем авторскую интерпретацию, согласно которой все многообразие стратегий политической коммуникации может быть редуцировано к двум фундаментальным, взаимоисключающим, но связанным стратегиям: стратегии участия и стратегии неучастия в политической коммуникации.

Стратегия участия подразумевает целенаправленное вовлечение в производство, распространение и обсуждение политического контента. Это включает создание и продвижение собственных нарративов, активное использование коммуникационных каналов, формирование коалиций и сетей поддержки, участие в публичных дебатах и мобилизационных кампаниях⁴². Целью такой стратегии является формирование агентов влияния на общественное мнение и достижение конкретных политических результатов. Напротив, стратегия неучастия, которая предполагает умышленное дистанцирование от определенных коммуникационных пространств или практик. Это может выражаться в: бойкоте определенных СМИ или платформ, молчании по ключевым вопросам (как форма протеста или несогласия), ограничении коммуникации лишь формальными

⁴² Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. - 2020. - №2. - С. 121-130.

каналами, игнорировании определенных инициатив или дискурсов⁴³. Мотивациями для неучастия могут быть: недоверие к институтам и каналам коммуникации, протест против манипулятивных практик, сохранение ресурсов, стратегическое выжидание, желание избежать поляризации или конфликта⁴⁴. Понимание динамики участия и неучастия критически важно для анализа политической мобилизации, легитимности режимов и устойчивости политической системы в целом.

Одной из наиболее влиятельных концепций политической коммуникации является модель «передачи информации», которая акцентирует внимание на процессе передачи сообщений от одного субъекта к другому. Эта модель основывается на представлении о том, что информация может быть эффективно передана и воспринята, если соблюдаются определенные условия⁴⁵. В рамках этой концепции важными элементами являются отправитель, сообщение, канал передачи и получатель. Однако, эта концепция, несмотря на свою простоту, на наш взгляд, не учитывает множество факторов, которые могут влиять на процесс коммуникации, таких как контекст, культурные различия и эмоциональные реакции. Поэтому в дальнейшем исследователи стали развивать более сложные и многогранные модели, которые учитывают эти аспекты.

Одной из таких концепций является концепция «двухступенчатого потока информации», предложенная П. Лазарсфельдом и его коллегами в 1940-х годах. В рамках этой модели информация сначала передается через влиятельных лидеров мнений, которые затем передают ее своим последователям. Коммуникация не происходит напрямую между источником и широкой аудиторией, а проходит через промежуточные звенья, которые играют важную роль в формировании общественного мнения⁴⁶. Эта модель подчеркивает важность социальных связей и

⁴³ Корецкая М.А. Уклонение от власти как стратегия философской заботы о себе: обоснование и критика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 6А. С. 67-75

⁴⁴ Доценко А. С., Муру Р. Н. Абсентеизм в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы науки и практики. – 2022. – № 1(26). – С. 15–23.

⁴⁵ Суворова А.Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. - 2017. - №6. - С. 105-109.

⁴⁶ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. 1944. The People's Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 384 p

сетей в процессе политической коммуникации и показывает, что влияние на общественное мнение может осуществляться не только через прямую коммуникацию, но и через посредников⁴⁷.

Другой важной концепцией является теория «агентства», которая акцентирует внимание на роли индивидов в процессе политической коммуникации. Согласно этой теории, каждый участник коммуникационного процесса обладает определенной степенью свободы и способности к действию, что позволяет ему влиять на содержание и направление коммуникации. Эта концепция подчеркивает, что политическая коммуникация не является односторонним процессом, а представляет собой динамичное взаимодействие между различными акторами, каждый из которых может оказывать влияние на других. В этом контексте также важно учитывать, что индивиды могут интерпретировать и перерабатывать информацию по-разному, что приводит к различным восприятиям и реакциям на политические сообщения⁴⁸. Следовательно, теория агентства, акцентирующая активную роль индивидов в политической коммуникации, их способность к интерпретации, сопротивлению и влиянию на коммуникативные потоки, представляется неотъемлемой и углубляющей составляющей авторской концепции стратегий участия и неучастия. Авторское отношение к данной теории можно сформулировать следующим образом: агентность как фундаментальная основа выбора стратегии: само решение политического актора (будь то институциональный игрок, лидер, активист или рядовой гражданин) следовать стратегии участия или неучастия является вершинным проявлением его агентности. Теория агентства подчеркивает, что этот выбор – не просто реакция на среду, а осознанное волеизъявление, основанное на оценке ресурсов, рисков, целей и возможностей повлиять на ситуацию. Способность выбирать между публичной

⁴⁷ Дергунова Н. В., Завгородняя М. Ю. Теории Пола Лазарсфельда вне «Власти времени» // Власть. – 2014. – № 8. – С. 123–126.

⁴⁸ Хубецова З. Ф. (науч. ред. С. Г. Корконосенко). Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос. в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации. — М.: ООО «Смелый дизайн»; СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. школа журн. и мас. коммуникаций», 2017. – 142 с. с.

вовлеченностью и уходом в «коммуникативную тень» – ключевой аспект политической субъектности.

Успех активного участия (через медиа, диалог, конструирование смыслов) принципиально зависит от признания агентности целевых аудиторий. Коммуникатор не просто «транслирует» сообщения, а вступает в пространство переговоров значений, где аудитория активно интерпретирует, адаптирует, отвергает или переосмысливает информацию. Эффективная стратегия участия должна быть гибкой, предусматривать обратную связь и адаптацию, иначе она наталкивается на активное сопротивление или пассивное игнорирование со стороны агентных получателей.

В то же время теория агентства позволяет увидеть стратегию неучастия не как пассивность или отсутствие стратегии, а как сложную форму агентного поведения. Сознательный отказ от коммуникации – это акт контроля, попытка ограничить поле для интерпретаций и манипуляций со стороны других агентов (СМИ, оппонентов, публики). Минимизируя точки входа для обратной связи и критики, актер стремится сохранить власть над собственным нарративом и репутацией⁴⁹.

При этом мы признаем, что теория «агентства» имеет свои ограничения. Выбор и эффективность стратегии участия/неучастия всегда опосредованы структурными факторами (институциональные рамки, медийные системы, распределение ресурсов, культурные нормы), которые могут как расширять, так и сужать возможности для реализации агентности отдельных индивидов или групп. Теория агентства объясняет механизмы действия на микроуровне, но не отменяет влияния макроструктур на пространство возможностей для этого действия. Сила институциональных игроков, использующих стратегию неучастия, часто проистекает именно из их структурного положения, позволяющего позволить себе такую стратегию.

⁴⁹ Чумиков А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. - 2021. - Том 9. № 2. - С. 125-142. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142.

Среди других значимых концепций политической коммуникации, (в которой прослеживаются стратегии участия/неучастия) можно выделить теорию «конструктивизма», которая акцентирует внимание на том, что политическая реальность формируется в процессе коммуникации. Согласно этой теории, политические сообщения не просто передают информацию, но и создают определенные смыслы и значения, которые влияют на восприятие политической реальности⁵⁰. Это означает, что политические акторы могут формировать общественное мнение и влиять на политические процессы, создавая и распространяя определенные нарративы и символы. В этом контексте важно учитывать, что коммуникация является не только средством передачи информации, но и инструментом власти, который может использоваться для манипуляции общественным мнением и формирования политических идентичностей⁵¹. В рамках данной работы конструктивистский подход, подчеркивающий роль коммуникации в активном созидании политической реальности через производство и закрепление смыслов, нарративов и идентичностей, глубоко резонирует с авторской дихотомией стратегий участия и неучастия, раскрывая их сущностную связь с вопросами власти и контроля над символическим пространством. В данном случае конструктивизм не просто теория о формировании восприятия, а фундаментальная рамка объясняющая, почему выбор между участием и неучастием является столь значимым в политике. Так, стратегия участия предстает как прямое орудие конструирования реальности. Политический актор, выбравший путь публичной вовлеченности, сознательно использует коммуникацию как технологию придания смысла: он формирует и продвигает определенные фреймы (например, «кризис», «возрождение», «угроза», «прогресс»), создает убедительные нарративы (об исторической миссии, о враге, о светлом будущем), оперирует символами и мифами, активно строит коллективные идентичности («народ», «патриоты», «прогрессивное сообщество»). Каждое выступление, интервью, пост в социальной

⁵⁰ Володенков С.В. Политическая коммуникация и современное политическое управление // Вестник Московского университета. - 2011. - №6. - С. 22-31.

⁵¹ Алиев Д. Ф., Саркисов В. Э. Субъектная матрица вертикальной политической коммуникации. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. - №13. – С. 62-69.

сети, публичное событие – это «кирпичик в здании конструируемой им политической реальности»⁵². Цель такого участия – не просто информировать, а превалировать в публичном дискурсе, делать свои интерпретации событий и ценностей доминирующими, «очевидными» для целевых аудиторий, тем самым легитимируя свои действия, мобилизуя сторонников и маргинализируя оппонентов. Участие здесь – это непрерывная война за гегемонию смыслов.

Стратегия неучастия, вопреки кажущейся пассивности, также является мощным конструктивистским инструментом, но работающим по иной логике. Осознанный отказ от активного продуцирования публичных смыслов или их жесткая дозированность – это стратегия контролируемого смыслового вакуума. Актор, избравший эту парадигму, понимает, что любое публичное высказывание открыто для (пере)интерпретации, фреймирования оппонентами и может стать ресурсом для нежелательных конструкций реальности. Поэтому неучастие становится формой защиты от неподконтрольного смыслопорождения и инструментом управления ожиданиями через дефицит. Молчание или редкие, тщательно выверенные интервенции сами по себе становятся значимыми символами, конструирующими реальность: они могут создавать ауру недоступности, таинственности, сосредоточенности на «главном» (в противовес «пустой болтовне»), подчеркивать дистанцию и элитарность. Отказ комментировать определенные темы или реагировать на критику – это акт фреймирования путем исключения, сигнализирующий о незначительности этих тем или о нелегитимности критики⁵³. Таким образом, неучастие не означает отсутствия конструирования реальности – оно означает конструирование через контролируемое отсутствие, где сама скудость информации направляет процесс интерпретации аудитории в желаемое русло (домысливание в пользу актора, приписывание ему глубины или стратегического расчета).

⁵² Карасик В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 32-49. – DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

⁵³ Мелихов Г. В. Неучастие как социально-значимое действие // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2017. – № 1(21). – С. 43-53.

Хотя конструктивистский подход предоставляет теоретическую информацию для понимания смыслопорождающей сущности стратегий участия и неучастия в политической коммуникации, его применение в рамках авторской концепции сталкивается с рядом существенных ограничений, требующих критического осмысления. Главная слабость конструктивизма при анализе дихотомии участия/неучастия заключается в его тенденции к гиперболизации роли символического конструирования, зачастую в ущерб учету материальных, структурных и властно-ресурсных асимметрий, которые фундаментально предопределяют саму возможность выбора и эффективность той или иной стратегии. Конструктивизм рискует представить борьбу за смыслы как относительно автономное поле, где успех стратегии активного участия (доминирование в дискурсе) или стратегии неучастия (контроль через дефицит) зависит преимущественно от мастерства нарративного конструирования или тактик молчания. Однако такая перспектива недостаточно объясняет, почему идентичные конструктивистские практики (например, продвижение сходных фреймов или использование схожих тактик контролируемого умолчания) приводят к радикально разным результатам у разных акторов. Решающим фактором здесь выступает не столько само по себе коммуникативное мастерство, сколько изначальное структурное положение актора в системе власти, доступ к материальным и административным ресурсам, контроль над медиаинфраструктурой и способность навязывать правила игры. Более того конструктивистская рамка может недооценивать роль объективных условий (экономический кризис, война, природные катастрофы) и укорененных идеологических установок аудитории, которые обладают значительной инерцией и сопротивляются произвольному конструированию, ограничивая эффективность как стратегии участия, так и стратегии неучастия.

Кроме того, в рамках теоретических основ политической коммуникации важно рассмотреть влияние новых технологий. Стратегия участия в эпоху цифровых медиа приобретает новые формы: гражданское сотрудничество в разработке политических решений, активное создание пользовательского

контента, организация онлайн-сообществ и кампаний, использование петиций и краудфандинга⁵⁴. Стратегия неучастия также трансформируется: цифровое воздержание как форма протеста против информационного перегруза или слежки, осознанное игнорирование определенных тем для снижения их, переход к замкнутым или приватным коммуникационным платформам⁵⁵. Выбор между участием и неучастием становится ключевым стратегическим решением для как индивидов, так и коллективных акторов, формирующим ландшафт политической коммуникации.

Таким образом, теоретические основы политической коммуникации представляют собой сложный и многогранный комплекс концепций, которые помогают исследовать и понимать, как происходит взаимодействие между различными акторами политической системы. Эти концепции подчеркивают важность не только передачи информации, но и создания смыслов, влияния социальных связей и роли технологий в процессе политической коммуникации⁵⁶. Понимание этих аспектов является ключевым для анализа поведения в политической коммуникации и разработки эффективных методов взаимодействия с аудиторией.

Важным направлением исследований в области политической коммуникации является анализ поведения различных акторов, таких как политические партии, кандидаты на выборные должности и государственные учреждения⁵⁷. Их поведение варьируется в зависимости от контекста, целей и аудитории, с которой осуществляется взаимодействие. Так, в предвыборный период политические партии могут использовать различные коммуникативные стратегии для мобилизации избирателей, формирования положительного имиджа и дискредитации оппонентов. Это может включать использование эмоциональных

⁵⁴ Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2019. - №2. - С. 56-59.

⁵⁵ Федорченко С.Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2019. - №8. - С. 57-67.

⁵⁶ Бурдейный В.В. Интернет как средство политической коммуникации // Социально-политические науки. - 2022. - №1. - С. 71-78.

⁵⁷ Гришанина Т.А. Развитие теории коммуникации и концепций формирования общественного мнения // Архонт. - 2021. - №2. - С. 82-93.

апелляций, создание позитивных нарративов о себе и негативных о противниках, а также активное использование социальных медиа для достижения целевой аудитории⁵⁸.

Как было отмечено выше при анализе стратегий коммуникации ключевое значение имеет разграничение между стратегией участия и стратегией неучастия. Стратегия участия характеризуется постоянным присутствием в коммуникационном поле, стремлением к доминированию в информационной повестке, проактивным формированием собственных нарративов и активным взаимодействием с различными аудиториями (включая оппонентов и нейтральных наблюдателей)⁵⁹. Стратегия неучастия, наоборот, проявляется в ситуативном или полном отсутствии реакции на определенные события или вызовы, уходе от прямой конфронтации, сознательном неиспользовании определенных каналов коммуникации или форматов взаимодействия, а также в создании образа «неприсутствия» как стратегического ресурса⁶⁰. Эффективность каждой из этих стратегий зависит от контекста, ресурсов актора и его долгосрочных целей. Часто успешная политическая коммуникация требует гибкого сочетания обоих подходов на разных этапах.

Одним из ключевых аспектов поведения актора в политической коммуникации является выбор каналов и форматов коммуникации. В зависимости от целевой аудитории и контекста, политические акторы могут использовать различные каналы, такие как телевидение, радио, печатные СМИ и социальные сети⁶¹. Так, молодая аудитория может быть более восприимчива к сообщениям, распространяемым через социальные медиа, в то время как более старшее поколение может предпочитать традиционные СМИ⁶². Это делает выбор каналов

⁵⁸ Евпак Е.В. Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ // СибСкрипт. - 2023. - №4. - С. 556-566.

⁵⁹ Морозова С.С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2023. - Т. 19, № 2. - С. 230-243.

⁶⁰ Авцинова Г. И., Бурда М. А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 4(44). – С. 649–655.

⁶¹ Нигметов А.С. Интернет как средство политической коммуникации // Коммуникология: электронный научный журнал. - 2021. - №4. - С. 41-52.

⁶² Юй, Сяо. Использование социальных сетей в политической коммуникации // Политическая лингвистика. - 2021. - № 1. - С. 149-158.

коммуникации критически важным для достижения успеха в политической коммуникации.

В рамках политической коммуникации важно учитывать влияние контекста, в котором происходит взаимодействие. Политические события, социальные и экономические условия, культурные особенности и исторический контекст могут значительно влиять на восприятие политических сообщений и стратегий⁶³. В условиях кризиса или нестабильности политические акторы могут использовать более агрессивные и эмоциональные стратегии для мобилизации поддержки, в то время как в стабильный период акцент может быть сделан на рациональных аргументах и конструктивном диалоге.

Не менее важным аспектом является анализ восприятия политических сообщений аудиторией. Так восприятие информации может варьироваться в зависимости от предвзятостей, убеждений и эмоциональных реакций аудитории. Это означает, что даже хорошо спланированные и продуманные коммуникационные стратегии могут не достичь своей цели, если они не учитывают особенности восприятия целевой аудитории⁶⁴. В этом контексте важно проводить исследования и анализы, которые помогут понять, как различные группы воспринимают политические сообщения и какие факторы влияют на их отношение к политическим актерам.

Политическая коммуникация охватывает несколько аспектов, включая создание, распространение и восприятие политической информации. Она реализует как вербальные, так и невербальные способы передачи информации, что делает ее многоуровневым и многогранным явлением. В центре политической коммуникации находятся различные модели, которые помогают объяснить, как информация передается от одного актора к другому, как она воспринимается и интерпретируется, а также как она может влиять на поведение и мнения людей⁶⁵.

⁶³ Макаров Д.В. Коммуникации в государственном управлении Российской Федерации // Коммуникология: электронный научный журнал. - 2019. - №4. - С. 105-114.

⁶⁴ Пименов Н.П. Сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к изучению современных политических коммуникаций // Известия Алтайского государственного университета. - 2014. - №1. - С. 295-300.

⁶⁵ Yefimova O. V., Tambieva Z. S. Modern approaches to the study of mass political communication // Modern Science and Innovations. – 2022. – No. 3(39). – P. 184–191. – DOI 10.37493/2307-910X.2022.3.19.

Одной из ключевых концепций политической коммуникации является модель «шумового канала», предложенная К. Шенноном и У. Уивером⁶⁶, которая подчеркивает важность передачи информации через различные каналы и возможность искажений на каждом этапе. В контексте политической коммуникации это означает, что сообщения могут быть искажены не только в процессе их передачи, но и на этапе восприятия, что делает важным изучение не только содержания сообщений, но и контекста, в котором они передаются. Важным аспектом данной модели является то, что она акцентирует внимание на роли «информационного шума» — факторов, которые могут влиять на восприятие информации. Это могут быть как внешние факторы, такие как социальные, культурные и экономические условия, так и внутренние, например, личные убеждения и предвзятости⁶⁷. Исходя из этого концепция (математическая модель) «шумового канала» Шеннона-Уивера, акцентирующая неизбежность искажений («шумов») на всех этапах передачи и восприятия информации, предоставляет ценный, но ограниченный инструмент для понимания принципиальных рисков и тактических соображений, стоящих за выбором между стратегией участия и стратегией неучастия в политической коммуникации. Автор признает силу данной концепции, особенно в ее способности концептуализировать фундаментальную хрупкость и непредсказуемость любого коммуникативного акта в политике, где сообщение неизбежно фильтруется и трансформируется сложным переплетением внешних (социально-культурных, экономических, медийных) и внутренних (когнитивных, психологических, идеологических) помех. С этой точки зрения, сама дихотомия участия/неучастия может быть осмыслена как принципиально разная реакция на проблему «шума». Так, стратегия участия — это попытка «перекричать шум» или адаптироваться к нему. Политический актор, выбирающий путь публичной вовлеченности, вынужденно принимает вызов шумов как

⁶⁶ Shannon C. Weaver W. The mathematical theory of communication. - Urbana, 1949.

⁶⁷ Дорофеева, И. В. Модель Шеннона-Уивера и ее значение для развития теории коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Тверь, 05–06 апреля 2013 года / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». – Тверь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет», 2013. – С. 49-53.

неизбежную данность. Его усилия направлены на минимизацию искажений на этапе передачи (через контроль каналов, отточенность формулировок, дублирование сообщений на разных платформах) и предвосхищение/компенсацию искажений на этапе восприятия (через фреймирование, адаптацию риторики под целевую аудиторию, учет культурного кода, работу с эмоциями). Однако само усиление коммуникации, необходимого для прорыва через шум, многократно увеличивает точки потенциального искажения: каждое новое выступление, интерпретация СМИ, репост в соцсетях – это новый виток возможных помех. Риск того, что тщательно выстроенный нарратив будет радикально переосмыслен или извращен под влиянием внешних событий или внутренних предубеждений аудитории, является имманентной слабостью этой стратегии.

Стратегия неучастия – это попытка «обойти шум» через контролируемое молчание: осознанный отказ от активной коммуникации или ее жесткая дозированность может быть интерпретирована как радикальный метод минимизации точек входа для шумов. Ограничивая количество и частоту публичных высказываний, актер резко сокращает количество этапов передачи, на которых может произойти искажение, и сужает поле для нежелательных интерпретаций аудиторией. Молчание или лаконичные, ритуальные высказывания через строго контролируемые каналы (официальные заявления, редкие прямые эфиры) – это попытка создать своего рода «защищенную линию связи» с минимальным количеством узлов, подверженных помехам. Ключевая надежда здесь, что дефицит информации сам по себе станет «сигналом», менее подверженным шуму, чем сложные нарративы активного участия, и что аудитория заполнит вакуум желаемыми домыслами (аура власти, таинственность, сосредоточенность на деле).

Таким образом, концепция шумового канала напоминает о принципиальной уязвимости любой политической коммуникации перед искажениями, тем самым обосновывая тактическую логику как активных усилий по управлению каналами и сообщениями (участие), так и стремления к минимализму и контролю (неучастие). Однако ее линейность, технический детерминизм и невнимание к асимметриям

власти, интерактивности и конструктивной роли «шума» ограничивают ее объяснительный потенциал. Подлинная эффективность выбранной стратегии (участия или неучастия) определяется не столько технической чистотой передачи сигнала, сколько способностью актора предвидеть, использовать или подавлять «шумы» в сложной игре политического поля, где отсутствие сообщения может быть громче любого слова, а «искажение» – сутью политической борьбы за смыслы. Поэтому концепция Шеннона-Уивера в рамках данной работы, несомненно, служит скорее инструкцией базовых рисков, но не ключевой схемой для анализа выбора стратегии участия или неучастия в политической коммуникации.

Отдельно стоит отметить, как социальные платформы изменили традиционные модели коммуникации, предоставив гражданам возможность не только получать информацию, но и активно участвовать в ее создании и распространении. Это создает новые вызовы и возможности для политиков и политических институтов, которые должны адаптироваться к изменяющимся условиям коммуникации и взаимодействия с гражданами⁶⁸. В условиях, когда информация распространяется мгновенно и может достигать широкой аудитории, важно понимать, как социальные сети влияют на политическое поведение и как они могут использоваться для мобилизации граждан.

Исходя из этого, влияние цифровых технологий на политическую коммуникацию проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, новые технологии позволяют политическим акторам более эффективно взаимодействовать с гражданами. Политики и политические партии могут использовать социальные сети и интернет-платформы для прямого общения с избирателями, что позволяет им лучше понимать их потребности и ожидания. Это взаимодействие не только способствует формированию более близких отношений

⁶⁸ Федотова, Л. Н. Социальные сети — возможности коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. - 2020. - № 1. - С. 141-145.

между политиками и гражданами, но и позволяет политическим акторам адаптировать свои стратегии и сообщения в соответствии с реакцией аудитории⁶⁹.

Во-вторых, цифровые технологии изменили способы распространения информации. Социальные сети, в настоящее время, стали основными платформами для обмена новостями и мнениями. Это привело к тому, что информация распространяется быстрее и шире, чем когда-либо прежде. Однако это также создало новые вызовы, связанные с распространением ложной информации и дезинформации. В условиях, когда граждане получают информацию из множества источников, становится все сложнее отличить правду от лжи. Это, в свою очередь, может привести к поляризации общественного мнения и ухудшению качества политического дискурса⁷⁰.

В-третьих, цифровые технологии повлияли на изменение роли граждан в политической коммуникации. Современные технологии предоставляют гражданам возможность не только получать информацию, но и активно участвовать в политических процессах. Они могут выражать свои мнения, организовывать акции протеста, участвовать в обсуждениях и влиять на политические решения. Это создает новые формы политической активности, которые могут быть как позитивными, так и негативными⁷¹. С одной стороны, активное участие граждан в политической жизни способствует укреплению демократии и повышению ответственности политиков. С другой стороны, это также может привести к распространению экстремистских идей и радикализации общественного мнения.

Кроме того, социальные платформы изменили способы, которыми политические партии и кандидаты формируют свои стратегии. В условиях цифровой эпохи политические кампании стали более ориентированными на данные. Политические консультанты используют аналитические инструменты для изучения предпочтений и поведения избирателей, что позволяет им разрабатывать

⁶⁹ Хецелиус В. Е. Социальные сети как инструмент политической коммуникации // Наука без границ. - 2019. - №5. - С. 93-103.

⁷⁰ Чаплыгина М. А. Интерактивность как дисциплинирующая технология эпохи Web 2.0 // Вестник магистратуры. - 2020. - №6. - С. 5-6.

⁷¹ Муращенко С. В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. - 2019. - № 4. - С. 35-40

более целенаправленные и эффективные коммуникационные стратегии. Это также привело к появлению новых форм политической рекламы, таких как таргетированная реклама в социальных сетях, которая позволяет политическим акторам достигать конкретных аудиторий с учетом их интересов и предпочтений⁷².

Однако, несмотря на все преимущества, которые предоставляют новые технологии, они также создают множество этических и правовых вопросов. Например, вопросы конфиденциальности и защиты данных становятся все более актуальными в условиях, когда политические кампании используют личные данные граждан для таргетирования рекламы. Исходя из вышесказанного, авторская концепция стратегий участия и неучастия в политической коммуникации принципиально переосмысливается и усложняется в контексте цифровой эпохи и признания медиа (особенно цифровых платформ) не просто каналами, а суверенными акторами, конструирующими политическую реальность через повестку, фреймы и нормы. Мы признаем потенциал цифровой среды для обеих стратегий, но подчеркиваем и новые структурные ограничения, нивелирующие их прежнюю определенность:

- стратегия участия обретает в цифровой среде беспрецедентные возможности для прямого контакта, мобилизации, создания альтернативных нарративов и обхода традиционных медиа-гейткиперов. Однако это участие попадает в зависимость от логики платформ и алгоритмов, которые сами становятся главными «конструкторами реальности», определяя видимость контента, формируя информационные пузыри и генерируя новые, неконтролируемые формы «шума» (виральность мемов, троллинг, фейки). Медиа как «четвертая власть» и площадка для дискуссий одновременно расширяет поле для участия и делает его гиперконкурентным и токсичным, требуя постоянной, ресурсоемкой адаптации. Парадоксально, но активное цифровое участие легко превращается в перформативную перенасыщенность, где погоня за вовлеченностью (лайки, репосты) подменяет глубину воздействия, а попытки

⁷² Балашов А. Н., Бочанов М. А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // PolitBook. - 2017. - № 2. - С. 22-34.

формирования повестки тонут в информационном шуме, создаваемом самой платформенной логикой.

- стратегия неучастия теряет свою традиционную эффективность и контролируемость в условиях цифровой тотальности. Полное отсутствие в цифровом пространстве становится практически невозможным и стратегически рискованным: даже молчание политика активно обсуждается, интерпретируется и фреймируется медиа и пользователями, часто в негативном ключе («оторванность», «несовременность», «что скрывает?»). Цифровая среда стирает грань между публичным и приватным, делая любые действия (или их отсутствие) потенциально публичными. Контролируемое неучастие трансформируется в гиперконтролируемое минимальное присутствие (например, редкие, тщательно продуманные посты в соцсетях или официальные каналы) или скрытое участие через доверенных лиц, ботов. Однако сама платформенная архитектура и активность других акторов (СМИ, оппонентов, граждан) лишают элиту монополии на интерпретацию своего молчания. «Четвертая власть» медиа, особенно в ее цифровом воплощении, постоянно создает повестку вокруг отсутствующих фигур, лишая стратегию неучастия ее ключевого преимущества – управляемого смыслового вакуума.

Таким образом, концепция медиакommunikации не отменяет дихотомию участия/неучастия, но радикально трансформирует ее условия и эффективность. Она превращает участие в перманентную, ресурсоемкую и зависимую от платформ борьбу за внимание в перенасыщенном поле, где медиа – не только канал передачи информации, а могущественный конструктор контекста. Стратегию неучастия она лишает былой контролируемости, превращая ее в сложную игру по управлению неизбежными интерпретациями отсутствия в среде, где молчание мгновенно заполняется чужими смыслами. Эффективность любой стратегии теперь определяется способностью актора не просто выбирать между «говорить» или «молчать», а к адаптации в гибридной медиасистеме, понимая ее внутреннюю логику, алгоритмические ловушки, асимметрии власти и постоянно балансируя между видимостью и контролем, между вовлеченностью и сохранением смысловой

автономии в условиях, когда медиа сами стали суверенной политической силой, переопределяющей правила игры для всех участников. Поэтому анализ стратегий участия/неучастия в современном мире невозможен без критического осмысления медиакommunikации как новой среды их существования и ограничения.

Массовая коммуникация в политике относится к способам передачи информации, которые позволяют донести политические сообщения до широкой аудитории. По сравнению с межличностной и групповой коммуникацией, массовая коммуникация, в силу значительного увеличения числа участников и используемых для передачи информации каналов, обладает как особыми возможностями, так и особыми потребностями, среди которых, например, — скорость передачи информации, объемы тиражирования и т. п. Массовая коммуникация охватывает такие каналы, как телевидение, радио, печатные издания и, в последние десятилетия, интернет и социальные сети⁷³. Массовая коммуникация служит не только для информирования граждан о политических событиях, но и для формирования их мнений, установок и поведения. В условиях современного общества, где информация доступна в огромных объемах и в различных форматах, важно понимать, как именно осуществляется этот процесс и какие факторы влияют на его эффективность. В политическом контексте это может означать, что политические новости и сообщения сначала воспринимаются и анализируются журналистами или экспертами, а затем уже распространяются среди граждан. Этот процесс подчеркивает важность медиа в формировании общественного мнения и демонстрирует, как влияние может передаваться через социальные сети и другие каналы⁷⁴.

Массовая коммуникация в политике включает в себя использование различных техник, направленных на привлечение внимания аудитории и формирование определенных установок. Одной из таких техник является

⁷³ Ковалев А. А. СМИ и политическая коммуникация: новые возможности и ограничения // Вестник Поволжского института управления. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 69-83. – DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83

⁷⁴ Грачев М. Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX - начало XXI вв.) // Российская школа связей с общественностью. - 2018. - №1. - С. 25-39.

использование эмоционального контента, который может вызвать сильные чувства у аудитории и тем самым повысить вероятность запоминания сообщения. Политические кампании часто используют образы, символы и риторические приемы, чтобы создать эмоциональную связь с избирателями и убедить их в правильности своей позиции⁷⁵.

Кроме того, важным аспектом массовой коммуникации является управление имиджем политических акторов. Политики и партии стремятся создать положительный образ в глазах общественности, что требует тщательной работы с медиа и активного использования различных каналов коммуникации. Это может включать в себя пресс-конференции, интервью, участие в ток-шоу и другие мероприятия, которые позволяют политикам донести свои идеи и позиции до широкой аудитории⁷⁶. Важным инструментом в этом процессе является PR (паблик рилейшнз), который помогает формировать и поддерживать положительный имидж политиков и партий⁷⁷. Концепция массовой политической коммуникации, с ее акцентом на широкий охват, эмоциональное воздействие и управление имиджем через медиаканалы, предстает в авторской работе как преимущественно инструментальное поле реализации стратегии участия, одновременно выявляя структурные противоречия и тупики, которые делают стратегию неучастия все более сложной и потенциально ценной в эпоху информационной перегрузки. Массовые каналы коммуникации (особенно цифровые) являются двигателями политической мобилизации и конструирования реальности через эмоции, символы и повторяемость сообщений — именно поэтому массмедиа могут стать инструментом внедрения и контроля различных стратегий коммуникации, в частности, участия и неучастия. Так, PR, управление имиджем, создание эмоциональных связей, использование всех доступных медиаплатформ — это все технологии, нацеленного на доминирование в публичном пространстве через

⁷⁵ Серго С. В. Содержание политических коммуникаций // Философия права. - 2014. - №3. - С. 45-49.

⁷⁶ Пинчук И. В. Теория и методология в современной коммуникативистике : учеб.-метод. пособие / И. В. Пинчук [и др.] ; под ред. И. В. Пинчука. — Минск : БГУ, 2022. — 271 с.

⁷⁷ Канзычакова Д. Д. Понятие и сущность PR // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. — 2017. — № 21. — С. 53-56.

постоянное присутствие и формирование желаемых установок у массовой аудитории которые в последствии могут перерасти в участие или неучастие в зависимости от поставленной цели субъекта.

Однако сама природа современной массовой коммуникации, в рамках данной работы, содержит имманентные ограничения и порождает эффекты, которые подрывают возможность контроля стратегий политической коммуникации. Так, стремление к максимальному охвату и скорости, присущее массовой коммуникации, ведет к гиперпродукции политического контента, его стандартизации и эмоциональной эксплуатации. Это порождает усталость аудитории снижая доверие к политическим сообщениям. В таких условиях неучастие могут выступать как демонстрация сфокусированности, серьезности и дистанцирования от медийной суеты, создавая контраст и привлекая внимание за счет дефицита на фоне избытка. Таким образом, массовая политическая коммуникация, усложняет дихотомию стратегий участия/неучастия. Она превращает участие в ресурсоемкую и рискованную игру по управлению непредсказуемыми интерпретациями в фрагментированном и насыщенном поле, где успех все менее гарантирован интенсивностью усилий. Одновременно, она делает стратегию неучастия не столько полным уходом, сколько изощренным способом контролируемой редкости и смысловой экономии, ценной именно на фоне информационного избытка, но требующей структурных ресурсов для защиты от неизбежных интерпретаций отсутствия. Подлинная стратегическая глубина сегодня заключается не в выборе между «участвовать массово» или «не участвовать вовсе», а в способности актора гибко комбинировать элементы обеих стратегий: использовать инструменты массового охвата и эмоционального воздействия для ключевых сообщений (элемент участия), избегая перенасыщения информацией и оставляя пространство для контролируемой тайны (элемент неучастия), постоянно балансируя между необходимостью быть видимым и риском быть обесцененным в перенасыщенном медийном ландшафте.

В тоже время важно понимать, что политическая коммуникация не ограничивается лишь формальными каналами передачи информации, но также

включает в себя межличностные взаимодействия, которые играют ключевую роль в формировании общественного мнения, политической идентичности и участия/неучастия граждан в политической жизни. Виды политической коммуникации можно рассматривать как многоуровневую структуру, где каждый уровень взаимодействия имеет свои особенности и механизмы⁷⁸. Первоначально выделим основные виды политической коммуникации, которые можно классифицировать по различным критериям. Одним из ключевых аспектов является различие между вербальной и невербальной коммуникацией. Вербальная коммуникация включает в себя использование языка, слов и текстов, которые могут быть как устными, так и письменными⁷⁹. В политике это может проявляться в виде речей политиков, официальных заявлений, пресс-релизов, а также в социальных сетях, где текстовые сообщения становятся основным инструментом взаимодействия.

Невербальная коммуникация, в свою очередь, охватывает такие аспекты, как мимика, жесты, интонация и даже визуальные образы, которые могут существенно влиять на восприятие политических сообщений. Например, во время предвыборных кампаний невербальные сигналы, такие как уверенная поза кандидата или его взаимодействие с аудиторией, могут создать положительное или отрицательное впечатление о его личности и политической программе⁸⁰. Включение межличностного, вербального и невербального измерения обогащает авторское понимание дихотомии участия/неучастия, демонстрируя ее всепроникающий характер. Так, стратегия участия на межличностном уровне проявляется не только в публичных речах, но и в целенаправленном выстраивании сетей личных контактов, доверительных отношений с ключевыми агентами влияния (элитами, лидерами мнений, активистами), активном участии в неформальных дискуссиях, партийных собраниях, экспертных кружках. Здесь

⁷⁸ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2010. – № 2(57). – С. 122-144

⁷⁹ Тургаев А. С. Политология: учебное пособие: в 2 т. / А. С. Тургаев [и др.]; под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 298 с.

⁸⁰ Соловьев А. И. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. — М.: Аспект Пресс, 2004 — 332 с.

вербальное мастерство (убедительность аргументов, риторика) и невербальная коммуникация (открытость, эмпатия, уверенные жесты) становятся ключевыми инструментами для мобилизации поддержки, заключения альянсов и распространения нарративов «из уст в уста», что часто обладает большей убедительностью, чем официальные заявления⁸¹.

Стратегия неучастия в этом контексте трансформируется: она может выражаться в избирательной замкнутости, создании дистанции, уклонении от неформальных контактов или использовании посредников для взаимодействия, что позволяет сохранять ауру недоступности и контролировать поток личной информации даже в малых группах. Невербальные сигналы здесь особенно значимы для стратегии неучастия: сдержанная мимика, закрытые позы, минимализм в жестах или, напротив, тщательно продуманные редкие проявления «человеческого тепла» в контролируемой обстановке служат мощными невербальными маркерами избранности, власти или сосредоточенности, дополняя или даже заменяя вербальное молчание⁸².

Следующим важным аспектом изучения стратегий является различие между формальной и неформальной политической коммуникацией. Формальная коммуникация осуществляется через официальные каналы и структуры, такие как правительственные учреждения, политические партии и организации, в то время как неформальная коммуникация происходит в личных беседах, на митингах, в социальных сетях и других неофициальных контекстах⁸³. Неформальная коммуникация часто оказывается более влиятельной, поскольку она позволяет людям обмениваться мнениями и эмоциями, создавая более глубокие связи и вовлеченность в политический процесс. В условиях современного общества, где социальные сети играют все более важную роль, неформальная коммуникация

⁸¹ Зазаева Н. Б. Политическая коммуникация: лекция // Философия и общество. - 2007. - №4. - С. 1-14.

⁸² Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 6. - С. 43-60.

⁸³ Тихонов А. В., Мудров А. Ю. Формальные и неформальные политические взаимодействия в теории коммуникаций // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2015. – № 42. – С. 109–113.

становится основным способом распространения информации и формирования общественного мнения⁸⁴.

При этом, политическая коммуникация часто включает в себя манипуляции, которые могут вводить в заблуждение и искажать реальность. Манипуляция в политической коммуникации — это использование различных приемов для влияния на восприятие информации и формирование определенного мнения у целевой аудитории. Это может проявляться в виде избирательного представления фактов, преувеличения или упрощения сложных вопросов, а также в использовании эмоционально заряженных слов и образов. Например, во время выборов кандидаты могут использовать негативные кампании против своих оппонентов, акцентируя внимание на их недостатках и ошибках, что вызывает у избирателей недовольство и страх⁸⁵.

К числу манипулятивных практик также относятся дезинформация и создание «фейковых новостей»⁸⁶. В эпоху цифровых технологий и социальных медиа распространение ложной информации стало более доступным и эффективным. Политические силы могут использовать социальные сети для распространения слухов, которые подрывают доверие к оппонентам или создают ложное представление о текущих событиях⁸⁷. Это создает атмосферу неопределенности и недоверия, что в свою очередь может привести к политической апатии или, наоборот, к радикализации определенных групп населения. Важным аспектом манипуляции в политической коммуникации является использование страха и паники. Политические силы могут использовать кризисные ситуации, такие как экономические проблемы, террористические угрозы или природные катастрофы, для усиления своего влияния и оправдания своих действий. Стратегия, основанная на страхе, может быть эффективной, так как она вызывает у граждан

⁸⁴ Анциферова Т.Н. Цифровизация как фактор трансформации современного общества // Цифровая наука. - 2020. - №5. - С. 160-165.

⁸⁵ Тощенко Ж.Т. Гражданское общество: учебник для вузов. - 6-е изд. изд. - М.: Издательство Юрайт, - 2025. - 360 с

⁸⁶ Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. - 2017. - № 11. - С. 48-53.

⁸⁷ Шульц Э. Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. - 2022. - Т. 9, № 3. - С. 262-273. - DOI 10.22363/2312-8313-2022-9-3-262-273.

эмоциональную реакцию и заставляет их искать защиту у тех, кто обещает решить возникшие проблемы. Однако такая манипуляция может привести к негативным последствиям, таким как социальная напряженность и разделение общества⁸⁸.

Еще одним видом политической коммуникации является использование риторических приемов, таких как метафоры, аналогии и символы. Эти приемы позволяют политикам сделать свои сообщения более доступными и запоминающимися для широкой аудитории. Например, использование метафоры «войны с коррупцией» может вызвать у граждан ассоциации с борьбой за справедливость и чистоту власти, что создает положительный имидж для политика, который заявляет о своих намерениях бороться с этой проблемой⁸⁹. В то же время, такие риторические приемы могут быть использованы для манипуляции, если они искажают реальное положение дел или упрощают сложные социальные вопросы⁹⁰.

Исходя из этого, стратегии в политической коммуникации и манипуляции в ней представляют собой важные аспекты современного политического процесса. Политические деятели используют различные методы и приемы для достижения своих целей, что может как способствовать развитию демократии и гражданского общества, так и приводить к манипуляциям и искажению реальности⁹¹. Важно, чтобы граждане были осведомлены о возможных манипуляциях и развивали критическое мышление, что поможет им более осознанно подходить к выбору своих политических представителей и формированию собственного мнения. В условиях современной информационной среды, где правда и ложь могут быть трудноразличимы, способность анализировать и оценивать информацию становится важнейшим навыком для каждого гражданина⁹².

В заключении можно констатировать, что представленный анализ эволюции, теорий и практик политической коммуникации позволяет сделать

⁸⁸ Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 125–142.

⁸⁹ Драницына, А. П. Риторика убеждения и невербальные приемы самопрезентации в современных политико-коммуникационных процессах // Гуманитарный акцент. – 2021. – № 2. – С. 63–68.

⁹⁰ Сидоров В. В. Коалиционная политика политических партий в парламентских системах. — Казань: Казан. ун-т, 2016. – 149 с.

⁹¹ Меньшикова Г. А., Пруель Н. А. Основы государственного и муниципального управления (Public Administration). - Москва: Юрайт, - 2023. – 340 с.

⁹² Там же.

фундаментальный вывод о структурировании этого сложного поля вокруг двух взаимодополняющих, но принципиально различных стратегических векторов: участия и неучастия. Эти стратегии не являются простыми антонимами или полюсами единой шкалы активности; они представляют собой самостоятельные, сложноорганизованные комплексы коммуникативных практик, обладающие собственной логикой, мотивацией и последствиями для политической системы.

Стратегия участия, с ее акцентом на производство и распространение нарративов, доминирование в повестке дня, постоянное взаимодействие с аудиторией и оппонентами через все доступные каналы (от масс-медиа до социальных сетей), традиционно воспринимается как нормативная и желательная основа демократического процесса. Ее эффективность в мобилизации, формировании общественного мнения и легитимации власти подробно изучена в рамках теорий агитации, двухступенчатого потока, агентства и влияния медиа как «четвертой власти». Цифровая эпоха придала участию новые измерения: краудсорсинг, пользовательский контент, онлайн-мобилизация, прямые интерактивные диалоги, – расширив арсенал инструментов для политических акторов и граждан. Однако гипертрофированное внимание исследователей и практиков к стратегиям участия создало значительный дисбаланс в понимании политической коммуникации как явления.

Неучастие, напротив, долгое время интерпретировалось преимущественно через призму дефицита – как политическая апатия, отсутствие интереса, ресурсов или компетенций, то есть как пассивность, подлежащая преодолению. Настоящий анализ требует решительного пересмотра этой упрощенной трактовки. Стратегия неучастия предстает как сознательный, рациональный и зачастую активный выбор, обладающий глубокой коммуникативной значимостью и политической эффективностью. Она проявляется в разнообразных формах: от бойкота определенных медиаплатформ или дискурсивных пространств, политики «некомментирования» по ключевым вопросам, создания «тихих зон» в цифровой среде, игнорирования провокаций или навязываемых оппонентом тем до полного цифрового воздержания и отказа от использования инструментов таргетированной

коммуникации, нарушающих приватность. Мотивация к неучастию коренится не в слабости, а в критической рефлексии: протест против манипулятивных практик, недоверие к институтам и каналам коммуникации, стремление избежать поляризации и эскалации конфликта, расчетливое сохранение ресурсов для более важных битв, стратегическое выжидание, защита личной безопасности и данных. Молчание в этом контексте – не отсутствие коммуникации, а мощный коммуникативный акт, несущий смыслы отказа, дистанцирования, несогласия или сохранения автономии, который может быть прочитан аудиторией и оказывает существенное влияние на политический ландшафт.

Важная значимость детального изучения стратегии неучастия, особенно в молодежной среде, обусловлена целым комплексом взаимосвязанных факторов. Молодежь, будучи наиболее адаптированной к цифровым технологиям и основным пользователем социальных медиа, оказывается одновременно и наиболее уязвимой, и наиболее инновационной в выборе коммуникативных стратегий.

Пренебрежение научным осмыслением стратегии неучастия, особенно среди молодежи, создает серьезные риски для устойчивости политической системы. Во-первых, оно приводит к систематическому искажению картины общественного мнения и политических предпочтений, так как голосующие и наиболее активные в публичном поле группы (часто старшего возраста или с конкретными интересами) получают непропорциональное представительство, в то время как стратегически молчащие остаются неучтенными. Во-вторых, непонимание мотивов и форм неучастия препятствует разработке эффективных механизмов вовлечения, которые могли бы преодолеть барьеры недоверия и предложить релевантные для молодежи форматы диалога, а не просто призывы к активности по старым лекалам. В-третьих, игнорирование неучастия как стратегии ослабляет способность системы к рефлексии и адаптации, лишая ее важнейших сигналов о своей собственной дисфункциональности, отчуждении значительных сегментов общества, особенно молодого поколения. В-четвертых, неучтенное неучастие может стать питательной средой для скрытых форм протеста, радикализации или полного разочарования в

политике как инструменте изменения мира, что несет долгосрочные угрозы социальной стабильности и легитимности власти.

Следовательно, признание стратегии неучастия равноправным и крайне значимым объектом исследования в политической коммуникации, особенно применительно к молодежи, является императивом современной политической науки. Это требует разработки новых теоретических рамок, выходящих за пределы парадигм мобилизации и влияния, и фокусирующихся на смыслах, мотивах и последствиях выбора не коммуницировать определенным образом или в определенных пространствах.

1.2. Феномен неучастия: основные подходы и формы

Феномен неучастия в различных сферах человеческой деятельности представляет собой многогранное и сложное явление, которое требует тщательного теоретического осмысления. Неучастие может проявляться в самых разных контекстах, включая политику, экономику, социологию, культуру и даже психологию.

Основные теоретические подходы к изучению феномена неучастия можно разделить на несколько категорий, каждая из которых предлагает свои объяснения и интерпретации причин, по которым индивиды или группы людей могут решать не участвовать в тех или иных аспектах общественной жизни. Среди них выделяются экономические, социокультурные, психологические и политические теории. Неучастие может проявляться в различных формах, включая апатию, протестное неучастие, активное избегание и другие⁹³. Каждая из этих форм имеет свои особенности и причины, которые могут варьироваться в зависимости от контекста и характеристик общества. Например, апатия может быть следствием разочарования в политической системе, тогда как протестное неучастие может быть осознанным выбором, направленным на выражение протеста против существующего порядка вещей.

⁹³ Попова О. В. Политическое поведение российской молодежи: репертуар тактик и реальные // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 15-27.

Неучастие определяется, как состояние, при котором индивид или группа индивидов сознательно или бессознательно отказываются от вовлеченности в определенные действия, процессы или события. Это может быть связано как с отсутствием интереса, так и с недоверием к результатам участия или с различными внешними факторами, которые ограничивают возможность или желание участвовать. Важно отметить, что неучастие не всегда является негативным явлением, в некоторых случаях оно может быть осознанным выбором, который отражает ценности и приоритеты индивида или группы⁹⁴.

В рамках теоретического анализа проблема неучастия может быть интерпретирована через призму классической коммуникативной модели Г. Лассуэлла. Согласно данному подходу, акт политической коммуникации рассматривается как целостный процесс, включающий такие структурные компоненты, как источник коммуникации (кто), содержание передаваемого сообщения (что), используемые медийные каналы (как), характеристика целевой аудитории (кому) и, наконец, достигаемый эффект воздействия. В этом контексте феномен массового неучастия выступает индикатором системной коммуникативной дисфункции, возникающей на различных этапах указанного процесса.

Недоверие к коммуникатору (властным институтам и медиа), нерелевантность или недостоверность транслируемых политических сообщений, наряду с неэффективностью или закрытостью каналов обратной связи, формируют у аудитории устойчивое восприятие собственной исключенности из публичного диалога. Кумулятивным эффектом данной коммуникативной разобщенности является добровольная самоэлиминация индивидов из политического процесса. Таким образом, неучастие представляет собой не первичную характеристику электорального поведения, а следствие глубинного разрыва в цепи «власть-общество», ведущего к деградации публичной сферы⁹⁵.

⁹⁴ Анисимова О. В. Социально-психологические факторы предрасположенности личности к отказу от политического выбора: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Саратов, 2010. — 24 с.

⁹⁵ Laswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society. In Bryson L. (ed.). // The Communication of Ideas. 1948, pp. 37–51.

Классическая теория рационального выбора предлагает интересный взгляд на неучастие, рассматривая его как результат анализа затрат и выгод. Согласно этой теории, индивиды принимают решения о своем участии на основе оценки вероятных последствий. Если предполагаемые затраты, такие как время, усилия или риски, превышают ожидаемые выгоды, индивид может принять решение о неучастии⁹⁶. Этот подход позволяет объяснить, почему в некоторых случаях, даже при наличии возможности участия, индивиды выбирают оставаться вне процесса. В целом классическая теория рационального выбора подходит для объяснения индивидуальных решений о воздержании от политического действия на микроуровне, где расчет затрат (время, усилия, риски) и выгод (ожидаемое влияние) действительно может служить прагматическим мотивом⁹⁷. Однако в контексте концептуализации неучастия как целенаправленной стратегии политической коммуникации, особенно применяемой коллективными и институциональными акторами (партии, государства, элиты), данная теория оценивается как недостаточная. Ее принципиальное ограничение заключается в редукции сложного феномена неучастия до пассивного результата сиюминутного утилитарного расчета, игнорируя его активную, символическую и властную природу.

Критически важным для авторского подхода является понимание неучастия не как простого отсутствия действия, а как сознательного коммуникативного акта и инструмента конструирования политической реальности. Неучастие служит целям, выходящим за рамки непосредственной экономии ресурсов: оно демонстрирует власть через саму возможность игнорирования; конструирует образы (непричастности, превосходства, сосредоточенности на «главном»); маргинализирует оппонентов или темы путем их исключения из дискурса; управляет конфликтами и сохраняет символический капитал. Классическая модель рациональности, фокусирующаяся на материальных или легко измеримых

⁹⁶Amartya Sen. *Rational Fools: A Critique of the Behavioural Foundations of Economic Theory* // Choice, Welfare and Measurement. — Oxford: Blackwell, 1982.

⁹⁷ Шакир Р. А. Теория социального действия и типология цинического поведения // *Философия и культура*. — 2019. — № 5. — С. 19-31. — DOI 10.7256/2454-0757.2019.5.29660.

выгодах⁹⁸, неспособна адекватно объяснить эти символические и долгосрочные эффекты, которые являются сутью неучастия-стратегии.

Психологические аспекты неучастия также заслуживают внимания. Личные установки, мотивация и эмоциональное состояние могут существенно влиять на решение о вовлечении или неучастии⁹⁹. Например, люди с низким уровнем самооценки могут считать, что их участие не приведет к значимым результатам, и, следовательно, предпочитают оставаться в стороне. Важно учитывать роль социальных норм и ожиданий, которые могут как способствовать, так и препятствовать участию. В некоторых случаях, если неучастие становится нормой в определенной группе, индивиды могут не чувствовать стимула для изменения своего поведения¹⁰⁰.

Неучастие также может быть рассмотрено через призму теории социального капитала, которая акцентирует внимание на значении социальных связей и сетей для участия в общественной жизни¹⁰¹. Социальный капитал включает в себя ресурсы, доступные индивидам через их социальные связи, и может существенно влиять на уровень вовлеченности¹⁰². Люди с высоким уровнем социального капитала, как правило, имеют больше возможностей для участия, так как они обладают доступом к информации, ресурсам и поддержке со стороны других членов сообщества. В то же время, индивиды, лишенные таких связей, могут сталкиваться с барьерами, которые препятствуют их участию¹⁰³.

⁹⁸ Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Классический рационализм: генезис и эволюция // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2(77). – С. 129-131.

⁹⁹ Зими́на, Н. А. Взаимосвязь мотивации достижения успеха и избегания неудачи с эмоциональной устойчивостью, экстра\интровертированностью, типами темперамента и акцентуацией характера личности / Н. А. Зими́на // Гуманизация образования. – 2023. – № 3. – С. 5-14. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-3-5-14

¹⁰⁰ Устинова К. А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках // Проблемы развития территории. – 2019. – № 6(104). – С. 102-119.

¹⁰¹ Кропачева Д. С. Социальный капитал современного общества // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2019. – Т. 2, № 8. – С. 282-286

¹⁰² Бурко В. А. Личностный социально-психологический капитал как основа формирования социального капитала социума (опыт операционализации показателя // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2023. – № 2. – С. 78-91. – DOI 10.15593/2224-9354/2023.2.6.

¹⁰³ Четверикова Н. А., Колмыкова М. А. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как социально-экономической категории // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2020. – № 4. – С. 90-98.

Одним из современных подходов к изучению феномена неучастия является теория фрустрации и агрессии, которая предполагает, что неучастие может быть следствием негативного опыта или разочарования¹⁰⁴. Так, когда индивиды сталкиваются с препятствиями, которые мешают их участию, это может приводить к чувству фрустрации, что в свою очередь может вызывать агрессивные реакции или, наоборот, желание дистанцироваться от ситуации¹⁰⁵. В этом контексте неучастие рассматривается как форма защиты от негативных эмоций, возникающих в результате неудачного опыта.

Неучастие также связано с концепцией культурного капитала, предложенной П. Бурдьё¹⁰⁶. Культурный капитал включает в себя знания, навыки и образовательный уровень, которые могут влиять на способность индивидов участвовать в различных социальных и культурных процессах¹⁰⁷. Люди, обладающие высоким уровнем культурного капитала, как правило, имеют больше возможностей для активного участия, в то время как те, кто не имеет доступа к таким ресурсам, могут ощущать себя изолированными и, следовательно, не принимать участия в коллективных действиях¹⁰⁸.

Теория толпы (Г. Лебон¹⁰⁹, Г. Тард¹¹⁰) описывает, как индивид в массе теряет критическое мышление и подчиняется иррациональным коллективным эмоциям. В политической коммуникации эта теория объясняет технологии манипуляции массовым сознанием через упрощенные лозунги и создание образа общего врага. Однако в современном фрагментированном медиaprостранстве тотальный контроль над толпой ослабевает. Стратегия неучастия в этом контексте может быть реакцией на примитивизацию дискурса и попытку низвести гражданина до уровня

¹⁰⁴ Шипова, Л. В. Психологический анализ феномена агрессии в теории фрустрации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 283-285.

¹⁰⁵ Иванов В. И., Перевозкина Ю. М. Подходы к пониманию фрустрации // СМАЛЬТА. – 2022. – № 4. – С. 32–43. – DOI 10.15293/2312-1580.2204.04.

¹⁰⁶ Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste* / P. Bourdieu. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1984. — 534 p.

¹⁰⁷ Andreeva S. M., Andreeva A. M., Bezuglova O. V. Global cultural capital and the economics of knowledge // Science. Arts. Culture. – 2019. – No. 4(24). – P. 146–154.

¹⁰⁸ Богдан С. В. Аспекты социокультурного капитала личности в рамках социально-культурной деятельности // Культура и образование. – 2020. – № 1(36). – С. 91–100. – DOI 10.24411/2310-1679-2020-10111.

¹⁰⁹ Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995.

¹¹⁰ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во «КСП+», 1998.

нерассуждающего элемента толпы¹¹¹. Таким образом, неучастие становится актом индивидуального сопротивления против сведения политики к эмоциональной манипуляции.

С другой стороны, с позиции теории социального обучения (А. Бандура)¹¹² и концепции спирали молчания (Э. Ноэль-Нойман)¹¹³, неучастие может формироваться как результат наблюдения за поведением референтной группы. Индивид, воспринимая отсутствие политической активности в своем окружении как социальную норму, бессознательно усваивает и воспроизводит эту модель поведения¹¹⁴. Таким образом, стратегия неучастия распространяется не только как индивидуальный выбор, но и как социально сконструированная практика, усиливающаяся через механизмы группового подражания. В данном ракурсе, неучастие является не столько актом сопротивления, сколько следствием адаптации к преобладающей в данной социальной среде аполитичной норме.

Важным аспектом изучения феномена неучастия является его связь с политической активностью¹¹⁵. Уровень политической эффективности и доверия к политическим институтам играет ключевую роль в формировании решения о политическом участии/неучастии¹¹⁶. Люди, которые не верят в возможность изменений через участие, скорее всего, выберут неучастие. Это также подчеркивает важность образовательных программ и инициатив, направленных на повышение политической грамотности и вовлеченности граждан¹¹⁷.

¹¹¹ Окатов А. В. Теории коллективного поведения Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современного гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – Т. 2, № 2(6). – С. 5–11.

¹¹² Бандура А. Теория социального научения. — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.

¹¹³ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. — 352 с.

¹¹⁴ Гаспарян Л. С., Данченко Н. Ю., Обшарская А. В., Туснетова А. И. Информационное воздействие на общественное мнение: эффект «спирали молчания» в региональном измерении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1(67), № 4. – С. 58–71.

¹¹⁵ Добрынина М. В., Растимешина Т. В. Политическая активность молодёжи: тенденции, проблемы, противоречия // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2023. – № 4.

¹¹⁶ Берш Т. А., Якимова Е. М. Право на неучастие в выборах (абсентеизм) через призму свободного формирования политического поведения гражданина // Избирательное право. – 2020. – № 1(41). – С. 22–26.

¹¹⁷ Кветной В. В. Гражданская идентичность и электоральное поведение молодежи: политические процессы и влияние на политическую активность в России // Закон и власть. – 2025. – № 3. – С. 25–35.

Исторически, исследование неучастия начиналось с анализа политического поведения, особенно в контексте выборов. В середине XX века ученые начали обращать внимание на то, что значительная часть населения не участвует в выборах, что ставило под сомнение легитимность демократических процессов. Одним из первых теоретиков, который попытался объяснить это явление, был Роберт Патнэм, который в своих работах акцентировал внимание на значении социальных связей и гражданской активности. Он утверждал, что снижение уровня участия в политической жизни связано с упадком социальных институтов, таких как клубы, ассоциации и другие формы коллективного участия, которые способствуют формированию гражданской идентичности и вовлеченности¹¹⁸. Однако в контексте исследования неучастия как стратегии политической коммуникации, концепция Патнэма является неполной. Ее ключевое ограничение заключается в трактовке неучастия преимущественно как следствия социальной аномии — результата распада горизонтальных связей и ослабления гражданской культуры. Такой взгляд не учитывает возможность сознательной инструментализации неучастия. Авторская концепция дополняет структурный подход Р. Патнэма, фокусируясь на агентности, целерациональности и коммуникативной эффективности неучастия, когда оно используется не только, как симптом слабости гражданского общества, а как сознательный рычаг влияния для контроля стратегий коммуникации¹¹⁹.

С течением времени теоретические подходы к изучению неучастия стали более разнообразными и многогранными. Одним из ключевых направлений стало изучение аспектов, которые влияют на решение индивидов не участвовать в тех или иных процессах.

Одним из ключевых аспектов, влияющих на неучастие, является уровень социальной интеграции. Социальная интеграция подразумевает степень вовлеченности индивидов в социальные сети и их принадлежность к различным

¹¹⁸ Putnam R. D. Social Capital in the Federal Republic of Germany and in the US. Civil Commitment and Civil Society. Opladen, Leske + Budrich, 2002, pp. 257–272.

¹¹⁹ Там же.

группам. Чем выше уровень интеграции, тем больше вероятность участия в коллективных действиях¹²⁰. Напротив, индивиды, находящиеся на периферии социальных структур, могут испытывать трудности с вовлечением в активные действия, что приводит к феномену неучастия¹²¹.

Важным вкладом в теорию неучастия стало развитие концепций, связанных с политической апатией и недоверием к институтам власти. Как было уже сказано, часть граждан не участвуют в выборах не потому, что не хотят, а потому что не верят в эффективность своего голоса или в возможность изменения ситуации. В частности, Роналда Инглхарт, акцентируют внимание на том, как политическая культура и исторический контекст формируют отношение граждан к власти и их готовность участвовать в политическом процессе¹²².

Также стоит отметить, что в последние десятилетия наблюдается рост интереса к изучению неучастия в контексте глобализации и изменений в обществе. Появление новых технологий, социальных сетей и изменений в коммуникационных процессах также оказало влияние на уровень участия граждан в политике¹²³. Несмотря на доступность информации и возможность участия в онлайн-дискуссиях, многие люди все равно выбирают не участвовать в традиционных формах гражданской активности. Это стало предметом изучения для таких ученых, как Клаус Шваб¹²⁴ и Мануэль Кастельс¹²⁵, которые подчеркивают, что современные технологии могут как способствовать, так и препятствовать гражданскому участию.

Можно констатировать, что феномен неучастия в различных сферах жизни общества, будь то политика, экономика, культура или социальные движения, представляет собой сложный и многогранный вопрос, который требует

¹²⁰ Цепкова А. С. Социальная интеграция: теоретические подходы и социологические практики // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 3(131). – С. 20-25. – DOI 10.24158/spp.2025.3.2.

¹²¹ Беляева О.В. Абсентеизм в России и способы его преодоления / О. В. Беляева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2020. – № 3(84). – С.

¹²² Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1997. – X, 453 p.

¹²³ Мирнов, Д. В. Влияние информационных технологий на политические процессы: вызовы и возможности // Вестник науки. – 2023. – Т. 1, № 6(63). – С. 684-690

¹²⁴ Schwab K., Vanham P. Stakeholder capitalism: A global economy that works for progress, people and planet. Wiley, - 2021. - 304 p.

¹²⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ГУ ВШЭ, 2000.

всестороннего анализа. В этом контексте теоретические подходы к изучению неучастия можно разделить на социологические и психологические. Каждый из этих подходов предлагает уникальные инструменты и концептуальные рамки для понимания причин и последствий неучастия, а также его влияния на социальные структуры и процессы.

Социальные связи в изучении неучастия демонстрируют значимую роль на социальных факторах, которые способствуют или препятствуют участию индивидов в различных формах общественной жизни. Одним из ключевых аспектов социологического анализа является понимание роли социальных групп и сетей¹²⁶. Социальные связи, включая родственные, дружеские и профессиональные отношения, могут значительно влиять на уровень участия индивидов. Например, наличие активных и вовлеченных в общественную жизнь друзей или членов семьи может служить стимулом для участия, в то время как изоляция или отсутствие поддержки могут привести к неучастию¹²⁷. Социальные нормы и ожидания также играют важную роль: если окружение не поощряет активное участие, индивиды могут чувствовать себя некомфортно, принимая участие в общественных событиях¹²⁸.

Социологи, такие как Бернард Берелсон и Пол Лазерфельд, начали исследовать влияние социальных, экономических и культурных факторов на уровень участия. Они выявили, что такие факторы, как уровень образования, доход, этническая принадлежность и даже географическое положение, могут существенно влиять на решение индивидов участвовать или не участвовать в выборах и других формах гражданской активности¹²⁹. То есть точки зрения социологии, неучастие рассматривается как результат взаимодействия между индивидуальными и социальными факторами. Социологический подход существенно обогащает анализ

¹²⁶ Ровнова С.А. К вопросу о формах проявления принципа детерминизма в социологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология. - 2009. - № 2. - С. 9–13.

¹²⁷ Лукьященко И. Е. Стереотипы общественного сознания и понятие конформизма // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 100-105.

¹²⁸ Голодова А. Д. Явление конформизма в социальных экспериментах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 3-4(90). – С. 69-71. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-3-4-69-71

¹²⁹ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. 1944. The People's Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N.Y.: Columbia University Press, 384 p.

неучастия как коммуникативной практики, демонстрируя, как глубинные социальные структуры формируют предпосылки для его возникновения и эффективности. Знание специфических факторов, обуславливающих невовлеченность определенных демографических групп (включая молодые возрастные когорты), позволяет выявить целевые аудитории, наиболее восприимчивые к стратегиям исключения или игнорирования.

Кроме того, социологические исследования часто рассматривают влияние социальных структур на неучастие. Социальное неравенство, экономические условия и доступ к ресурсам могут существенно ограничивать возможности участия¹³⁰. Например, люди из низкооплачиваемых профессий или с низким уровнем образования могут сталкиваться с барьерами, которые затрудняют их участие в политических процессах или культурных мероприятиях. Как отмечает А. Сена неучастие может быть связано как с отсутствием времени из-за необходимости зарабатывать на жизнь, так и с недостатком информации о том, как участвовать¹³¹. В этом контексте важно вернуться к концепту «социального капитала», который обозначает ресурсы, доступные индивидам через их социальные сети. Высокий уровень социального капитала может способствовать более активному участию, в то время как его отсутствие может привести к изоляции и неучастию¹³².

Социологические теории также подчеркивают важность институциональных факторов, которые могут влиять на неучастие. Например, политические системы, избирательные процедуры и механизмы гражданского участия могут либо способствовать вовлечению граждан, либо, наоборот, создавать препятствия. В странах с низким уровнем доверия к институтам власти или с высокими уровнями коррупции люди могут быть менее склонны участвовать в выборах или

¹³⁰ Саидов А. А. Социальное неравенство в российском обществе: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 47-65. – DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51810.

¹³¹ Sen A. (2016) *Ideja spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

¹³² Торгованова, О. Н. Социальный капитал как условие успешной социальной интеграции // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2020. – № 2(21). – С. 40-44.

общественных инициативах¹³³. Также стоит учитывать влияние культурных факторов: в некоторых культурах участие в общественной жизни может рассматриваться как долг, в то время как в других может доминировать индивидуалистический подход, который снижает мотивацию к коллективным действиям¹³⁴.

С другой стороны, психологические подходы к изучению неучастия сосредотачиваются на индивидуальных факторах, таких как мотивация, восприятие и когнитивные процессы. Психология участия исследует, как личные убеждения, установки и эмоции влияют на решение человека участвовать или не участвовать в различных формах активности¹³⁵. Одним из ключевых понятий в этом контексте является концепция «внутренней мотивации», которая относится к стремлению человека действовать из-за внутреннего интереса или удовлетворения, а не из-за внешнего давления или ожиданий. Люди, которые чувствуют, что их участие имеет значение и может привести к изменениям, скорее всего, будут вовлечены в активные действия, в то время как те, кто не видит смысла в своем участии или считает его бесполезным, могут отказаться от него¹³⁶.

Психологические исследования обращают внимание на вопросе когнитивных искажений, которые могут влиять на восприятие участия. Например, эффект «пассивного наблюдателя» может привести к тому, что индивиды будут считать, что их участие не имеет значения, поскольку они полагают, что другие люди будут действовать вместо них. Это может привести к снижению уровня участия в коллективных действиях, таких как выборы или протесты¹³⁷. Также важно учитывать влияние эмоций на решение о неучастии. Страх, тревога или

¹³³ Ротштейн Б. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 37-60. – DOI 10.17506/ryip.2016.17.1.3760

¹³⁴ Бикбулатова И. Р. Влияние культурных факторов на формирование нарциссических и перфекционистских черт личности // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 12(81). – С. 1449-1460

¹³⁵ Селезнева А. В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. Представляю // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 223-233. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233

¹³⁶ Водяха С. А. Внутренняя мотивация как предиктор психологического благополучия современных подростков // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 4. – С. 114-119

¹³⁷ Политова Е. Д. Наблюдение как вмешательство в ход событий в контексте теории Т. Юнга // Социология. – 2022. – № 5. – С. 179-185.

недовольство могут стать значительными барьерами для вовлеченности, особенно если речь идет о политических или социальных инициативах, которые требуют от человека выхода из зоны комфорта¹³⁸.

Важным аспектом психологического подхода является также понимание роли идентичности. Идентичность, будь то национальная, культурная или социальная, может оказывать значительное влияние на уровень участия. Люди, которые идентифицируют себя с определенной группой или движением, могут быть более склонны участвовать в действиях, которые соответствуют их идентичности¹³⁹. В противовес этому, те, кто не чувствует связи с группой или не считает себя частью определенного сообщества, могут быть менее мотивированы к участию¹⁴⁰. Это подчеркивает важность социальных и культурных контекстов в формировании индивидуальных решений о неучастии.

Исходя из вышесказанного, изучение феномена неучастия требует комплексного подхода, который учитывает, как социологические, так и психологические аспекты. Социологические теории предлагают понимание того, как социальные структуры и сети влияют на участие, в то время как психологические подходы помогают понять, почему индивиды принимают решения о неучастии на уровне личных убеждений и эмоций. Важно отметить, что эти подходы не являются взаимоисключающими; они могут и должны дополнять друг друга, создавая более полное представление о сложных механизмах, стоящих за феноменом неучастия.

В политологии ряд исследователей делят феномен неучастия на две формы: пассивное и активное. Так, пассивное неучастие в общественной жизни представляет собой один из наиболее интересных и сложных феноменов, который привлекает внимание исследователей в области социологии, политологии и

¹³⁸ Абрамов А. В., Рыбина М. В., Давыдова Н. П. Абсентеисты как политическая страта современного российского общества // Известия МГТУ «МАМИ». М., - 2013. - Т. 6, № 1 (15). - С. 31–36.

¹³⁹ Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Идеологическая идентичность молодежи Алтайского края и Новосибирска: между модерном и постмодерном // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2018. - Т. 14, № 4. - С. 530–543. – DOI 10.21638/11701/ spbu23.2018.405

¹⁴⁰ Попова О. В., Гришин Н. В. Развитие идей государственной политики идентичности в отечественной политологии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 389–407. – DOI 10.21638/spbu23.2024.302

культурологии¹⁴¹. Эта форма неучастия характеризуется отсутствием активной вовлеченности индивидов в процессы, происходящие в их сообществе, стране или на глобальном уровне. Пассивное неучастие может проявляться в различных примерах: от апатии к политическим событиям до отказа от участия в социальных движениях и общественных инициативах. Основные причины такого поведения могут быть связаны как с индивидуальными, так и с социальными факторами, и их понимание является ключом к анализу последствий, которые это неучастие может иметь для общества в целом¹⁴².

Одной из основных причин пассивного неучастия является чувство безысходности и утраты контроля над собственной жизнью. Во многих случаях люди ощущают, что их действия не имеют реального значения и не могут повлиять на происходящие события. Это чувство может быть вызвано различными обстоятельствами, такими как экономические кризисы, политическая нестабильность¹⁴³. Индивиды, сталкивающиеся с такими проблемами, могут прийти к выводу, что их участие в общественной жизни не изменит ситуацию к лучшему, и, следовательно, они выбирают не участвовать. Это приводит к формированию «культуры бездействия», когда люди предпочитают оставаться в стороне, наблюдая за происходящим, вместо того чтобы пытаться изменить его¹⁴⁴.

Не менее важным аспектом является и культурный контекст, в котором живут индивиды. В некоторых обществах существует устойчивая традиция пассивного восприятия политики и социальных процессов, где граждане воспринимают свою роль как наблюдателей, а не активных участников¹⁴⁵. В таких культурах может отсутствовать традиция гражданской активности, и люди могут

¹⁴¹ Северухина Д. Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 96–104.

¹⁴² Виноградов М. Ю., Суслова А. А. Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2022. – № 4(107). – С. 123–145. – DOI 10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145.

¹⁴³ Русских Л. В., Сумина А. А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 90–94. – DOI 10.14529/ssh180412.

¹⁴⁴ Прозументик К. В. Siate Inoperosi: поэтика бездействия Джорджо Агамбена // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2018. – № 4. – С. 7–19. – DOI 10.15593/perm.kipf/2018.4.01.

¹⁴⁵ Васюра В. В. Основные виды политического участия и причины абсентеизма // Альманах мировой науки. – 2016. – № 5–3 (8). – С. 46–48.

не видеть необходимости в том, чтобы выражать свои мнения или участвовать в принятии решений. Это связано с историческим опытом, где активное участие в общественной жизни не только не поощрялось, но и пресекалось¹⁴⁶. Таким образом, культурные установки и нормы могут значительно влиять на уровень вовлеченности граждан в общественную жизнь.

Исходя из всего вышесказанного, пассивное неучастие представляет собой отсутствие вовлеченности в политическую коммуникацию, обусловленное внешними структурными ограничениями, отсутствием ресурсов (временных, материальных, когнитивных) или внутренней апатией/безразличием. Оно характеризуется отсутствием осознанной цели воздержания от коммуникации как таковой и является реактивным следствием индивидуальных или групповых обстоятельств, а не продуманным действием.

Ключевые критерии пассивного неучастия:

- детерминация внешними факторами: обусловлено объективными барьерами (низкий социально-экономический статус, недостаток образования, информационная изоляция, институциональные препятствия) или субъективной депривацией (ощущение бессмысленности, отчуждение, отсутствие интереса).
- отсутствие стратегической интенции: не мотивировано конкретной политической целью или расчетом на достижение определенного коммуникативного эффекта. Не служит инструментом влияния.
- реактивность: является ответом на сложившиеся условия, а не инициативным актом. Часто сопровождается отсутствием рефлексии о последствиях своего неучастия.
- минимальный коммуникативный эффект: не создает целенаправленных смыслов или сигналов для других политических акторов, воспринимается как фоновая характеристика.

В итоге, пассивное неучастие в общественной жизни является формой политической коммуникации, который требует внимательного изучения.

¹⁴⁶ Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963. P. 514

Понимание причин, лежащих в основе этого явления, а также его последствий является важным шагом к разработке условий, способствующих повышению уровня гражданской активности и вовлеченности. Необходимо создавать условия, при которых люди будут чувствовать себя уверенно в своем праве участвовать в общественной жизни, а также иметь доступ к информации и ресурсам, необходимым для этого. Только так можно преодолеть культуру бездействия и сформировать активное и сознательное гражданское общество, способное эффективно реагировать на вызовы современности.

Активное неучастие (вторая форма неучастия) можно рассматривать как осознанное решение индивида или группы индивидов дистанцироваться от участия в общественных процессах, таких как политика, социальные инициативы, волонтерская деятельность и другие формы коллективного взаимодействия. Это явление может быть обусловлено множеством факторов, включая личные убеждения, социальные условия, культурные контексты и исторические обстоятельства.

Одной из наиболее распространенных примеров активного неучастия является отказ от голосования на выборах. Этот акт может быть воспринят как протест против существующей политической системы, выражение недовольства по отношению к кандидатам или политическим партиям, а также как результат апатии или недоверия к возможностям влияния на общественные процессы. Важно отметить, что отказ от голосования не всегда является знаком безразличия; зачастую это осознанный выбор, который может быть связан с глубокими размышлениями о политической реальности. Люди, не участвующие в выборах, могут считать, что их голос не имеет значения, что выборы не отражают интересов общества в целом или что существующая система не способна решить актуальные проблемы¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Соколов А. В., Фролов А. А., Бабаджанян П. А. Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 389-405. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405.

Еще одним примером активного неучастия можно назвать бойкотирование социальных или культурных мероприятий. Это может быть связано с политическими убеждениями, например, когда группа людей отказывается поддерживать мероприятие, которое, по их мнению, противоречит их ценностям или вызывает негативные ассоциации. Бойкот может быть организован как акт протеста против определенной политики, компании или организации, и в этом контексте он служит средством привлечения внимания к проблемам и вызовам, с которыми сталкивается общество¹⁴⁸. Например, бойкотирование концертов, выставок или спортивных мероприятий может быть направлено на осуждение действий правительства или крупных корпораций, которые, по мнению бойкотирующих, наносят ущерб обществу или окружающей среде.

Активное неучастие также может проявляться в отказе от членства в общественных или профессиональных организациях. Люди могут решать не вступать в такие организации по ряду причин: от недовольства их деятельностью до желания сохранить личную независимость. Это решение может быть вызвано ощущением, что участие в таких организациях не приведет к реальным изменениям или что они не представляют интересы своих членов. В некоторых случаях отказ от членства может быть также связан с внутренними конфликтами в организации, коррупцией или отсутствием прозрачности в ее деятельности. Это явление также подчеркивает важность доверия к институтам и организациям, которые формируют общественную жизнь¹⁴⁹.

Кроме того, активное неучастие проявляется в форме самоизоляции, когда индивид сознательно выбирает дистанцироваться от общественной жизни на более глубоком уровне. Это может проявляться в отказе от общения с другими людьми, избегании социальных сетей или отказе от участия в общественных дискуссиях. Такое поведение может быть результатом чувства протеста. В некоторых случаях,

¹⁴⁸ Северухина Д. Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского Университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 1, № 1. С. 96–104.

¹⁴⁹ Лаврикова А.А., Шумилова О.Е., Исаева А.Ю. Стратегии поведения в конфликтных ситуациях: особенности отражения в дискурсе российских лидеров общественного мнения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 40–48.

это может быть связано с психическим здоровьем, когда индивид испытывает трудности в общении и взаимодействии с окружающими¹⁵⁰. Самоизоляция может стать способом защиты, но при этом она также может усугублять чувство одиночества и изоляции, что в свою очередь может привести к еще большему отказу от участия в общественной жизни¹⁵¹.

Важно отметить, что активное неучастие не всегда является негативным явлением. В некоторых случаях оно может быть осознанным выбором, отражающим убеждения индивида. Например, люди могут решать не участвовать в определенных мероприятиях или организациях, которые противоречат их моральным или этическим стандартам. В этом контексте активное неучастие может быть формой выражения личной позиции и стремления к сохранению своих ценностей¹⁵².

С точки зрения политологии, активное неучастие также может рассматриваться как индикатор состояния общества. Высокий уровень неучастия может свидетельствовать о наличии глубоких социальных и политических проблем, таких как коррупция, отсутствие доверия к институтам, социальное неравенство и другие. В этом контексте исследование активного неучастия становится важным инструментом для понимания динамики общества и выявления его потребностей¹⁵³.

Исходя из всего вышесказанного, активное неучастие представляет собой сознательный и целенаправленный отказ от вовлечения в определенные коммуникативные практики, пространства или взаимодействия, используемый как инструмент достижения конкретных политических целей. Это коммуникативный акт посредством умолчания или отсутствия, обладающий собственной смысловой

¹⁵⁰ Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – 2018. - № 10. - С. 90–99

¹⁵¹ Фаррахов А. Ф. Самоизоляция как фактор одиночества // Наука Красноярья. – 2013. – Т. 2, № 2. – С. 74–81.

¹⁵² Уханова Ю. В., Косыгина К. Е., Смолева Е. О. и др. Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития. — Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. – 237 с.

¹⁵³ Русских Л.В., Сумина А.А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 4. С. 90–94. <http://doi.org/10.14529/ssh180412>

нагрузкой и рассчитанный на определенное восприятие. Ключевые критерии активного неучастия:

- целерациональность: основано на расчете затрат/выгод и направлено на достижение конкретного политического результата (дискредитация оппонента, фреймирование повестки, экономия ресурсов, уход от ответственности, демонстрация силы/независимости).
- интенциональность: предполагает осознанный выбор не действовать определенным образом для достижения определённой цели. Является результатом стратегического решения.
- символическое конструирование: используется для производства смыслов – молчание или отсутствие выступает как сигнал (пренебрежение, непризнание легитимности, концентрация на «важном», недоступность). Направлено на управление восприятием целевых аудиторий.
- ожидание коммуникативного эффекта: рассчитано на интерпретацию целевыми аудиториями и противниками, предполагает прогнозирование их реакции на факт неучастия. Является компонентом более широкой коммуникативной или политической стратегии.

Таким образом, активное неучастие представляет собой сложное и многостороннее явление, которое может принимать различные формы и проявления. Оно может быть обусловлено как личными убеждениями и ценностями, так и социальными и политическими условиями. Важно понимать, что активное неучастие не является однозначно негативным явлением; оно может служить как средством протеста, так и способом самовыражения. Исследование этого феномена позволяет глубже понять динамику общественной жизни и выявить пути для улучшения вовлеченности граждан в социальные и политические процессы.

Признавая пользу разделения неучастия на активное и пассивное, важно отметить, что эта двухчастная модель недостаточно описывает реальное многообразие случаев в современной политической коммуникации. Главный ее недостаток – игнорирование роли непредсказуемых обстоятельств и быстрых

реакций, которые нельзя отнести ни к долгосрочной стратегии, ни к устойчивой пассивности.

Чтобы заполнить этот пробел в теории, мы предлагаем ввести третью форму – ситуативное неучастие. Оно возникает как незапланированная реакция на конкретные, часто внезапные события (кризис, провокацию, смену темы) и направлено на снижение сиюминутных рисков или использование открывшихся возможностей¹⁵⁴. Одним из основных механизмов, способствующих ситуативному неучастию, является личный опыт (позитивный и негативный). Многие люди, столкнувшиеся с успехами и проблемами в конкретной сфере, начинают избирательно участвовать/не участвовать в общественной жизни. Это приводит к формированию у них негативного мировоззрения, где они не видят смысла в активных действиях в одних в конкретных сферах. В таких условиях ситуативное неучастие, становится защитным механизмом, позволяющим избежать разочарования и негативных эмоций, связанных с неудачными попытками изменить ситуацию.

Мотивы ситуативного неучастия также могут быть связаны с личными переживаниями и внутренними конфликтами. Например, некоторые люди могут испытывать страх перед последствиями активного участия в общественной жизни. Этот страх может быть, как реальным, так и воображаемым, но в любом случае он способствует формированию у индивида желания избегать активных действий. Страх может быть связан с потерей работы, угрозами со стороны властей или даже насилием со стороны окружающих. В таких условиях ситуативное неучастие становится способом сохранить свою безопасность и избежать потенциальных рисков.

Более того, ситуативное неучастие может быть следствием рационального расчета, основанного на доступной информации. Люди могут быть осведомлены о политических процессах или социальных движениях, понимать их важность и

¹⁵⁴ Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Причины и последствия социального уклонения студенческой молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2024. – № 17. – С. 145–148.

механизмы влияния, однако не видеть для себя личной выгоды или ощутимых результатов от активного участия. В таких случаях индивиды, обладая знаниями и способностью сформулировать свою позицию, сознательно выбирают пассивность. Их неучастие становится инструментальным решением, отражающим убеждение в неэффективности усилий, отсутствии прямой отдачи или неспособности их действий реально повлиять на ситуацию.

Критерии ситуативного неучастия:

- контекстуальная триггерность: возникает исключительно как реакция на конкретное, часто непрогнозируемое событие или изменение среды. Его причиной является не общая стратегия или постоянное условие, а дискретный внешний стимул.
- тактическая адаптивность: характеризуется краткосрочной ориентацией и фокусом на немедленном управлении ситуацией. Целью служит не достижение долгосрочных политических задач, а сиюминутное избегание угроз (репутационных, операционных) или использование открывшихся возможностей.
- отсутствие стратегической интенции: в отличие от активного неучастия, не основывается на заранее сформированном плане или глубоком расчете последствий. Решение принимается оперативно, часто под давлением обстоятельств, и не интегрировано в долгосрочную коммуникативную стратегию актора. Его мотивация — ситуативный прагматизм, а не стратегический дизайн.
- ограниченная коммуникативная сигнальность: хотя может восприниматься как сигнал, не ставит своей основной целью конструирование сложных смыслов или нарративов (в отличие от активного неучастия). Его первичная функция — реактивное управление текущим положением, а не продуцирование символических эффектов.
- потенциальная обратимость: часто носит временный и ситуационно ограниченный характер. Возврат к коммуникации возможен сразу после нормализации обстановки или исчезновения триггера, что отличает его от устойчивого пассивного неучастия.

Таким образом, ситуативное неучастие дополняет теоретическую схему, объясняя те случаи воздержания от коммуникации, которые не укладываются в логику сознательной инструментализации (активное) или структурной предопределенности (пассивное). Оно фиксирует важный аспект гибкости и спонтанности в поведении политических акторов, реагирующих на турбулентность современной медиасреды. Введение этой категории позволяет более адекватно анализировать быстро меняющиеся коммуникативные ландшафты, где мгновенные реакции на непредвиденные события становятся неотъемлемой частью политической практики¹⁵⁵.

Исходя из всего вышесказанного, формы неучастия — это устойчивый тип воздержания от коммуникативных действий, выделяемый по совокупности трех критериев:

- детерминация (ключевой фактор возникновения);
- функциональная направленность (цель/эффект);
- временной и рефлексивный характер (длительность и осознанность).

Влияние неучастия на общество и политику является важной темой в контексте современного политического процесса. Неучастие граждан в политической жизни, будь то выборы, референдумы или другие формы гражданской активности, приводит к значительным последствиям как для государственных институтов, так и для социальной структуры общества в целом. Демократический дефицит, который часто ассоциируется с неучастием, представляет собой ситуацию, когда демократические процессы и институты не способны обеспечить адекватное представительство интересов и потребностей граждан¹⁵⁶. Это явление становится особенно заметным в условиях, когда уровень вовлеченности граждан в политическую жизнь снижается, что в свою очередь ведет

¹⁵⁵ Соколов А. В., Исаева Е. А., Гребенко Е. Д., Бабаджанян П. А. Уклонение как форма поведения обучающихся вузов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 408–423. – DOI 10.21638/spbu23.2024.303.

¹⁵⁶ Большаков С. Н., Большакова Ю. М. Утрата обаяния свободы или о дефиците демократических процедур / С. Н. Большаков, Ю. М. Большакова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2023. – № 1(96). – С. 74–86.

к ухудшению качества демократии и подрыву доверия к государственным институтам.

Как было сказано выше неучастие граждан в политических процессах может быть вызвано множеством факторов, включая апатию, недовольство существующей политической системой, отсутствие информации о политических событиях или же ощущение бесполезности своего голоса. Когда граждане не участвуют в выборах или других формах политической деятельности, они фактически отказываются от возможности влиять на принимаемые решения, что создает порочный круг. Политики, не получая поддержки от значительной части населения, могут начать игнорировать их интересы, что в дальнейшем приводит к еще большему разочарованию и неучастию. Это явление можно рассматривать как своего рода замкнутый цикл, в котором неучастие порождает отсутствие представительства, а отсутствие представительства, в свою очередь, усугубляет неучастие¹⁵⁷.

В настоящее время неучастие в политической жизни может иметь различные примеры, включая неявку на выборы, отказ от участия в политических партиях, а также отсутствие интереса к политическим вопросам в целом¹⁵⁸.

Важно отметить, что неучастие граждан в политической жизни может также негативно сказаться на качестве принимаемых решений. Когда в процессе принятия решений участвует лишь небольшая часть населения, это может привести к тому, что важные вопросы, касающиеся благосостояния общества, будут игнорироваться или недооцениваться¹⁵⁹. Например, если решения о распределении бюджетных средств принимаются без учета мнения широкой общественности, это может привести к неэффективному использованию ресурсов и ухудшению качества жизни граждан. Кроме того, отсутствие активного участия граждан в

¹⁵⁷ Юдина, К. В. Феномен неучастия и политический конформизм в современном российском обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 11-1(98). – С. 276-278. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-11-1-276-278

¹⁵⁸ Тедеева Р. О. Политическая культура современного российского общества: политический абсентеизм и нигилизм // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 86-8. – С. 157–161. – DOI 10.18411/trnio-06-2022-391.

¹⁵⁹ Евстафьев Д. Г. Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 2. – С. 98–110.

политических процессах может снизить уровень ответственности власти перед обществом, что в свою очередь может привести к коррупции и злоупотреблениям.

Исходя из этого неучастие рассматривается как симптом более глубоких социальных и экономических проблем. В условиях, когда значительная часть населения не проявляет интереса к политическим процессам, это может свидетельствовать о том, что существующие политические институты не способны эффективно представлять интересы граждан. Изучая причины неучастия, исследователи выделяют такие факторы, как разочарование в политической системе, отсутствие информации о политических процессах, а также ощущение бессилия и безнадежности¹⁶⁰. Когда граждане не видят возможности влиять на принятие решений в свою пользу здесь и сейчас, они начинают воспринимать политическую систему как нечто далекое и недоступное. Это приводит к снижению уровня доверия к институтам власти и, как следствие, к еще большему неучастию.

Таким образом, влияние неучастия на общество и политику является многогранным и сложным вопросом, который требует внимательного изучения. Неучастие граждан в политической жизни не только подрывает легитимность выборных органов власти, но и способствует росту социального недовольства, политической нестабильности и ухудшению качества принимаемых решений. Важно понимать, что неучастие не является просто личным выбором, а отражает более глубокие социальные и экономические проблемы, которые необходимо решать для обеспечения полноценного функционирования политического процесса¹⁶¹. В этом контексте, необходимо искать пути повышения гражданской активности и вовлеченности населения в политическую жизнь, чтобы создать более справедливую и эффективную демократическую систему, способную отвечать на вызовы современности.

Как было отмечено неучастие может проявляться по-разному: от отказа от голосования на выборах до уклонения от участия в общественной жизни и

¹⁶⁰ Махмудов, А. С. Отношение российской молодежи к выборам - причины политического абсентеизма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2020. – № 4(142). – С. 70-77.

¹⁶¹ Сидорук Т. Н., Желтиков Н. В., Борминцева А. С. Независимость выборов в контексте вмешательства в избирательный процесс // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 3(13). – С. 128–143.

волонтерской деятельности. Важно понимать, что неучастие не всегда является следствием сознательного выбора индивида; оно может быть обусловлено социальными, экономическими и культурными факторами. В частности, люди из низкообеспеченных слоев населения могут испытывать трудности в доступе к информации о политических процессах или просто не иметь времени и ресурсов для активного участия в жизни общества. Следовательно, исследования феномена неучастия должны учитывать контекст, в котором происходит это явление, а также различные уровни воздействия, от индивидуального до институционального¹⁶².

В этом контексте роль образования в преодолении неучастия становится особенно важной. Образование не только способствует формированию критического мышления, но и обеспечивает доступ к знаниям, необходимым для активного участия в жизни общества. Качественное образование может помочь людям осознать важность их голоса и участия в демократических процессах, а также развить навыки, необходимые для активного взаимодействия с окружающим миром¹⁶³. Так, программы гражданского образования, например, «обучение служением» могут быть направлены на развитие у студентов понимания их прав и обязанностей как граждан, а также на формирование у них навыков, необходимых для участия в общественной жизни. Такие программы могут включать в себя изучение истории демократических процессов, анализ современных социальных и политических проблем, а также практические занятия, направленные на развитие навыков дебатов и публичных выступлений¹⁶⁴.

Однако образование само по себе не всегда является достаточным условием для преодоления неучастия. Важным является также доступность информации и технологий, которые могут способствовать вовлечению людей в общественную жизнь. В последние годы информационные технологии стали играть ключевую

¹⁶² Ткач А. С. Динамика и анализ причин абсентеизма в России с начала 1990-х годов // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 213–217.

¹⁶³ Баранчиков О., Городнина О. С. Абсентеизм как предмет научно-теоретического анализа (Часть 1) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2017. – № 2(2). – С. 151–161.

¹⁶⁴ Соколов А. В., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Особенности модуля «обучение служением» в образовательном процессе // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Тезисы докладов XVI Всероссийской научно-методической конференции, Ярославль, 28–29 марта 2024 года. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Филигрань", 2024. – С. 542–544.

роль в формировании общественного мнения и организации коллективных действий. Социальные сети, блоги и другие онлайн-платформы предоставляют людям возможность обмениваться мнениями, организовывать мероприятия и мобилизовать сторонников. Эти инструменты могут быть особенно полезными для молодежи, которая часто является более активной в онлайн-пространстве, чем в традиционных формах участия¹⁶⁵.

Перспектива исследований феномена неучастия требует комплексного подхода, который учитывает взаимодействие между образованием, доступом к информации и социальными факторами. Важно не только исследовать причины неучастия, но и разрабатывать практические рекомендации, которые могут помочь в его преодолении. Это может включать в себя разработку образовательных программ, направленных на повышение уровня политической грамотности, а также инициатив по улучшению доступа к информации и технологиям для различных слоев населения. Важно также учитывать, что неучастие может иметь разные причины в зависимости от контекста, и поэтому решения, направленные на его преодоление, должны быть адаптированы к конкретным условиям.

В завершение стоит отметить, что феномен неучастия может являться индикатором системных социально-экономических противоречий. В условиях, когда значительная часть населения не проявляет интереса к политическим процессам, это может свидетельствовать о том, что существующие политические институты не способны эффективно представлять интересы граждан. Изучая причины неучастия, выделяются такие факторы, как разочарование в политической системе, отсутствие информации о политических процессах, а также ощущение бессилия и безнадежности. Когда граждане не видят возможности влиять на принятие решений, они начинают воспринимать политическую систему как нечто далекое и недоступное. Исходя из этого феномен неучастия представляет собой

¹⁶⁵ Володенков С. В., Белоконев С. Ю., Сулова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: материалы исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – № 23(1). – С. 31–46. – DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46.

сложное и многогранное явление, которое требует глубокого теоретического осмысления.

В данном параграфе было рассмотрено множество теоретических подходов, каждый из которых предлагает свою интерпретацию причин и форм неучастия в общественной жизни. Так, теория социального капитала, подчеркивает важность связей между людьми и их вовлеченности в социальные сети. Исследования показывают, что низкий уровень социального капитала может приводить к неучастию, так как отсутствие связей и поддержки со стороны общества снижает мотивацию к активным действиям¹⁶⁶. В этом контексте также следует упомянуть, что феномен неучастия требует интеграции социологического и психологического подходов так как это является основой для преодоления фрагментарности в понимании неучастия. Однако для операционализации этого синтеза и перехода от абстрактного понимания «механизмов» к анализу конкретных практик требуется концептуальный инструментарий, способный зафиксировать качественное разнообразие проявлений неучастия в политическом поле.

Именно здесь типология форм неучастия (пассивная, активная, ситуативная) выступает как ключевое теоретическое решение, непосредственно вытекающее из комплексного взгляда:

- социологический подход находит свое отражение в первую очередь в объяснении пассивного неучастия. Данная форма концептуализирует неучастие как результат воздействия объективных структур (социальное положение, ресурсные ограничения, институциональные барьеры) и распада связующих механизмов (слабость гражданских сетей, дефицит социального капитала), выявленных теориями социальных факторов и социального капитала.
- Психологический подход наиболее релевантно подходит для понимания ситуативного неучастия. Данная форма отражает неучастие как непосредственную реакцию на внешние стимулы, обусловленную когнитивными

¹⁶⁶ Агафонова Д. Ю. Актуализация проблемы социального капитала общественного участия: систематический обзор российских научных публикаций // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Т. 11, № 2(42). – С. 68–92. – DOI 10.21684/2411-7897/2025.11.2.68-92.

оценками угрозы/возможности, эмоциональными состояниями (растерянность, гнев, страх) и сиюминутными мотивационными факторами (избегание дискомфорта, выигрыш времени), что согласуется с исследованиями индивидуальной мотивации и принятия решений под давлением.

- синтез социологического и психологического подходов наиболее очевиден в активном неучастии. Данная форма предполагает демонстративное решение, учитывающий, как социальный контекст (восприимчивость аудитории, существующие расколы, медийную логику), так и психологические механизмы воздействия (управление восприятием через создание смыслов).

Таким образом, предложенная трехуровневая типология форм неучастия является не просто классификацией, а прямым теоретическим следствием и практическим воплощением комплексного социолого-психологического подхода.

Выводы к главе 1. Исследование теоретических основ неучастия в политической коммуникации выявило необходимость преодоления фрагментарности существующих подходов. Развивая представленную теоретическую палитру и стремясь к концептуальному синтезу, данная работа предлагает авторскую интерпретацию, согласно которой все многообразие стратегий политической коммуникации редуцируется к двум фундаментальным, взаимоисключающим, но диалектически связанным стратегиям: участия и неучастия в политической коммуникации. Стратегия участия определяется как целенаправленная, систематическая и проактивная деятельность по занятию коммуникативного пространства, включающая генерацию контента, формирование повестки, взаимодействие с аудиторией, управление идентичностью и использование всех доступных каналов для достижения политических целей через доминирование в дискурсе и создание видимости. Ее сущность заключается в постоянном усилии по завоеванию внимания, конструированию смыслов, мобилизации поддержки и легитимации действий посредством тотальной коммуникативной вовлеченности.

Напротив, стратегия неучастия представляет собой систематический и (или) ситуативный отказ от широкой публичной вовлеченности, проявляющийся в жесткой дозированной и контроле коммуникативных актов, дистанцировании от повседневной повестки, игнорировании провокаций и делегировании функций общения. Эта стратегия является не пассивностью, а мощным инструментом, использующим дефицит информации, контролируемое молчание и ограниченную доступность как ресурсы для создания ауры элитарности, защиты репутации, сохранения нарративного контроля, минимизации рисков ошибок и тактического лишения оппонентов мишеней для атаки. Выбор между этими базовыми стратегиями определяется сложным переплетением факторов, включая природу политического режима, конкретные цели актора (завоевание или удержание власти), этап политического цикла, баланс ресурсов и рисков, а также культурные ожидания аудитории.

В рамках стратегии неучастия, и в целях преодоления ограниченности бинарных моделей, анализ фокусируется на дифференциации трех принципиально различных форм неучастия, каждая из которых обладает уникальной природой, детерминантами и функциональным назначением, отражая синтез социологического и психологического подходов к пониманию мотивации. Пассивное неучастие понимается как устойчивое, фоновое состояние воздержания от коммуникации, обусловленное объективными структурными барьерами – такими как социально-экономическое неравенство, институциональная изоляция, дефицит ресурсов (временных, материальных, когнитивных) или глубокой внутренней апатией и ощущением политической неэффективности. Оно характеризуется отсутствием осознанной цели неучастия как такового, минимальной рефлексивностью и воспроизводством социального исключения. Эта форма находит свое объяснение прежде всего в социологической перспективе, раскрывающей макроструктурные предпосылки политической аномии. Активное неучастие представляет собой осознанную, целенаправленную форму воздержания от коммуникации (бойкот, демонстративное игнорирование, контролируемое умолчание) как легитимного орудия власти для достижения конкретных

политических результатов. Его мотивация лежит в сфере рационального расчета: дискредитация оппонента путем лишения его платформы, фреймирование повестки через исключение нежелательных тем, экономия политических ресурсов, демонстрация силы через пренебрежение, уклонение от ответственности или консервация статус-кво. Эта форма требует синтеза подходов: социологический анализ выявляет условия ее эффективности (восприимчивость аудитории, существующие расколы), а психологический – механизмы воздействия (управление восприятием через дефицит, эксплуатация когнитивных предубеждений).

Ситуативное неучастие, вводимое как категория для преодоления теоретической лакуны, определяется как незапланированная, контекстуально детерминированная и краткосрочная реакция воздержания от коммуникации, возникающая как непосредственный ответ на специфические, часто непредсказуемые внешние импульсы – внезапный кризис, провокацию оппонента, технический сбой, эмоциональный всплеск или резкое изменение информационного фона. Его функциональное назначение – не долгосрочная стратегия, а сиюминутное тактическое управление текущими рисками (избегание эскалации, минимизация репутационного ущерба) или эксплуатация открывшихся кратковременных возможностей (предоставление оппоненту возможности «увязнуть»). Эта форма наиболее тесно связана с психологической перспективой, фокусирующейся на когнитивных оценках угрозы, эмоциональных реакциях и механизмах принятия решений в условиях стресса и неопределенности, но реализуется в рамках заданных социальных и институциональных контекстов.

Таким образом, предложенная трехуровневая модель форм неучастия (пассивное, активное, ситуативное) выступает как прямое теоретическое следствие и операционализация комплексного социолого-психологического подхода. Эта типология форм служит ключевым инструментом для анализа того, как стратегия неучастия реализуется на практике через разнородные формы, детерминированные как макроструктурами общества, так и микроуровневыми мотивациями и реакциями акторов в динамичном и турбулентном поле политической

коммуникации. Она обеспечивает целостное понимание неучастия не как маргинального симптома или простого отсутствия действия, а как сложного, многоуровневого и семиотически нагруженного феномена, органично встроенного в механизмы осуществления и конкуренции за политическую власть.

2 Особенности политической коммуникации современной студенческой молодежи вузов России

2.1 Основные характеристики студенческой молодежи вузов России

Молодежь как специфическая социально-демографическая группа, находящаяся в стадии становления социальной зрелости, представляет собой объект непрерывного научного осмысления и целенаправленного государственного регулирования. В Российской Федерации эволюция понимания ключевых характеристик молодежи и подходов к ее поддержке неразрывно связана с развитием законодательной базы в сфере молодежной политики. Эта эволюция отражает сложный путь от разрозненных нормативных актов советского и постсоветского периодов к формированию комплексной системы правового регулирования, закреплённой в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и его последующих редакциях, что свидетельствует о признании государством особой роли молодежи в социально-экономическом и культурном развитии страны¹⁶⁷.

Изначально в законодательстве отсутствовало единое определение молодежи, ее возрастные границы трактовались ситуативно в зависимости от целей конкретного нормативного акта – будь то трудовая сфера, образование или семейная политика. Это порождало фрагментарность в подходах и затрудняло разработку адресных мер поддержки. Законодательное закрепление универсального возрастного диапазона от 14 до 35 лет в статье 2 Федерального закона № 489-ФЗ¹⁶⁸ стало ключевым шагом в унификации правового статуса молодых граждан. Установление нижней границы обусловлено наступлением частичной дееспособности (статья 26 Гражданского кодекса РФ), связанной с получением паспорта и возможностью осуществлять ряд гражданских прав самостоятельно, а также с активным включением в образовательные и первые трудовые отношения. Верхняя граница в 35 лет отражает современные тенденции

¹⁶⁷ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 20.08.2025)

¹⁶⁸ Там же.

удлинения периода социального и профессионального самоопределения, завершения образования, формирования семьи и устойчивого экономического положения. Важно подчеркнуть, что законодатель сознательно связывает понятие «молодежь» с гражданством Российской Федерации, определяя в законе именно «молодых граждан», тем самым выделяя данную группу как объект специальных государственных гарантий и мер поддержки в рамках внутренней политики. Так, по сообщению вице-премьер РФ Татьяны Голиковой в России живут порядка 37 млн человек в возрасте 14-35 лет, что составляет четверть страны¹⁶⁹.

Эволюция правового статуса молодежи ярко проявляется в расширении ее правосубъектности. Если в 1990-е и ранние 2000-е годы права и интересы молодых людей регулировались преимущественно через отраслевое законодательство (трудовое, образовательное, семейное), то принятие Федерального закона № 489-ФЗ ознаменовало становление молодежной политики как самостоятельного предмета правового регулирования с комплексным характером. Право молодежи на объединение, исторически закрепленное еще в законе «Об общественных объединениях» с 14 лет, получило качественно новое развитие. Современное законодательство не только гарантирует это право, но и устанавливает конкретные механизмы государственной и муниципальной поддержки молодежных и детских общественных объединений, включая финансовые, информационные и имущественные формы, что стимулирует их развитие как важных институтов гражданского общества и социализации.

Трансформация характеристик молодежи в сфере труда и занятости также находит свое отражение в законодательной динамике. Советское законодательство акцентировало внимание преимущественно на охране труда несовершеннолетних и борьбе с безнадзорностью. Современный этап характеризуется более широким и диверсифицированным подходом. Трудовой кодекс РФ сохраняет специальные нормы по охране труда молодежи (сокращенная рабочая неделя – статья 92 ТК РФ,

¹⁶⁹ Голикова сообщила, что в России живут 37 млн человек в возрасте 14-35 лет // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/20448339> (дата обращения: 19.09.2025).

запрет на тяжелые работы – статья 265 ТК РФ)¹⁷⁰, однако ключевым вектором развития стала активная политика содействия занятости и адаптации к рынку труда. Законодательство о молодежной политике прямо предусматривает разработку и реализацию программ временного и постоянного трудоустройства молодых граждан, включая такие формы, как студенческие отряды, получившие специальное правовое оформление. Особое внимание уделяется поддержке молодых специалистов – выпускников профессиональных образовательных организаций, впервые вступающих на рынок труда, для которых создаются механизмы содействия в трудоустройстве по полученной специальности, в том числе через систему квотирования рабочих мест на уровне регионов и потенциальное установление требований к работодателям в части приема на работу данной категории. Это отражает осознание государством специфических барьеров, с которыми сталкивается молодежь при переходе «учеба-работа».

Жилищная проблема, являющаяся одним из ключевых факторов, влияющих на демографическое поведение и социальное самочувствие молодежи, также претерпела значительную эволюцию в правовом регулировании. От советской модели обеспечения жильем через ведомственные общежития и распределение государственного фонда произошел переход к сложной системе мер поддержки, ориентированной преимущественно на молодые семьи. Федеральный закон «О молодежной политике» прямо указывает на необходимость реализации мероприятий, направленных на улучшение жилищных условий молодых семей, что материализуется в виде долгосрочных целевых программ типа «Молодой семье – доступное жилье». Эти программы включают механизмы государственных субсидий на приобретение жилья или уплату первоначального взноса по ипотеке, социальной ипотеки с государственной поддержкой, а также льготного найма жилых помещений. Законодательное закрепление таких мер подчеркивает признание государством жилищной обеспеченности как критически важного

¹⁷⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации: ТК: текст с изменениями и дополнениями на 5 февраля 2018 года: [принят Государственной думой 21 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. – URL: www.garant.ru (дата обращения: 30.06.2025).

условия для стабильности молодых семей и, как следствие, для демографического развития страны.

Ценностные ориентации и воспитательные приоритеты в отношении молодежи, будучи важнейшей характеристикой любой социальной группы, получили в современном российском законодательстве четкое нормативное оформление, что знаменует собой значительный сдвиг по сравнению с предыдущими периодами. Поправками, внесенными Федеральным законом от 28.12.2024 № 550-ФЗ в закон о молодежной политике, было введено и законодательно определено понятие «патриотическое воспитание» как систематическая и целенаправленная деятельность органов власти и институтов гражданского общества по формированию у молодежи высокого патриотического сознания, чувства верности Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей. Это определение принципиально отличается от идеологической индоктринации советского периода, делая акцент на исторической памяти, национально-культурной идентичности и осознанной гражданской позиции. Не менее значимым стало законодательное закрепление понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» (статья 2 ФЗ № 489-ФЗ в ред. 550-ФЗ). Указание на необходимость их защиты и передачи новым поколениям отражает стремление государства к консервативной консолидации общества и формированию ценностного иммунитета против так называемых «деструктивных идеологий», прямо упомянутых в законе (пункт 5 статьи 4 ФЗ № 489-ФЗ в ред. 550-ФЗ). Данная законодательная рамка является ответом на наблюдаемые социологами процессы культурной вестернизации и глобализации молодежных субкультур, выражающиеся в заимствовании моделей потребления, сленга и поведенческих паттернов, часто в ущерб национальным культурным кодам. Законодатель стимулирует создание и продвижение культурных продуктов (литература, кино, медиа), направленных на укрепление гражданской идентичности молодежи.

Эволюция характеристик российской молодежи неразрывно связана с развитием институциональной инфраструктуры, поддерживающей ее

социализацию, развитие и защиту прав. Законодательство последовательно расширяет круг субъектов, вовлеченных в реализацию молодежной политики. От доминирования комсомольских организаций в советский период и множества разрозненных НКО в 1990-2000-е годы, система пришла к сложной модели, включающей федеральные и региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, образовательные организации, государственные и муниципальные учреждения по работе с молодежью, а также широкий спектр негосударственных акторов. К последним, помимо молодежных и детских общественных объединений, законодатель теперь относит и Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение Первых», созданное по инициативе Президента РФ и получившее особый статус, и поддержку через поправки (ФЗ № 489-ФЗ в ред. 550-ФЗ), а также индивидуальных предпринимателей, реализующих социальные проекты для молодежи. Само понятие «инфраструктура молодежной политики» получило легальное определение как система организаций (государственных, муниципальных, некоммерческих, коммерческих), обеспечивающих оказание услуг молодежи в различных сферах (статья 2 ФЗ № 489-ФЗ). Эта инфраструктура эволюционирует от узкоспециализированных учреждений (дворцы пионеров, спортивные секции) к многофункциональным молодежным центрам, технопаркам, коворкингам, центрам поддержки добровольчества (волонтерства) и молодежного предпринимательства, центрам патриотического воспитания и проектной деятельности. При этом федеральный закон закладывает основу, а субъекты Российской Федерации, учитывая свои этнокультурные, социальные и экономические особенности, развивают региональное законодательство, конкретизируя меры поддержки и адаптируя инфраструктуру под местные нужды, что порой приводит к существенным региональным различиям в доступности и качестве услуг для молодежи.

Таким образом, анализ эволюции ключевых характеристик молодежи России сквозь призму законодательства позволяет выявить несколько основных тенденций. Во-первых, это юридизация молодежной политики: переход от

декларативных концепций и разрозненных подзаконных актов к прямому, детализированному законодательному регулированию на уровне федерального закона, что придает политике стабильность, предсказуемость и системность.

Во-вторых, наблюдается переход от унификации к дифференциации: если ранее подход часто был усредненным, то современное законодательство все более тонко сегментирует молодежь (молодые семьи, студенты, молодые специалисты, молодые работники, участники общественных объединений), пытаясь учитывать специфические потребности и барьеры разных подгрупп.

В-третьих, очевидна ценностная консолидация: законодательство все более четко формулирует желаемые ценностные ориентиры, в том числе для молодого поколения (патриотизм, традиционные духовно-нравственные ценности, гражданская ответственность), рассматривая их как основу национальной безопасности и устойчивого развития.

В-четвертых, набирает силу технологизация поддержки: закон предусматривает развитие цифровых платформ и государственных информационных систем в сфере молодежной политики для повышения доступности услуг и вовлеченности молодежи. Наконец, сохраняется вызов регионального неравенства в доступе к возможностям и инфраструктуре, требующий дальнейшей гармонизации законодательства и практик на всех уровнях власти. Эволюция законодательства отражает попытку государства не только реагировать на меняющиеся характеристики молодежи, но и активно влиять на векторы ее развития в соответствии с национальными стратегическими приоритетами, формируя правовые рамки для ее успешной интеграции в общество и экономику¹⁷¹.

Представленный анализ эволюции общих характеристик российской молодежи и их законодательного отражения создает необходимую концептуальную и нормативно-правовую основу для углубленного изучения

¹⁷¹ Смирнова О. В. Медийное измерение социальных противоречий как направление университетского научного дискурса / О. В. Смирнова, М. В. Шкондин, Е. В. Сивякова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 585-596. – DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(4).585-596

конкретных подгрупп в рамках этой гетерогенной социально-демографической категории. Особый интерес в контексте государственной политики, стратегий развития человеческого капитала и инновационного потенциала страны представляет студенческая молодежь вузов России.

Современное российское студенчество высших учебных заведений представляют собой динамичную социальную группу, играющую критически важную роль в процессах социального воспроизводства и инновационного развития общества. В условиях глобальной трансформации образовательных систем и стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни возникает острая необходимость в комплексном и детализированном изучении характеристик данной социальной группы¹⁷². Особую актуальность приобретает анализ глубинных изменений, происходящих в ценностных ориентациях, моделях поведения и социальных практиках студенческой молодежи под влиянием современных вызовов, что определяет необходимость их всестороннего осмысления в академическом дискурсе. По данным «Анализа рынка высшего образования в России», подготовленного BusinesStat в 2025 г, в 2024 г численность студентов высших учебных заведений в стране выросла на 3% до 4,11 млн чел. Рост общей численности студентов был обусловлен увеличением приема в вузы в 2022-2024 гг. При этом наблюдается заметное увеличение количества первокурсников в региональных вузах: как в крупных учебных заведениях, так и в небольших университетах¹⁷³.

Современные исследования убедительно демонстрируют, что российское студенчество переживает период фундаментальной трансформации своих социальных характеристик, обусловленный как внутренними процессами в системе высшего образования, так и глобальными тенденциями, оказывающими существенное влияние на молодежную среду в целом¹⁷⁴. Наблюдаются

¹⁷² Гречихин В.А. Современная молодежная политика в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 18–22. <http://doi.org/10.23672/g2393-1834-5732-w>

¹⁷³ В 2024 г численность студентов высших учебных заведений в России выросла на 3% до 4,11 млн чел. // Магазин по продаже маркетинговых исследований URL: <https://marketing.rbc.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).

¹⁷⁴ Антипина Н. Л., Кретьова А. Ю. Социальное самочувствие студенческой молодежи в контексте трансформаций общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5(62). – С. 89-95. – DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.009.

значительные изменения в возрастной структуре студенческого контингента, требующие кардинального переосмысления традиционных подходов к организации учебного процесса и внеучебной деятельности, что создает новые вызовы для образовательной политики.

Анализ ценностных трансформаций, происходящих в студенческой среде, выявляет сложное сочетание традиционных и инновационных ориентаций, отражающее общие тенденции социокультурной динамики российского общества. Растет прагматизм установок, что сочетается с сохранением значимости фундаментальных образовательных ценностей, создавая своеобразный ценностный дуализм, определяющий поведенческие стратегии студентов¹⁷⁵. Особого внимания заслуживает изучение политической социализации студенческой молодежи в условиях цифровой трансформации общественных отношений, где новые медиа и цифровые технологии формируют принципиально иные каналы политической коммуникации, существенно меняя традиционные механизмы формирования гражданской позиции¹⁷⁶.

Теоретическое осмысление феномена студенчества вузов России как особой социальной группы имеет глубокие корни в социальных науках. В классической социологии образования студенчество рассматривается не просто как переходная стадия между юностью и взрослостью, но и как особая социально-возрастная группа, обладающая уникальными характеристиками и специфическими социальными практиками¹⁷⁷. А. С. Балык, К. В. Булах и О. П. Цыбуленко подчеркивают, что период обучения в вузе совпадает с критической фазой личностного становления, когда формируются ключевые идентификационные

¹⁷⁵ Гаврилова, Э. Д. Место традиционных российских духовно-нравственных ценностей в социализации современной молодежи и противодействии негативным девиациям / Э. Д. Гаврилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 12-3(87). – С. 106-108. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-12-3-106-108

¹⁷⁶ Самсонова Т. Н., Леонов Е. К. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 67-85. – DOI 10.24290/1029-3736-2022-28-2-93-118.

¹⁷⁷ Микляева А. В., Проект Ю. Л., Хороших В. В. Трансформация социокультурных ценностей и традиций в информационную эпоху как предпосылка изменения гражданской и политической активности российского студенчества // Психология человека в образовании. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 76–90. – DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-76-90.

маркеры и жизненные стратегии, определяющие дальнейшую траекторию социального развития¹⁷⁸.

В российской научной традиции особое внимание уделяется проблеме возрастных границ студенчества, которые в условиях удлинения периода социализации приобретают все более размытый характер. Теория «становящейся взрослости» (Джеффри Арнетт)¹⁷⁹ позволяет интерпретировать этот этап как самостоятельный жизненный период, характеризующийся высокой пластичностью социальных ролей и отсроченным принятием «взрослых» обязательств. В российском контексте эта теория приобретает особую актуальность в связи с ростом продолжительности обучения и усложнением траекторий профессионального самоопределения, что создает новые модели взросления.

Концепция морфогенеза (Маргарет Арчер)¹⁸⁰ помогает объяснить, как студенческая молодежь в условиях институциональной неопределенности вырабатывает собственные стратегии адаптации, часто вступающие в противоречие с традиционными моделями поведения. Студенчество находится под двойным давлением социальных институтов – с одной стороны, образовательной системы с ее нормативными требованиями, с другой – общества, ожидающего быстрой профессиональной адаптации, что создает сложное поле для социального маневрирования.

Теория социального капитала (Пьер Бурдьё, Джеймс Коулман) предоставляет ценный аналитический инструментарий для исследования ресурсного потенциала студенчества. В российских реалиях доступ к социальным сетям и академическим ресурсам распределен крайне неравномерно, что создает существенные различия в возможностях профессиональной и социальной мобильности¹⁸¹. Эта неравномерность особенно ярко проявляется в условиях цифровизации

¹⁷⁸ Балык А. С., Булах К. В., Цыбуленко О. П. Формирование личностной зрелости студентов в период обучения в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 10(78). – С. 70-75. – DOI 10.24158/spp.2020.10.12.

¹⁷⁹ Arnett J. J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. — Oxford: Oxford University Press, 2014.

¹⁸⁰ Archer M. S. *Making Our Way Through the World: Human Reflexivity and Social Mobility*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 343 p.

¹⁸¹ Бурдьё П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: SocioLogos, 1993. – 336 с.

образования, когда технологическая оснащенность становится критическим фактором академической успешности, создавая новые формы образовательного неравенства.

Теория поколений (Нейл Хоув, Уильям Штраус)¹⁸² предлагает продуктивную методологическую основу для анализа ценностных ориентаций современного российского студенчества. Если предыдущие поколения студентов в большей степени ориентировались на стабильность и карьерный рост в рамках традиционных институтов, то современная молодежь демонстрирует более гибкие установки, сочетая прагматизм с поиском самореализации в нелинейных профессиональных траекториях. Особую значимость в российском контексте приобретает анализ политической социализации студенчества, где теория «текущей современности» (Зигмунт Бауман)¹⁸³ помогает объяснить, как цифровые технологии трансформируют традиционные механизмы формирования гражданской идентичности, создавая новые формы политического участия, часто выходящие за рамки институциональных каналов¹⁸⁴.

Институциональный подход позволяет рассматривать российское студенчество как продукт специфической образовательной системы, где сочетаются элементы советской традиции и современные глобальные тренды. Теория «академического капитализма» (Шейла Слотер, Ларри Лесли) помогает понять, как коммерциализация высшего образования влияет на социальный статус и профессиональные ожидания студентов, формируя новые модели образовательного поведения¹⁸⁵. Изучение студенчества в рамках теории социальных практик позволяет выявить повседневные стратегии адаптации студентов к изменяющимся условиям образовательной среды, которые в российских вузах часто формируются в условиях противоречия между

¹⁸² Голубинская А. В. К вопросу о поколенной модели Хоува–Штрауса // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2016. – № 1–2. – С. 98–101.

¹⁸³ Баунман З. *Текущая современность* / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

¹⁸⁴ Соколов А. В., Миронова С. В. Специфика онлайн-коммуникации студентов с вузом в социальных сетях и мессенджерах // *Социальные и гуманитарные знания*. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 152–175. – DOI 10.18255/2412-6519-2023-2-152-175.

¹⁸⁵ Rhoades G., Slaughter S. *Academic Capitalism, Managed Professionals, and Supply-Side Higher Education* // *Social Text*. – 1997. – No. 51. – Pp. 9–38.

формальными требованиями и неформальными нормами студенческой субкультуры¹⁸⁶.

Эмпирические исследования последних лет демонстрируют фундаментальную трансформацию возрастной структуры студенчества в российских вузах. Традиционная модель относительно однородной группы в возрасте 17-23 лет уступает место сложной гетерогенной структуре с существенно размытыми границами¹⁸⁷. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли студентов старше 25 лет, что связано с распространением практик непрерывного образования и необходимостью профессиональной переориентации в условиях стремительно изменяющегося рынка труда. Возрастные рамки современного российского студенчества сегодня охватывают значительно более широкий диапазон – от 16-17 лет (студенты колледжей при вузах) до 35 лет (слушатели программ дополнительного профессионального образования), создавая принципиально новую социальную динамику внутри академического сообщества¹⁸⁸.

Феномен «взрослых студентов», сознательно возвращающихся в систему высшего образования после нескольких лет профессиональной деятельности, заслуживает особого исследовательского внимания. Их образовательные стратегии отличаются выраженной прагматичностью и четкой профессиональной направленностью, что контрастирует с более универалистскими установками традиционного студенчества¹⁸⁹. При этом психологические исследования опровергают стереотипы о возрастных ограничениях в освоении новых знаний, фиксируя, что когнитивные способности и обучаемость у данной группы зачастую

¹⁸⁶ Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 3(31). – С. 125–133. – DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7491.

¹⁸⁷ Селезнева А. В., Луканина Е. В. Политическая социализация молодежных лидеров в современной России: институты и факторы, возможности и противоречия // Социально-психологические проблемы ментальности. – 2022. – № 18. – С. 81–87.

¹⁸⁸ Васильева М. Р., Бельская Ю. В. Современные институциональные практики в сфере высшего образования в условиях его трансформации: социологический подход // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 1(73). – С. 26–50. – DOI 10.32744/pse.2025.1.2.

¹⁸⁹ Гордиенко М. Г. Взрослые студенты в европейском пространстве высшего образования // Образование и наука. – 2013. – № 4(103). – С. 133–143.

превышают среднестатистические показатели, особенно в аспекте критического мышления и практического применения знаний.

Характерной особенностью современного российского студенчества становится его выраженная гетерогенность по социально-экономическому признаку, что создает внутри академического сообщества различные субгруппы с контрастными стратегиями адаптации и жизненными перспективами. Различия в материальном положении, региональной принадлежности и культурном капитале формируют сложную стратификационную карту студенческой среды¹⁹⁰. Эта дифференциация особенно заметна в условиях коммерциализации высшего образования, когда доступ к качественным образовательным ресурсам во многом определяется платежеспособностью семьи.

Специфические черты современного студенческого сознания формируются под глубоким влиянием цифровой среды, порождая парадоксальные сочетания когнитивных характеристик. Клиповость мышления сочетается с развитыми навыками мультизадачности, высокая адаптивность к изменениям соседствует с потребностью в стабильных ориентирах, выраженный индивидуализм не исключает потребности в групповой идентификации¹⁹¹. Эти психологические особенности определяют поведенческие паттерны студенческой молодежи в образовательном процессе и за его пределами, создавая новые формы академической субъектности.

Особенностью российского студенчества является его особая зависимость от институциональных рамок вузовской системы, где жесткая регламентация учебного процесса, сохраняющаяся со времен советской высшей школы, с одной стороны ограничивает академическую свободу, с другой – создает четкие ориентиры для образовательной траектории¹⁹². Это приводит к формированию специфического типа образовательного поведения, сочетающего формальное

¹⁹⁰ Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодёжь» // Концепт. – 2014. – № 2. – С. 26–30.

¹⁹¹ Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Гурарий А. Д. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 243–257. – DOI 10.15838/esc.2022.1.79.13.

¹⁹² Бродовская Е. В., Лукушин В. А., Давыдова М. А. Векторы развития электоральных установок российской молодежи: результаты когнитивной инструментальной диагностики // Власть. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 80–84. – DOI 10.31171/vlast.v30i3.9049.

соблюдение институциональных требований с поиском обходных путей для реализации личных образовательных интересов, что отражает сложную диалектику власти и сопротивления в академическом пространстве.

Экономическое поведение студенческой молодежи приобретает принципиально новые черты в условиях трансформации рынка труда. Все большее распространение получают гибридные модели, сочетающие обучение с различными формами трудовой деятельности, причем если традиционно студенческая работа носила преимущественно подработательный характер, то сегодня она все чаще становится осознанной частью профессионального становления¹⁹³. Такая практика способствует ранней профессионализации, но одновременно создает серьезные риски академической неуспеваемости из-за хронических перегрузок и дефицита временных ресурсов.

Сфера межличностных отношений в студенческой среде претерпевает глубокую трансформацию под влиянием цифровых технологий, изменивших саму природу социальной коммуникации. Возникают новые формы социальности, сочетающие интенсивное онлайн-взаимодействие с достаточно поверхностными контактами в реальной жизни, что порождает парадоксальную ситуацию формально высокой социальной активности при реальном дефиците глубоких межличностных связей. Этот дисбаланс существенно влияет на психологическое благополучие студентов, способствуя росту тревожности и эмоционального выгорания¹⁹⁴.

Отличительные признаки студенческой молодежи определяются ее ключевой функцией в системе общественного воспроизводства. Будучи одной из наиболее многочисленных групп в своей категории, студенчество призвано обеспечивать пополнение рядов квалифицированных специалистов и интеллигенции. Эта социальная миссия формирует специфический комплекс

¹⁹³ Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 3(31). – С. 125–133. – DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7491.

¹⁹⁴ Якимова Е. В. Сетевая близость и цифровая дружба: специфика и трансформация межличностной коммуникации в эпоху позднего модерна // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 4. – С. 15–30. – DOI 10.31249/rsoc/2021.04.02.

характеристик, включающий выраженную ориентацию на освоение нового, склонность к максимализму в суждениях и действиях, что объясняется ограниченностью жизненного опыта, а также повышенную значимость собственного мнения в процессе познания и социального взаимодействия¹⁹⁵. Студенческая среда выступает как пространство интенсивного развития нравственных и эстетических качеств, стабилизации характера, овладения полным спектром социальных функций, присущих взрослому человеку, включая гражданскую, общественно-политическую и профессионально-трудовую составляющие.

Численный потенциал студенчества определяет его особое место в социальной структуре. Студенческая молодежь, объединяя представителей различных классов и социальных общностей, демонстрирует общность базовых интересов и сходных черт, выступая не просто как отдельный социальный элемент, а как неотъемлемая органическая часть общественного организма, в которой своеобразно проявляются сущностные характеристики классов и социальных слоев¹⁹⁶. Интенсивность коммуникативных процессов составляет еще одну важную особенность этой группы, что объясняется как активным взаимодействием с различными социальными институтами, так и спецификой образовательной среды высшей школы, создающей расширенные возможности для академического и социального обмена. В рамках студенческих коллективов происходит сложный процесс социализации, формирования социальных компетенций и профессиональной идентичности¹⁹⁷.

Характерно, что студенческая молодежь не занимает самостоятельного устойчивого положения в системе общественного производства, а ее статус носит временный, переходный характер. Общественное положение студенчества

¹⁹⁵ Шентякова А. В. Социальный капитал молодежи современного мегаполиса: возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 130–140. – DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-1-130-140.

¹⁹⁶ Нефедова А. И. О концептах «академический капитализм» и «предпринимательский университет» // Высшее образование в России. – 2015. – № 6. – С. 75–81.

¹⁹⁷ Брейкина А. И. Проблемы социализации личности студента в современном российском // Бизнес и дизайн ревю. – 2021. – № 3(23) - С. 13.

находится в прямой зависимости от типа общественного устройства, уровня социально-экономического и культурного развития страны, а также особенностей национальной системы высшего образования. Эта зависимость порождает специфический комплекс проблем, связанных с социальной адаптацией, профессиональным самоопределением и интеграцией в общественные структуры¹⁹⁸. Временность статуса сочетается с высокой социальной значимостью группы как кадрового резерва для всех сфер общественной жизни, что создает диалектическое напряжение между текущим положением и будущей социальной ролью.¹⁹⁹

Период обучения в вузе представляет собой особую фазу жизненного цикла, характеризующуюся интенсивным развитием когнитивных способностей, формированием ценностно-нормативной системы, становлением гражданской позиции. Социальная мобильность студенчества, его восприимчивость к инновациям и образовательный потенциал делают эту группу важным агентом социокультурной динамики. В то же время маргинальность положения между миром детства и миром взрослой ответственности создает объективные сложности в социальной идентификации и выработке устойчивых поведенческих стратегий²⁰⁰. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость взвешенной государственной молодежной политики, учитывающей двойственную природу студенчества как объекта социальной поддержки и субъекта общественного развития.

Специфика студенческой среды формирует уникальные условия для развития социального капитала через сети академического и неформального общения. Университет выступает как институциональная платформа, где закладываются основы профессиональных сообществ и формируются горизонтальные связи, имеющие долгосрочное значение для социально-

¹⁹⁸ Романькова С. С. Студенческая молодежь как особая социально-демографическая категория / С. С. Романькова // Наука, образование и культура. – 2017. – № 6(21). – С. 100-103.

¹⁹⁹ Крапивина, Л. А. Социальное проектирование школьников и студентов как форма проявления гражданской активности молодежи и средство обучения общественно-государственному // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сочи, 24–28 мая 2019 года / Ответственный редактор А.А. Зайцев. – Сочи: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 142-149.

²⁰⁰ Шестопап Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 90–99.

экономического развития. Культура студенческого взаимодействия, сочетающая элементы формального образования и неформального обмена знаниями, создает предпосылки для выработки навыков коллективной работы и социального партнерства. Этот аспект особенно важен в контексте формирования гражданского общества и развития стратегий коммуникации в том числе в политической сфере²⁰¹. Политическая коммуникация в среде российского студенчества представляет собой сложный многомерный процесс, характеризующийся выраженной амбивалентностью и формированием адаптивных стратегий, отражающих специфику взаимодействия с институтами власти в условиях цифровой трансформации. Стратегии политической коммуникации в среде студенческой молодежи представляют собой комплекс адаптивных моделей взаимодействия с политической реальностью, формирующихся на пересечении институциональных ограничений, цифровых возможностей и возрастной специфики социального становления²⁰². Данные стратегии следует понимать, как динамические системы целенаправленных действий и коммуникативных практик, посредством которых студенты осуществляют конструирование политической субъектности²⁰³.

Параллельно с этим политическая социализация, благодаря которой и формируются различные стратегии коммуникации у студенческой молодежи, претерпевает существенные изменения под влиянием цифровых технологий. Традиционные практики политического участия через официальные молодежные организации все чаще дополняются или заменяются сетевыми практиками гражданской активности, создавая новые модели политической субъектности²⁰⁴. Российские студенты демонстрируют выраженный скепсис по отношению к

²⁰¹ Тараторин Е. В. Социально-культурное воспитание студенческой молодежи вуза культуры на основе межвузовского проектного взаимодействия // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 1(70). – С. 529-534. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.70.1254.

²⁰² Блинова О. А., Горбунова Ю. А. Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. – 2021. – № 3(70). – С. 20-34. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.

²⁰³ Шашкова Я. Ю. Молодёжные парламенты и молодежные политические организации в когнитивном пространстве молодежи Алтайского края // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2020. – № 13. – С. 124–127.

²⁰⁴ Авакян Р. А. Студенческая молодежь и современные проблемы её социализации в условиях информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2024. – № 2(339). – С. 41–54. – DOI 10.53598/2410-3691-2024-2-339-41-54.

формализованным политическим практикам, что проявляется в уровне политического неучастия при административном принуждении к посещению общественно-политических мероприятий. Ключевое влияние на стратегии коммуникации студенческой молодежи вузов России имеют агенты социализации, как институциональные и неформальные проводники социальных норм, формируют у студенческой молодежи сложный комплекс стратегий политической коммуникации, где участие и неучастие выступают взаимодополняющими элементами гражданской культуры.

Семья, являясь первичным агентом социализации, закладывает основы политического мировосприятия через неформальные обсуждения общественной жизни, формируя у студентов базовое доверие к государственным институтам, что впоследствии проявляется в стратегии ответственного участия в официальных коммуникационных площадках. Параллельно семейное воспитание развивает культуру избирательного отношения к информационным потокам, что находит отражение в позиции рефлексивного неучастия в непроверенных политических дискуссиях, когда воздержание от комментариев становится проявлением гражданской зрелости²⁰⁵.

Система образования последовательно развивает правовое сознание и гражданскую ответственность, прививая понимание конструктивной роли государства в общественных процессах. Через учебные программы и воспитательную работу вузы формируют навыки цивилизованного диалога с представителями власти, что способствует реализации стратегии институционального участия через студенческие советы, диалоговые площадки и молодежные парламенты. Одновременно образовательная среда воспитывает этику ответственного отношения к публичному выражению позиции, когда сознательное воздержание от непродуктивной конфронтации демонстрирует сформированность гражданской идентичности, превращая неучастие в акт осознанного выбора²⁰⁶.

²⁰⁵ Попова О. В. Политическое поведение российской молодежи: репертуар тактик и реальные действия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 15–27.

²⁰⁶ Саенко Л. А., Теницкий С. В. Особенности формирования коммуникативного опыта у студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 331–335.

Государственные молодежные организации создают легитимные каналы для выражения гражданской позиции, демонстрируя реальные механизмы влияния на общественные процессы. Их деятельность формирует стратегию проектно-ориентированного участия, где фокус смещается на конкретные социально значимые инициативы, имеющие измеримый результат. Параллельно взаимодействие с этими структурами воспитывает культуру смыслового фильтрации — способность дифференцированно подходить к политическим дискуссиям, концентрируясь на конструктивных предложениях и сознательно ограничивая вовлеченность в непродуктивные дискуссии²⁰⁷.

Средства массовой информации и цифровая среда формируют информационный ландшафт, в котором студенты развивают навыки критического анализа источников. Официальные медиа, работающие в правовом поле, создают основу для понимания стратегических задач государственного развития, способствуя реализации стратегии верифицированного участия в общественных дискуссиях²⁰⁸. Социальные сети становятся пространством для отработки навыков информационной гигиены — осознанного ограничения потребления непроверенного контента, где неучастие в распространении неподтвержденных данных выступает элементом гражданской ответственности.

Среда сверстников создает естественный контекст для апробации коммуникативных моделей, где в процессе неформального общения формируется стратегия диалогического участия. Эта практика проявляется в готовности к аргументированному обмену мнениями при сохранении уважения к оппонентам, что отражает зрелость политической культуры. Одновременно групповые нормы студенческого сообщества культивируют этику контекстного неучастия, когда воздержание от публичных высказываний по сложным вопросам становится

²⁰⁷ Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 129–143. – DOI 10.19181/vis.2022.13.1.778.

²⁰⁸ Липская Л. А. Молодежь и политика: проблема повышения политической активности // Социум и власть. – 2019. – № 6. – С. 27–32.

проявлением ответственной позиции до момента формирования взвешенной точки зрения²⁰⁹.

Культурно-исторические институты опосредованно влияют на политическую коммуникацию через осмысление национального наследия. Музеи, библиотеки и учреждения культуры способствуют формированию гражданской идентичности на основе исторической преемственности, создавая предпосылки для стратегии культурно-опосредованного участия. Выражение гражданской позиции через художественные проекты и исторические реконструкции становится альтернативным каналом политической коммуникации, дополняющим формальные механизмы взаимодействия с институтами власти²¹⁰.

Взаимодействие агентов социализации создает сбалансированную экосистему политической коммуникации, где стратегии участия и неучастия образуют динамическое единство. Участие реализуется преимущественно через легитимные каналы и социально значимые проекты, обеспечивающие конструктивное взаимодействие с государственными институтами. Неучастие проявляется как осознанная позиция вне деструктивных дискуссий, отражая способность к саморегуляции коммуникативного поведения. Цифровая среда становится пространством для развития медийной грамотности, а образовательные институты формируют культуру доказательной аргументации, создавая методологическую основу для выбора оптимальных форм коммуникации²¹¹.

Система высшего образования играет ключевую роль в формировании адаптивных стратегий, интегрируя гражданско-патриотический компонент в образовательные программы. Университеты развивают традиции студенческого самоуправления как школу ответственного отношения к общественным процессам, где приобретает практический опыт институционального участия.

²⁰⁹ Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Активность молодежных политических организаций как фактор регионального политического процесса (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 87–93. – DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-1-87-93.

²¹⁰ Любцова А. В. Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения // Российский психологический журнал. – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 65–79. – DOI 10.21702/rpj.2020.4.5

²¹¹ Кришталь М. И., Щекотуров А. В. Мотивы и особенности кроссплатформенной самопрезентации российских студентов // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 24–30.

Преподавательский корпус демонстрирует модели взвешенной коммуникации, подчеркивая значимость аргументированной позиции и уважения к государственным институтам. Академическая среда воспитывает понимание того, что стратегическое неучастие в непродуктивных дискуссиях может быть более эффективной гражданской позицией, чем эмоциональное вовлечение.

Государственная молодежная политика создает системные условия для реализации созидательных стратегий участия через поддержку социальных инициатив и создание каналов обратной связи. Федеральные программы предоставляют ресурсы для проектной деятельности, формируя практику ответственного участия в решении общественно значимых задач. Форумные площадки обеспечивают диалог между студенчеством и представителями власти, развивая культуру конструктивного взаимодействия. Эти механизмы формируют осознание реальных возможностей влияния на общественные процессы через легитимные каналы, снижая потребность в непродуктивных формах протестной коммуникации.

Современные медиа, функционирующие в рамках правового поля, обеспечивают информационную поддержку государственной политики, помогая студентам осознавать взаимосвязь политических решений и их социальных последствий. Качественная аналитика развивает системное мышление, необходимое для реализации стратегии взвешенного участия в общественных дискуссиях²¹². Образовательные медиапроекты предоставляют платформы для выражения социально значимых инициатив, демонстрируя альтернативные каналы конструктивной коммуникации. При этом культура ответственного отношения к информации, формируемая образовательными институтами, помогает распознавать манипулятивные техники, способствуя стратегии осознанного неучастия в деструктивных информационных потоках²¹³.

²¹² Азаров А. А., Бродовская Е. В., Лукушин В. А. Совершенствование системы управления цифровой инфраструктурой университета: практика сетевого анализа // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 2. – С. 61–79. – DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-2-61-79.

²¹³ Болотнов А. В. Особенности медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена и его использование в образовательной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3(227). – С. 86–94. – DOI 10.23951/1609-624X-2023-3-86-94.

Религиозные и культурные институты вносят вклад в формирование этических основ коммуникативного поведения, подчеркивая значимость нравственных ориентиров в общественной дискуссии. Традиционные конфессии поддерживают проекты, направленные на укрепление социальной солидарности, создавая ценностную основу для стратегий созидательного участия. Межрелигиозный диалог способствует развитию культуры взаимного уважения, необходимой для конструктивного политического общения²¹⁴. Историко-культурное наследие формирует чувство преемственности, обогащая коммуникативные стратегии смысловыми связями с национальной традицией государственности.

В результате комплексного воздействия агентов социализации у студенческой молодежи формируется адаптивная система политической коммуникации, органично сочетающая различные формы участия и неучастия. Эта система функционирует как динамический механизм выбора оптимальных моделей взаимодействия с политической реальностью в зависимости от контекста и характера коммуникативной ситуации. Конструктивное участие реализуется через легитимные каналы и социально значимые проекты, обеспечивающие содержательное взаимодействие с институтами власти. Взвешенное неучастие проявляется как осознанная позиция вне деструктивных дискуссий, отражая способность к саморегуляции коммуникативного поведения. Такая модель стратегий (участие и неучастие) способствует интеграции студенческой молодежи в общественно-политическое пространство как ответственных носителей гражданской культуры, способных к осмысленному диалогу и созидательной деятельности на благо развития страны.

Проведенный анализ эволюции ключевых характеристик российской молодежи, отраженной в законодательной динамике, демонстрирует системную трансформацию государственного подхода от фрагментарных мер к комплексному

²¹⁴ Мельник С. В. Партнёрский межрелигиозный диалог: основные направления сотрудничества религиозных общин в социальной сфере // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2021. – № 4(40). – С. 38–56. – DOI 10.22405/2304-4772-2021-1-4-38-56.

правовому регулированию, закреплённому Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации». Унификация возрастных границ (14–35 лет) и правового статуса молодых граждан, расширение их правосубъектности, а также признание молодежи стратегическим ресурсом развития страны стали основой для формирования адресных механизмов поддержки в сферах образования, трудоустройства, жилищной обеспеченности и гражданской самореализации. Законодатель последовательно интегрирует ценностные ориентиры, такие как патриотизм и традиционные духовно-нравственные установки, в правовое поле, что отражает стремление к консолидации общества и формированию устойчивой гражданской идентичности в условиях глобальных вызовов.

В этом контексте студенческая молодежь вузов России выделяется как ключевая подгруппа, характеризующаяся высокой социальной гетерогенностью, динамикой ценностных трансформаций и специфическими барьерами на пути профессионального становления. Современное студенчество, охватывающее широкий возрастной диапазон и отличающееся разнородностью социально-экономического положения, функционирует в условиях цифровизации, что порождает парадоксальное сочетание клипового мышления с развитой мультизадачностью, прагматизма с сохранением фундаментальных образовательных ценностей. Его переходный статус, сочетающий маргинальность и высокий потенциал социальной мобильности, определяет двойственную роль: с одной стороны, студенчество является объектом целенаправленной политики (образовательной поддержки, содействия занятости, жилищных программ), с другой — активным субъектом, формирующим новые практики гражданского участия и профессиональной адаптации.

Стратегии политической коммуникации студенчества, формирующиеся под влиянием множества агентов социализации (семьи, образовательных институтов, государства, медиа, среды сверстников), отражают сложный баланс между институциональным участием и осознанным неучастием в дискуссии. Цифровая среда трансформирует традиционные механизмы взаимодействия, способствуя развитию сетевых форм гражданской активности, критического анализа

информации и этики ответственного неучастия. Государственная молодежная политика, акцентируя легитимные каналы диалога и проектно-ориентированные инициативы, создает условия для интеграции студентов в общественно-политическое пространство как носителей зрелой гражданской культуры, способных к созидательному диалогу на основе исторической преемственности и национально-культурной идентичности.

Таким образом, эволюция законодательства и социальных характеристик молодежи, особенно студенчества, свидетельствует о переходе от реактивного регулирования к стратегическому проектированию ее роли в обществе. Несмотря на сохраняющиеся вызовы (региональное неравенство, цифровые риски, социально-экономическая дифференциация), сформированная правовая база и институциональная инфраструктура закладывают основы для устойчивой интеграции молодежи в социально-экономические и культурные процессы, превращая ее из объекта поддержки в активного участника национального развития.

2.2. Причины использования студенческой молодёжью вузов России стратегии неучастия в политической коммуникации

Феномен неучастия студенческой молодежи в политической коммуникации представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий глубокого осмысления в контексте трансформации гражданской идентичности и социальных структур современного общества.

В начале необходимо обозначить интерпретацию и различия между понятиями: факторы, мотивы и причины. В современной российской науке разграничение понятий факторов, мотивов и причин неучастия в политической и общественной жизни базируется на синтезе институционального, социопсихологического и ресурсного подходов²¹⁵. Ведущие исследователи подчеркивают, что эти категории, хотя и взаимосвязаны, отражают разные уровни

²¹⁵ Басимов М. М. Психологические причины неучастия молодежи в политической жизни // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7, № 4(29). – С. 9. – DOI 10.26795/2307-1281-2019-7-4-9.

детерминации коммуникации. Под факторами неучастия российские ученые понимают совокупность внешних и внутренних барьеров, объективно препятствующих вовлечению индивида в социально-политические процессы²¹⁶.

В работах ведущих отечественных исследователей последних лет концептуализация неучастия как сложного социально-политического феномена требует четкого разграничения его детерминант. Российские ученые подчеркивают, что факторы неучастия представляют собой объективные условия, ограничивающие возможность вовлечения индивида. Как отмечают Галас и Брушкова²¹⁷ в исследованиях молодежного абсентеизма, к ним относятся не только внешние барьеры вроде институциональной непрозрачности или географической удаленности, но и внутренние обстоятельства, такие как дефицит временных или материальных ресурсов, особенно обострившийся в условиях социально-экономических трансформаций. Параллельно акцентируется роль цифрового неравенства как нового фактора, исключающего из политического процесса некоторые группы населения²¹⁸.

Мотивы неучастия интерпретируются как субъективные психологические механизмы сознательного выбора. А. Е. Терсенов и Т. Б. Голубева²¹⁹ определяют их как систему ценностных фильтров и установок, формирующих осознанный отказ от участия. При этом, как подчеркивает В. В. Самокаева, мотивы часто маскируют объективные ограничения, когда за декларируемым «отсутствием интереса» скрывается невозможность преодоления структурных барьеров²²⁰.

Ф.Г. Фаткуллина и Р.И. Сафина предлагают в качестве определения мотивов идею символического бойкота, которая трансформирует сопротивление в

²¹⁶ Белогорская Л. В. К вопросу о факторах политической социализации // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 11. – С. 97–101. – DOI 10.17513/snt.39402.

²¹⁷ Галас М. Л., Брушкова Л. А. Политическая активность и риски протестных настроений российской молодежи в условиях социально-политической турбулентности 2017–2022 гг. // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12, № 2(39). – С. 12–12. – DOI 10.24412/2311-1763-2024-2-12-12.

²¹⁸ Тарасова А. Н., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 155–172. – DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11.

²¹⁹ Терсенов А. Е., Голубева Т. Б. Современная молодежь: мотивы занятий общественной деятельностью // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 1. – С. 54–58.

²²⁰ Самокаева В. В. Проблема абсентеизма в современной России // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14, № 11. – С. 145–150.

позитивную практику осознанного отрицания. В её трактовке неучастие в выборах или государственных инициативах — не проявление апатии, а целенаправленный протестное действие. Такой бойкот фокусируется на отрицании процедурной непрозрачности (например, несменяемости элит или имитационного характера обсуждений), сохраняя при этом потенциал гражданской активности в альтернативных формах²²¹.

Причины неучастия в современных трактовках выступают синтетической категорией, объясняющей генезис поведения через динамическое взаимодействие объективных и субъективных детерминант. Я. Ю. Шашкова и С. Ю. Асеев²²² демонстрируют, как длительное воздействие институциональных факторов трансформируется в устойчивые мотивационные паттерны, создавая самовоспроизводящиеся системы исключения²²³.

Опираясь на анализ современных работ, мы предлагаем трехуровневую модель детерминации неучастия, которая синтезирует достижения современной российской теоретической мысли, преодолевая традиционный дуализм объективных и субъективных детерминант. В её основе лежит понимание факторов как системы объективных условий, создающих структурные ограничения для участия. Эти условия формируют силовое поле внешних (институциональная непрозрачность, географические проблемы) и внутренних барьеров (дефицит ресурсов, физиологические ограничения), которые независимо от воли индивида сужают пространство возможной активности. Ключевой инновацией здесь выступает трактовка факторов не как статичных препятствий, а как динамических параметров, чья релевантность опосредуется институциональным контекстом. Например, в условиях кризисов (СВО, санкции) такие факторы, как страх мобилизации или экономическая нестабильность, приобретают доминирующее

²²¹ Гуркин И. И., Зуева Т. М. Влияние политического поведения на протестное участие // Активная честолобивая интеллектуальная молодёжь сельскому хозяйству. – 2024. – № 1(16). – С. 115–119.

²²² Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Активность молодежных политических организаций как фактор регионального политического процесса (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 87–93. – DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-1-87-93.

²²³ Редичева А. А. Особенности политического абсентеизма на современном этапе развития Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 1-1. – С. 238–241. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.1-pp.238.

значение, трансформируясь из периферийных ограничений в центральные организующие принципы социального поведения.

Переход к уровню мотивов раскрывает субъективные механизмы конверсии внешних давлений во внутренние установки. Мотивы интерпретируются как сознательно конструируемые основания для отказа от участия, возникающие в процессе осмысления и оценки факторов через призму социокультурных фильтров. Эти фильтры, включая ценностные оппозиции индивидуализма-коллективизма, традиционализма-модернизма или доверия-цинизма, определяют, как именно объективные ограничения реинтерпретируются в рациональные аргументы неучастия. Российские исследования демонстрируют, что один и тот же фактор (например, недоступность избирательного участка) может порождать принципиально разные мотивы: от прагматического «экономии усилий» до идеологического «протеста против неработающих институтов»²²⁴.

Причины неучастия в данной модели выступают синтезирующей категорией, возникающей на пересечении факторов и мотивов через механизмы тройного опосредования. Во-первых, институциональное доверие/недоверие определяет, станут ли структурные барьеры основанием для конструктивной адаптации или деструктивного отрицания. Во-вторых, социокультурные матрицы (коллективистские установки - индивидуализм) задают траекторию интерпретации ограничений. В-третьих, кризисные воздействия выступают катализаторами, трансформирующими ресурсные дефициты в идеологические позиции – например, финансовые трудности под санкциями переосмысляются как моральный выбор «неучастия в компромиссных практиках».

Практическая значимость модели раскрывается в её прогностическом потенциале. Выявление доминирующего типа опосредования (к примеру, кризисного катализа в условиях СВО) позволяет проектировать адресные интервенции: устранение барьеров для факторно-ориентированных групп,

²²⁴ Складова Н. Ю., Бродовская Е. В. Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 105–131. – DOI 10.24412/2071-6141-2023-1-105-131.

переформулирование нарративов для мотивационно-ориентированных, создание «обходных каналов» для жертв институциональных ловушек. такая модель не просто объясняет неучастие, но и вскрывает его ресурсный потенциал – стратегии сопротивления могут стать основой для формирования альтернативных форм гражданственности.

Авторское исследование направлено именно на глубокое и всеобъемлющее изучение феномена неучастия студентов высших учебных заведений России в общественных мероприятиях, с акцентом на выявление его основных причин, скрытых мотивов, эмоциональных установок и характерных поведенческих паттернов, которые определяют данную стратегию коммуникации. Исследование проводилось с использованием метода онлайн-анкетирования, в котором приняли участие 709 студентов из всех федеральных округов Российской Федерации, что позволило охватить разнообразные регионы и социальные контексты. Такой широкий географический охват обеспечивает высокую репрезентативность выборки, позволяя с уверенностью экстраполировать полученные результаты на всю студенческую молодежь страны в целом. Анализ данных осуществлялся с применением современных статистических методов, включая корреляционный, факторный, дисперсионный и регрессионный анализы, которые в совокупности позволили не только выявить ключевые причины неучастия, но и установить сложные взаимосвязи между различными факторами, а также выделить типы студентов с разными моделями поведения. Также были проведены 8 фокус-групп среди представителей студенческой молодежи вузов России. Выборка проектировалась как стратифицированная по двум ключевым критериям, выдвинутым в качестве гипотетически значимых факторов, влияющих на политические установки.

специализация (профиль образования) и возраст:

- было сформировано четыре группы - две для студентов гуманитарных (социально-гуманитарных) направлений подготовки и две – для студентов негуманитарных (естественнонаучных, технических, математических) специальностей. Предполагается, что профиль образования оказывает

значительное влияние на характер восприятия политической реальности. Студенты-гуманитарии, в силу образовательной программы, могут иметь более высокий уровень политической компетентности, развитые навыки критического анализа общественно-политических событий и вербальной экспрессии, а также более выраженный интерес к общественным процессам. С другой стороны, их восприятие может быть более идеологически нагруженным и критическим. Студенты негуманитарных специальностей могут демонстрировать более инструментальное и прагматичное отношение к политике, оценивая ее через призму эффективности и результативности, либо проявлять более выраженное отчуждение в связи с иной профессиональной ориентацией. Сравнительный анализ дискурсов этих двух групп позволяет выявить латентные различия в аргументации, лексиконе и глубине рефлексии, обусловленные образовательным контекстом.

- сформировано четыре группы - две для студентов младших курсов в возрасте до 22 лет и две – для студентов старших курсов и магистрантов в возрасте от 23 лет и старше. Возраст и соответствующий ему академический опыт коррелируют с этапом социализации и жизненным опытом. Студенты до 22 лет, как правило, находятся на начальном этапе формирования взрослой идентичности, их политические взгляды могут отличаться большей лабильностью и подверженностью влиянию извне. Студенты от 23 лет и старше обладают более устоявшимся мировоззрением, большим жизненным и, в некоторых случаях, профессиональным опытом, что может приводить к более обоснованным и устойчивым моделям политического поведения, будь то участие или неучастие.

Каждая фокус-группа состояла из 8 до 10 респондентов, что является оптимальным размером для обеспечения продуктивной динамики групповой дискуссии: количества участников достаточно для генерации плюрализма мнений и одновременного сохранения возможности для каждого высказаться. Отбор участников внутри групп осуществлялся методом целевой выборки с соблюдением критериев разнообразия по полу и социальному происхождению для увеличения репрезентативности внутригрупповых результатов.

Модерация дискуссий проводилась по единому, заранее разработанному гайду, который включал в себя блоки вопросов, направленные на диагностику общего отношения к политике, идентификации доминирующих форм неучастия, реконструкции аргументационных моделей и анализа конкретных кейсов. Гайд был сфокусирован на выявлении именно тех аспектов, которые были слабо верифицируемы через количественный опрос: эмоциональная окраска, личные истории, групповые нормы и спонтанные реакции на стимульные материалы.

Также было проведено 22 интервью с респондентами, являющимися признанными экспертами в сферах политической науки, высшего образования, молодежной политики и практической работы со студенчеством.

Выборка экспертов формировалась целенаправленно и была стратифицирована по следующим ключевым категориям для обеспечения репрезентативности различных профессиональных перспектив и позиций внутри политического поля:

1. **Представители органов законодательной и исполнительной власти**, курирующие вопросы молодежной политики, образования и социального развития. Их позиция позволяет оценить официальный дискурс и институциональный взгляд на проблему молодежного неучастия, понимание его причин и меры, предпринимаемые государством для его преодоления.

2. **Преподаватели и сотрудники** ведущих вузов, специализирующиеся на политической социологии, теории политики и исследованиях молодежи. Данная группа экспертов предоставляет научно-теоретическую интерпретацию феномена, осуществляет его концептуализацию и сравнительный анализ с тенденциями, наблюдаемыми в других странах и в исторической перспективе.

3. **Лидеры и активисты** молодежных общественных палат, парламентов и политических организаций. Их опыт релевантен для понимания того, как сами молодежные элиты воспринимают и артикулируют проблему аполитичности своих сверстников, а также какие стратегии мобилизации они используют или считают эффективными.

4. **Практики и менеджеры**, работающие непосредственно со студенческой аудиторией в вузах (проректоры по воспитательной работе, руководители студенческих объединений). Их взгляд изнутри образовательной системы предоставляет уникальные данные о повседневных практиках студентов, их настроениях и о том, как политическое неучастие проявляется на микроуровне университетской жизни.

Структура интервью была разработана таким образом, чтобы, сохраняя определенную гибкость и возможность для спонтанного развития дискурса, гарантировать получение ответов по ключевым для исследования темам. Гайд интервью включал следующие блоки вопросов:

- Оценку распространенности и динамики различных форм неучастия в студенческой среде;
- Анализ причин и факторов, детерминирующих выбор студентом стратегии неучастия;
- Интерпретацию неучастия как феномена: является ли оно симптомом апатии, формой рационального выбора или латентного протеста?
- Обсуждение потенциальных рисков и вызовов, связанных с массовым неучастием молодежи, для политической системы и общества в долгосрочной перспективе.
- Оценку эффективности существующих инструментов и программ вовлечения молодежи в политическую коммуникацию.
- Прогнозы относительно будущей трансформации моделей политического неучастия цифровую эпоху.

В дальнейшем, результаты всех этих данных будут объединены в единую оценку, чтобы создать целостную картину феномена и предложить практические выводы, которые могут быть полезны для дальнейших действий.

Анализ данных выявил, что низкая вовлеченность в общественную деятельность является не просто распространенным явлением среди российских студентов, а по-настоящему доминирующей нормой, которая определяет поведение большинства. Более двух третей опрошенных, а именно 67,7%, либо

участвуют в мероприятиях крайне редко (54,16%), либо не участвуют вовсе (13,54%), в то время как лишь 11,5% студентов можно отнести к активной группе, участвующей в общественной жизни еженедельно или даже ежедневно, что подчеркивает резкий дисбаланс. При этом примерно каждый пятый респондент принимает участие в мероприятиях 1-2 раза в месяц 19,04% (См. Граф. 1).

График 1. Частота участия опрошенных в общественных мероприятиях.

Этот дисбаланс указывает на системное дистанцирование большинства студентов от общественной повестки, в результате чего активные участники становятся явным меньшинством, а пассивность превалирует. Самооценка студентов полностью соответствует их реальному поведению, поскольку 68,12% респондентов не считают себя активными участниками: из них 46,4% выбрали вариант «скорее нет», а 21,72% — «конечно нет», и эта высокая степень совпадения между фактической активностью и субъективным восприятием говорит о том, что студенты адекватно оценивают свою роль в общественной жизни и не склонны преувеличивать свою вовлеченность, что добавляет аутентичности результатам (См. Граф. 2).

График 2. Самооценка опрошенных относительно уровня их активности.

Пассивность воспринимается ими как естественное состояние, не вызывающее внутреннего конфликта или дискомфорта, и интерпретация этих данных позволяет сделать вывод, что низкая вовлеченность студентов — это не случайное явление, а устоявшаяся модель поведения, глубоко укорененная в студенческой среде. Пассивность стала нормализованной практикой, воспринимаемой как стандарт, а не исключение, и это поднимает важный вопрос: является ли такая пассивность временным явлением, связанным с учебной нагрузкой и временными факторами, или это часть более широкого тренда на деполитизацию и индивидуализацию молодежи, который может иметь долгосрочные последствия для общества.

Для выявления статистических взаимосвязей между переменными был проведен корреляционный анализ с использованием метода ранговой корреляции Спирмена, который был выбран именно из-за порядкового характера данных, что позволило точно оценить связи между такими аспектами, как самооценка, частота участия, реакция на приглашения и влияние окружения. Одним из наиболее неожиданных результатов стало практически полное отсутствие связи между самооценкой студентов как «активных людей» и их реальной деятельностью, поскольку вопрос «Считаете ли вы себя активным человеком?» показал крайне низкую корреляцию с вопросом «Как часто вы принимаете участие в мероприятиях?» ($r = 0,06$), и этот разрыв указывает на то, что самоощущение

студента как активного участника не отражает его фактического поведения (См. Табл. 1). Иными словами, многие студенты могут считать себя активными в абстрактном смысле, но это не переводится в реальное участие в общественной жизни.

**Таблица 1. Таблица корреляций:
самооценка/активность/реакция/избегание.**

	Частота участия	Самооценка «Активный»	Реакция на приглашения	Избегание соц. мероприятий	Избегание учеб. мероприятий
Частота участия	1,00	0,06	0,43	-0,33	-0,41
Самооценка «Активный»	0,06	1,00	-0,05	-0,09	0,03
Реакция на приглашения	0,43	-0,05	1,00	-0,41	-0,49
Избегание соц. мероприятий	-0,33	-0,09	-0,41	1,00	0,49
Избегание учебных мероприятий	-0,41	0,03	-0,49	0,49	1,00

Частота участия, напротив, оказалась связана с конкретными поведенческими факторами, где умеренная корреляция наблюдается между частотой участия и позитивной реакцией на приглашения ($r = 0,43$), а также с меньшей склонностью избегать учебных мероприятий ($r = -0,41$), и это говорит о том, что студенты, которые чаще участвуют в общественной жизни, более открыты к внешним стимулам, например, приглашениям, и менее склонны избегать академических активностей, таких как конференции или олимпиады. Более того, анализ показал, что избегание одного типа мероприятий тесно связано с избеганием других, например, склонность избегать внеучебной деятельности сильно коррелирует с избеганием общественной ($r = 0,84$), а позитивная реакция на приглашения связана с меньшей склонностью избегать как социальных, так и учебных событий ($r = -0,49$), что подчеркивает системный характер пассивности.

Особое внимание в корреляционном анализе было уделено влиянию социального окружения, и результаты выявили две доминирующие «сферы влияния»: неформальную академическую сферу, где влияние одногруппников и преподавателей оказалось тесно связанным ($r = 0,72$), что указывает на то, что в университетской среде мнение сверстников и преподавателей воспринимается студентами как единое целое, формируя их отношение к участию, и формальную организационную сферу, где влияние администрации вуза также воспринимается как практически единое ($r = 0,71$), что говорит о том, что студенты рассматривают официальные структуры университета как единый источник давления или поддержки (См. Табл. 2).

Таблица 2. Таблица корреляций: влияние социального окружения.

	Влияние: семья	Влияние: Друзья	Влияние: Одногруппники	Влияние: Преподаватели	Влияние: Администрация
Влияние: Семья	1,00	0,65	0,55	0,59	0,29
Влияние: Друзья	0,65	1,00	0,65	0,52	0,50
Влияние: Одногруппники	0,55	0,65	1,00	0,72	0,62
Влияние: Преподаватели	0,59	0,52	0,72	1,00	0,59
Влияние: Администрация	0,29	0,50	0,62	0,59	1,00

Кроме того, традиционное социальное окружение оказывает значительное влияние, поскольку влияние семьи и друзей ($r = 0,65$), а также друзей и одногруппников ($r = 0,65$) демонстрирует высокую степень взаимосвязи, и эти данные подчеркивают, что социальное окружение играет ключевую роль в формировании отношения студентов к общественной активности.

Для выявления скрытых причин неучастия был проведен факторный анализ, который позволил сгруппировать переменные в обобщенные факторы, объясняющие поведение студентов, причем данные были стандартизированы для

обеспечения равного веса всех вопросов, а число факторов определялось с использованием критерия Кайзера (собственные значения >1) и для упрощения интерпретации применялось вращение «Varimax» (*метод в статистике, который используется для упрощения выражения определённого подпространства в терминах нескольких основных элементов*), что позволило четко выделить четыре основных фактора, влияющих на неучастие (См. Табл. 3).

Таблица 3. Таблица результатов факторного анализа (факторные нагрузки).

Вопрос из анкеты	Фактор 1: Влияние университетской среды	Фактор 2: Общее избегание участия	Фактор 3: Влияние близкого круга	Фактор 4: Социальные опасения
Влияние Администрации вуза	0,960	0,058	-0,193	0,041
Влияние общественных организаций	0,870	0,157	-0,260	-0,276
Влияние Одногруппников	0,791	0,135	-0,508	0,183
Влияние Преподавателей	0,756	0,121	-0,443	0,443
Влияние Друзей	0,429	-0,056	-0,892	-0,004
Влияние Семьи	0,445	-0,001	-0,810	0,038
Избегание внеучебных мероприятий	-0,095	-0,977	0,024	-0,043
Избегание общественных мероприятий	-0,082	-0,962	-0,016	-0,042
Избегание учебных мероприятий	-0,293	-0,517	-0,139	-0,181
Волнение о мнении	-0,034	0,167	-0,121	0,558

Реакция на приглашения	0,227	0,575	0,001	0,440
Самооценка активного	0,040	0,264	0,103	0,333
Частота участия	-0,010	0,407	-0,049	0,325

Первый фактор — влияние университетской среды с нагрузками администрации вуза — 0,96, общественных организаций — 0,87, преподавателей — 0,76, одногруппников — 0,79, и этот фактор подчеркивает центральную роль университетского окружения в формировании отношения студентов к участию, где мнение администрации, общественных организаций, преподавателей и одногруппников может выступать как стимул, так и барьер, например давление со стороны администрации или отсутствие поддержки со стороны одногруппников могут усиливать неучастие. Второй фактор — общее избегание участия с нагрузками избегания внеучебных мероприятий — -0,98, общественных — -0,96, учебных — -0,52 и реакции на приглашения — 0,58, и этот фактор отражает общую склонность студентов к пассивности, которая проявляется в избегании любых активностей, независимо от их характера, где высокие отрицательные нагрузки показывают, что студенты, избегающие одного типа мероприятий, с высокой вероятностью будут избегать и других, а позитивная связь с реакцией на приглашения указывает на то, что даже при наличии приглашений такие студенты склонны к отказу. Третий фактор — влияние близкого социального круга с нагрузками друзей — -0,89, семьи — -0,81, и этот фактор подчеркивает роль ближайшего окружения семьи и друзей в принятии решений об участии, где отсутствие поддержки или давление со стороны близких может стать значимым барьером, особенно для тех студентов, для которых мнение семьи и друзей является важным. Четвертый фактор — социальные опасения и зависимость от чужого мнения с нагрузками обеспокоенности мнением окружающих — 0,56, преподавателей — 0,44, реакции на приглашения — 0,44, и этот фактор связан с социальной тревогой и страхом осуждения, особенно со стороны авторитетных фигур, таких как преподаватели, где для некоторых студентов неучастие может

быть обусловлено боязнью негативной оценки. Эти факторы раскрывают многогранность причин неучастия, показывая, что оно обусловлено как внешними аспектами, такими как университетская среда и социальное окружение, так и внутренними, включая личную пассивность и социальные опасения, что делает понимание стратегии неучастия более содержательным с точки зрения выявленных закономерностей.

Основные результаты включают частоту неучастия и самооценку, где ситуативные «не участники» демонстрируют более высокую частоту участия в мероприятиях и чаще считают себя активными по сравнению с активными «не участниками», и это логично, так как их неучастие обусловлено обстоятельствами, а не принципиальной позицией, в то время как активные «не участники», напротив, демонстрируют более высокий уровень избегания всех типов мероприятий — общественных, внеучебных и учебных, — что указывает на их тотальный отказ от активности. Влияние социального окружения также различается, поскольку ситуативные «не участники» более восприимчивы к влиянию социального окружения, где мнение семьи, друзей, одногруппников, преподавателей и администрации вуза оказывает на них значительно большее воздействие, чем на активных «не участников», для которых решение об отказе от участия является внутренней, независимой позицией, мало зависящей от внешних факторов. Незначимые различия наблюдаются в уровне обеспокоенности мнением окружающих и влиянии общественных организаций, которые не показали значимых различий между группами, и это говорит о том, что такие аспекты, как страх осуждения или давление со стороны организаций, не являются определяющими для разделения групп. Портреты групп подчеркивают, что активный «не участник» — это студент с твердой, сознательной позицией, который последовательно отказывается от участия в большинстве мероприятий, и его решение не зависит от мнения друзей, семьи, преподавателей или администрации, представляя собой автономный выбор, основанный на личных приоритетах и убеждениях, в то время как ситуативный «не участник» — это студент, не против участия в принципе, но его поведение зависит от внешних обстоятельств и

социального окружения, где он может проявлять интерес к мероприятиям, но по различным причинам, таким как нехватка времени или отсутствие поддержки, не присоединяется. Эти портреты подчеркивают разнообразие подходов к неучастию, показывая, что оно может быть, как осознанным выбором, так и результатом внешних ограничений, что важно для разработки целевых стратегий.

Регрессионный анализ был проведен для определения факторов, которые лучше всего предсказывают частоту неучастия студентов в мероприятиях, и модель показала объясняющую способность $R^2 = 0,425$, то есть 42,5% вариации частоты участия объясняется выбранными факторами, с статистической значимостью $p < 0,001$, что подтверждает ее надежность и применимость (См. Табл. 4).

Таблица 4. Сводная таблица результат регрессионного анализа по отдельным факторам (предикторам).

Предиктор (фактор)	Коэффициент	p-значение	Результат
Самооценка активного	0,303	0,001	Значимое положительное влияние
Избегание общественных мероприятий	-0,141	0,007	Значимое отрицательное влияние
Избегание учебных мероприятий	-0,071	0,007	Значимое отрицательное влияние
Влияние общественных организаций	-0,113	0,015	Значимое отрицательное влияние
Избегание внеучебных мероприятий	0,105	0,024	Значимое положительное влияние
Волнение о мнении	-0,038	0,549	Незначимое влияние
Влияние семьи	-0,007	0,844	Незначимое влияние
Влияние друзей	-0,013	0,789	Незначимое влияние
Влияние одноклассников	0,059	0,235	Незначимое влияние
Влияние преподавателей	0,053	0,231	Незначимое влияние
Влияние администрации вуза	0,005	0,929	Незначимое влияние

Значимые предикторы включают самоощущение как активного человека с $p < 0,001$, что является самым сильным предиктором, поскольку студенты, которые считают себя активными, с большей вероятностью участвуют в мероприятиях, и внутренняя идентичность играет ключевую роль в формировании поведения; избегание общественных мероприятий с $p = 0,007$ и отрицательным эффектом, где чем сильнее студент склонен избегать общественных мероприятий, тем реже он участвует; избегание учебных мероприятий с $p = 0,007$ и также отрицательным эффектом, указывающим на связь между избеганием академических активностей и общей пассивностью; влияние общественных организаций с $p = 0,015$ и неожиданным отрицательным эффектом, где высокая оценка влияния общественных организаций связана с меньшей частотой участия, что может указывать на отторжение студентами давления со стороны таких структур; избегание внеучебных мероприятий с $p = 0,024$ и неожиданно положительным эффектом, где студенты, избирательно избегающие внеучебных мероприятий, могут быть более активны в тех активностях, которые они считают приоритетными. Незначимые факторы, такие как обеспокоенность мнением окружающих и влияние семьи, друзей, одноклассников, преподавателей и администрации вуза, не показали значимого влияния в рамках модели, что подчеркивает приоритет внутренних установок, таких как самооценка и склонность к избеганию, над внешними социальными факторами при прогнозировании частоты участия, и это открытие позволяет сосредоточиться на психологических аспектах в рекомендациях.

Центральный блок исследования был посвящен выявлению причин, стоящих за низкой активностью студентов, и анализ показал, что неучастие обусловлено сочетанием прагматических, психологических и социальных факторов, среди которых доминируют рациональные мотивы, что делает феномен более понятным. Прагматизм как главный мотив проявляется в том, что главной причиной неучастия является дефицит личных ресурсов, где более половины респондентов, а именно 57,83%, указали на нехватку времени и ресурсов, а 43,72% отметили, что у них есть «более важные дела», и в другом вопросе 59,94% подтвердили, что не участвуют

ради экономии времени, а 56,14% — для сохранения личного пространства, и эти данные указывают на то, что студенты рассматривают общественную деятельность как необязательную нагрузку, которая конкурирует с приоритетными задачами, такими как учеба, подработка и личная жизнь, а сохранение личного пространства можно интерпретировать как защитную реакцию на перегруженность современного мира информацией и событиями (См. Граф. 3).

График 3. Причины неучастия (результаты ответов респондентов).

Апатия и скептицизм выступают вторым по значимости фактором, где отсутствие интереса к общественной деятельности отмечается почти половиной студентов (48,52%), которые заявили, что мероприятия им «неинтересны», четверть респондентов (24,96%) разочаровались в прошлом опыте участия, а 16,36% считают его бессмысленным, и эти ответы указывают на глубокую апатию и скептицизм по отношению к общественным инициативам, которые студенты не воспринимают как источник личной выгоды или мотивации. Незначимость идеологических и протестных мотивов интересна тем, что такие факторы, как недоверие к институтам власти или НКО (4,23%) и страх последствий (6,63%), находятся в самом низу списка причин, и это позволяет сделать вывод, что неучастие носит аполитичный характер и не связано с протестными настроениями, поскольку студенты не отказываются от участия из-за идеологических разногласий или страха, а скорее из-за рационального выбора и отсутствия интереса.

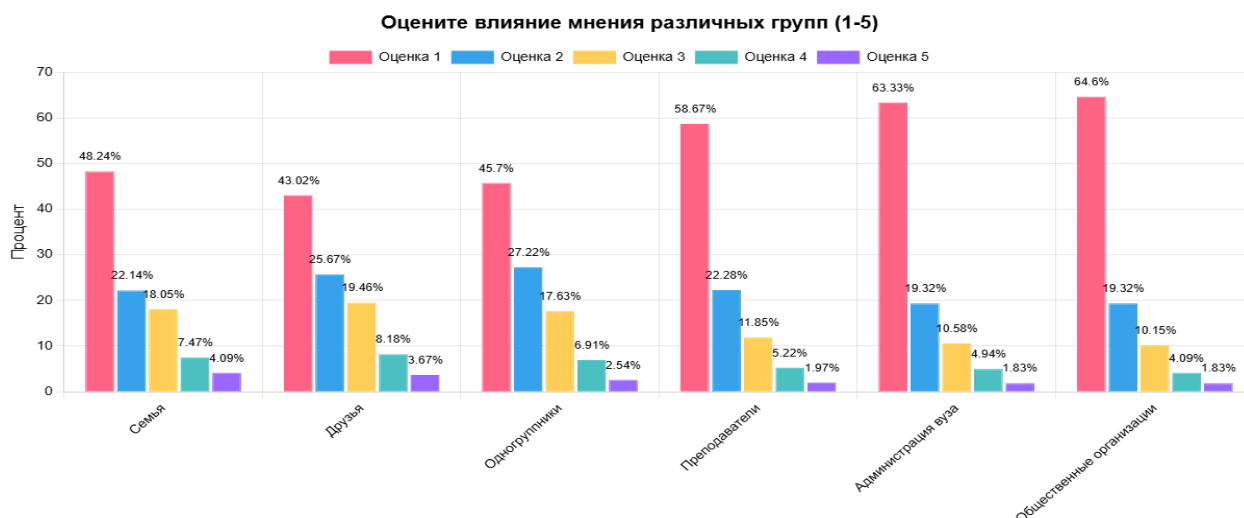
Эмоциональный фон, связанный с неучастием, лишен неожиданностей, где абсолютное большинство (54,3%) испытывают безразличие, а 25,11% — спокойствие, и негативные эмоции, такие как сожаление (8,88%), тревога (1,83%) или разочарование (1,69%), крайне редки, что подтверждает, что неучастие воспринимается как комфортное и эмоционально нейтральное состояние, не вызывающее внутреннего конфликта или чувства упущенных возможностей (См. Граф. 4).

График 4. Чувства респондентов относительно проявления ими неучастия.

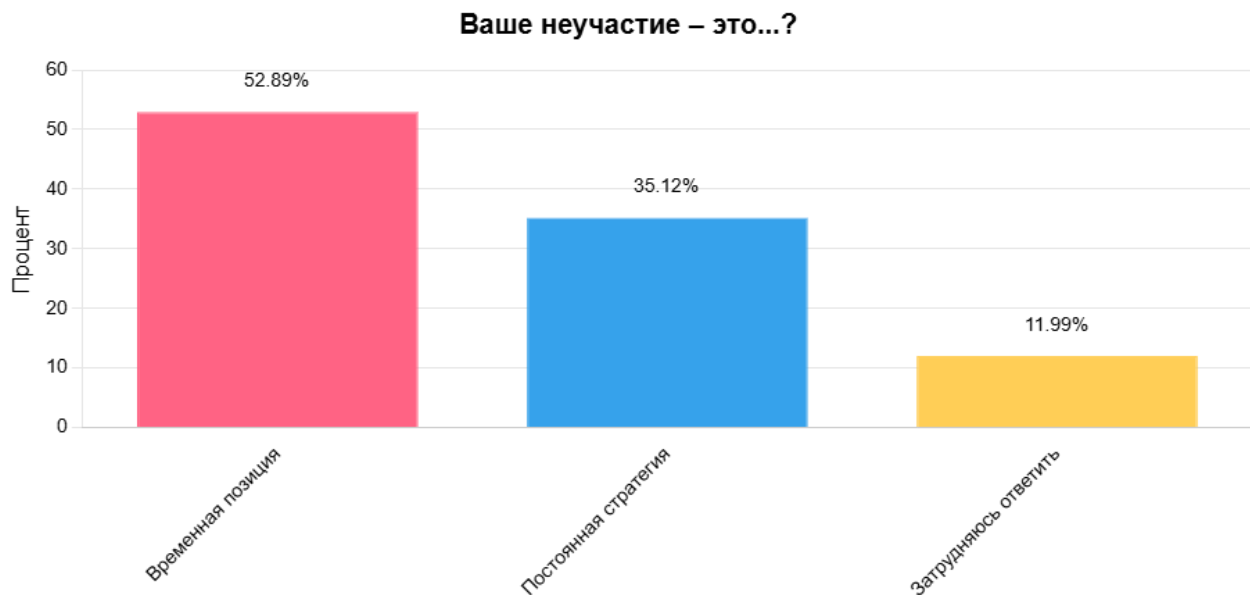
Индивидуализм и автономность проявляются в том, что решение о неучастии является глубоко индивидуальным, где более половины студентов (56,42%) заявили, что их выбор не зависит от мнения других, для 51,06% мнение окружающих о их неучастии «совсем не важно», а для 35,54% — «не очень важно», и даже влияние ближайшего окружения (семьи и друзей) оценивается как минимальное: лишь 4% и 3,67% респондентов дали максимальную оценку влиянию этих групп, а влияние администрации вуза и общественных организаций практически отсутствует, что подчеркивает автономность и независимость студентов в принятии решений, и это можно рассматривать как проявление индивидуалистического мировоззрения, характерного для современной молодежи (См. Граф. 5).

График 5. Оценка респондентами влияния различных групп на вовлечение в активность.

Финальный блок исследования был посвящен долгосрочной перспективе неучастия, и результаты показали, что студенты делятся на две группы с разным отношением к своей пассивности: временная позиция у более половины студентов (52,89%), которые считают свое неучастие временным, связывая его с текущими обстоятельствами, такими как учебная нагрузка или нехватка времени, и эти студенты предполагают, что в будущем, после решения приоритетных задач, они смогут стать более активными; постоянная стратегия у значительной части респондентов (35,12%), которые рассматривают неучастие как устойчивую жизненную стратегию, и это говорит о формировании долгосрочного паттерна поведения, который может сохраниться и после окончания университета. Наличие столь значительной группы «стратегических» не участников является тревожным сигналом, указывающим на потенциальное снижение уровня гражданской вовлеченности в будущем, и это может иметь долгосрочные последствия для общества, включая деполитизацию жизни молодежи, что требует особого внимания (См. Граф. 6).

График 6. Определение респондентами стратегии своего неучастия.

Проведенное исследование позволило составить комплексный портрет не участвующего в общественной жизни российского студента, где он предстает как рациональный прагматик, чей главный мотив неучастия — экономия личных ресурсов (времени, энергии) и защита личного пространства для решения приоритетных задач, таких как учеба и личная жизнь; как апатичный индивид, который не видит смысла в общественной активности, считает ее неинтересной или бессмысленной, часто основываясь на негативном прошлом опыте, и его неучастие сопровождается безразличием или спокойствием; как автономная личность, чье решение не участвовать является личным и независимым, не зависящим от мнения друзей, семьи или университетских структур, и студенты демонстрируют высокий уровень индивидуализма; где нормализованная пассивность в студенческой среде воспринимается как норма, а не отклонение, и к пассивным студентам относятся с пониманием, без осуждения; и с двумя типами «не участников» — ситуативными «не участниками», чья пассивность обусловлена внешними обстоятельствами и восприимчивостью к социальному окружению, и они могут быть вовлечены при создании подходящих условий, и активными «не участниками», которые сознательно выбирают пассивность как стратегию, независимо от внешних факторов. Для повышения вовлеченности студентов в общественную деятельность предлагаются следующие меры: адаптация мероприятий к интересам студентов, где необходимо предлагать форматы, которые воспринимаются как полезные и

интересные, например карьерные или образовательные события с практическим уклоном; снижение краткосрочной «пользы» участия через организацию мероприятий, требующих минимальных затрат времени и энергии, с учетом учебной нагрузки студентов; усиление неформального влияния, поскольку одноклассники и преподаватели играют важную роль, и их поддержка и вовлеченность могут стать катализатором для участия; работа с апатией через создание позитивного имиджа общественной деятельности с демонстрацией ее ценности, например через успешные кейсы и истории; индивидуальный подход с учетом различий между ситуативными и активными «не участниками» для разработки таргетированных стратегий вовлечения, которые могут быть разработаны на основе обратной связи и массовых опросов (по примеру ВЦИОМ)²²⁵.

Выводы к главе 2. Стратегия неучастия студентов в политической коммуникации представляет собой сложное и многогранное социальное явление, обусловленное переплетением прагматических, психологических и социокультурных факторов. Повсеместная пассивность в студенческой среде часто выступает не как простая апатия, а как рациональная адаптация к ограниченным ресурсам — времени, эмоциональной энергии и информационной компетентности. Для многих студентов участие в общественно-политической деятельности сопряжено с высокими издержками: необходимость совмещать учёбу и подработку, страх профессиональных или академических последствий, а также недостаток ясных каналов и навыков для эффективной коммуникации. Параллельно формируется индивидуалистическое мировоззрение, в котором приоритеты смещены в сторону личного благополучия и карьеры, что снижает мотивацию к коллективным действиям.

Психологические компоненты, такие как политическая апатия, чувство неспособности влиять на систему и устойчивое недоверие к институтам,

²²⁵ Ценности молодежи // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 19.09.2025).

дополнительно углубляют склонность к пассивности. Социальные факторы — отсутствие доступных и привлекательных форм гражданской активности, слабая ролевая модель со стороны старших поколений и образовательных институтов, а также влияние онлайн-среды, где политическая речь часто поляризована и агрессивна — усиливают эффект отстранённости. Вместе эти причины приводят к тому, что неучастие становится нормой в студенческой субкультуре.

Тем не менее существенная часть молодёжи рассматривает неучастие не как временное состояние, а как долгосрочную стратегию жизненного выбора, что представляет серьёзный риск дальнейшей деполитизации поколения. Это требует оперативных и системных мер: создание безопасных и простых каналов для вовлечения, интеграция гражданской грамотности и практик коллективного действия в учебные программы, развитие наставничества и студенческих инициатив, а также поддержка инициатив, которые сочетают общественную значимость и личную выгоду для участников. Только при создании привлекательных, доступных и релевантных форм общественной деятельности можно одновременно повысить гражданскую активность студентов и укрепить основы устойчивого гражданского общества.

3 Проявление неучастия в политической коммуникации у современной российской студенческой молодежи вузов России

3.1. Основные формы неучастия студенческой молодёжи вузов России в политической коммуникации

Политическая коммуникация, как важный аспект общественной жизни, играет значительную роль в формировании гражданской позиции молодежи, в том числе и студенческой. В условиях современного общества, где информация доступна в любое время и в любом месте, участие молодежи в политической жизни страны становится не только возможным, но и необходимым. Однако, несмотря на это, наблюдается тенденция к неучастию студенческой молодежи в политических процессах, что требует глубокого анализа для выработки эффективных механизмов вовлечения. Государственные институты проявляют заинтересованность в понимании причин этого явления и создании условий для повышения политической активности молодого поколения²²⁶.

В данном параграфе мы сосредоточимся на трех основных формах неучастия студенческой молодежи в политической коммуникации, предложенные во втором параграфе: пассивное неучастие (уклонение), ситуативное неучастие (избегание) и активное неучастие (абсентеизм).

Пассивное неучастие (уклонение) характеризуется тотальной, устойчивой и аморфной аполитичностью. Для студента, демонстрирующего данную форму коммуникации, политическая сфера является периферийной, нерелевантной и не заслуживающей когнитивных и эмоциональных ресурсов. Его неучастие не является осознанным выбором или протестом; оно проистекает из глубокой индифферентности, ощущения полной отстраненности от политических процессов, которые воспринимаются как нечто далекое, абстрактное и не влияющее на повседневную жизнь. Мотивационная структура такого студента амбивалентна: с одной стороны, может присутствовать смутное понимание

²²⁶ Матвеева Е. В. Политические ценности как средство формирования гражданской позиции российской молодежи (по материалам региональных исследований) // Азиатские исследования: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 142-153. – DOI 10.24412/2782-6139-2022-1-142-153.

важности политики на макроуровне, с другой — абсолютная убежденность в том, что личное участие ничего изменить не может²²⁷. Это приводит к устойчивой поведенческой модели уклонения от любой формы политической коммуникации: игнорированию новостей, непосещению выборов, отсутствию дискуссий на политические темы. Данная форма является скорее фоновым состоянием, обусловленным низким уровнем политической социализации, компетентности и эффективности, а также приоритизацией личных, академических и профессиональных интересов. Студент «уклонист» (форма пассивного неучастия) часто аргументирует свою позицию через призму прагматического индивидуализма, считая, что инвестиции времени и сил в личную карьеру, образование или досуг приносят гораздо более ощутимые и быстрые результаты, нежели попытки повлиять на «неповоротливую и непрозрачную политическую машину». Его политическая идентичность не сформирована, а самоидентификация в политическом пространстве либо отсутствует, либо носит случайный, навязанный характер. Важно отметить, что пассивное неучастие не стоит путать с выгоранием или временной усталостью от политики; это устойчивая мировоззренческая установка, сформированная долговременным воздействием таких факторов, как отсутствие позитивных примеров политического участия в ближайшем окружении, преобладание в публичном дискурсе негативной информации о политике, ассоциирующей ее исключительно с коррупцией, скандалами и борьбой за власть, а также общая социальная аномия и атомизация общества, разрушающие коллективные формы идентичности и солидарности.

В противоположность пассивности, ситуативное неучастие (избегание) отличается флуктуирующим, контекстуально зависимым характером. Студент, для которого характерна эта форма, не является стойко аполитичным. Его интерес к политике и готовность к участию носят волнообразный, ситуативный характер, активируясь или затухая под влиянием комплекса внешних и внутренних факторов. Ключевыми детерминантами выступают конкретные политические события

²²⁷ Вострокнутова, Т. Ф. Исследование мотивационной структуры личности студентов вуза // Гуманизация образования. – 2010. – № 6. – С. 25-29.

(выборы, масштабные акции, международные кризисы), актуальность темы для непосредственного окружения (вуза, факультета, общежития) или личных интересов (например, экологическая политика для студента-биолога), а также доступность и простота каналов участия (например, цифровые платформы)²²⁸. Таким образом, студент ситуативно избегает политической коммуникации, когда она не соответствует его текущим интересам, эмоциональному состоянию или воспринимается как чрезмерно затратная. Его поведение представляет собой динамический паттерн, в котором эпизоды включенности (например, подписание онлайн-петиции, обсуждение острой темы в социальных сетях) сменяются длительными периодами выключенности. Это свидетельствует о потенциальной лабильности его позиции и возможности трансформации в более устойчивые формы участия или неучастия при изменении внешних обстоятельств или личных убеждений.

Подобная «пульсация» политического интереса во многом обусловлена особенностями жизненного мира студента, в котором происходит постоянная конкуренция за ограниченные ресурсы внимания между академическими обязанностями, работой, социальной жизнью и личными увлечениями. Политика проигрывает в этой конкуренции, если не обладает высочайшей степенью актуальности и эмоциональной заряженности²²⁹. Кроме того, ситуативное неучастие может быть формой адаптации к сложной и противоречивой информационной среде, когда студент, не обладая достаточными инструментами для критического анализа и верификации информации, предпочитает дистанцироваться от тем, которые вызывают когнитивный диссонанс или чрезмерную психологическую нагрузку. Таким образом, избегание становится механизмом психологической самозащиты и оптимизации когнитивной нагрузки.

²²⁸ Соколов А. В., Исаева Е. А., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности // Регионоведение. – 2023. – Т. 31, № 3(124). – С. 459–476. – DOI 10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476.

²²⁹ Литвинова И. В., Фадеева Н. П. Академическая среда, как сдерживающий фактор политической безактивности студенческой молодёжи // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 318-321.

Наиболее рефлексивной и целенаправленной формой является активное неучастие (абсентеизм). В данном случае отказ от участия — это не следствие безразличия или сиюминутной незаинтересованности, а осознанная, артикулированная и зачастую идеологически обоснованная политическая стратегия. Студент-абсентеист не просто игнорирует политику; он демонстративно от нее дистанцируется, выражая тем самым протест против сложившейся политической системы в целом или ее отдельных институтов, практик, норм. Его неучастие мотивировано глубокой неудовлетворенностью, разочарованием, недоверием к институтам власти, политическим партиям, электоральным процедурам, которые воспринимаются как нелегитимные, неэффективные, коррумпированные или фальшивые²³⁰. Активное неучастие является формой, которая призвана продемонстрировать позицию несогласия и оказать символическое давление на систему. Целью такого поведения может быть желание спровоцировать кризис легитимности, привлечь внимание к системным проблемам или заявить о необходимости радикальных изменений. Таким образом, это не уход из политики, а специфическая, демонстрация неучастия в политической коммуникации с целью повлиять или изменить объект коммуникации. Студент, избравший эту стратегию, как правило, обладает достаточно высоким уровнем политической рефлексии и информированности; его решение основано на анализе и негативном опыте, а не на незнании. Его позиция может быть артикулирована в рамках дискурсов критики представительной демократии, неолиберализма, имитационного характера политических институтов. Интересно, что такой студент может быть активен в других сферах гражданской жизни (волонтерство, локальные инициативы), что еще раз подчеркивает намеренный и протестный характер его абсентеизма именно в отношении формальной, институционализированной политики²³¹.

²³⁰ Романова Н. Р. Гражданское выгорание как фактор абсентеизма и аполитичности студенческой молодежи // Психолог. — 2017. — № 3. — С. 35-50.

²³¹ Матюхин А. В., Давыдова Ю. А. Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи города Москвы // Журнал политических исследований. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 91-105. — DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-91-105.

Однако активное неучастие не всегда является негативным явлением. В некоторых случаях данная форма неучастия может служить катализатором для изменений и побуждать политиков и институты обратить внимание на проблемы молодежи. Государственные институты демонстрируют готовность воспринимать сигналы абсентеизма как обратную связь и стимул для модернизации, проявляя гибкость и открытость к реформам, направленным на повышение включенности молодежи в политические процессы и учет ее интересов. Например, массовый абсентеизм на выборах может стать сигналом для политиков о том, что молодежь не удовлетворена существующими условиями, и что необходимо принимать меры для улучшения ситуации. В этом контексте важно рассматривать абсентеизм не только как отказ от участия, но и как возможность для диалога между молодежью и политическими институтами²³².

Различия между этими формами стратегии неучастия носят фундаментальный характер и заключаются в мотивационной основе, степени рефлексивности и потенциальной трансформационной способности поведения студента. Пассивное неучастие лишено рефлексии и протестного заряда, ситуативное — частично рефлексивно и контекстуально, активное — целиком основано на рефлексии и является инструментом протеста. Пассивный студент не участвует, потому что ему «все равно», ситуативный — потому что «сейчас неинтересно/некогда/неудобно», активный — потому что «я против». Эти различия проявляются и в дискурсе: пассивный студент затрудняется сформулировать свою позицию, апеллируя к общим тематикам; ситуативный — приводит конкретные, ситуативные причины своего неучастия в тот или иной момент; активный — строит развернутую, системную критику, обосновывая свой выбор неучастия. С точки зрения политических последствий, пассивное и ситуативное неучастие могут рассматриваться как факторы стагнации политической системы, лишаящие ее энергетического и инновационного потенциала молодежи, в то время как активное

²³² Шашкова Я. Ю., Дерендяева А. Д. Российская молодежь в институциональных трансформациях: детерминанты неучастия // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 145-149. – DOI 10.17223/15617793/405/20.

неучастие представляет собой латентный вызов системе, потенциальный ресурс для будущей мобилизации и существенных изменений, который, однако, в текущий момент выражается в деструктивной по отношению к существующим институтам форме. В частности, стоит рассмотреть более конкретно разницу между ситуативным и активным неучастием по данным проведенного опроса (таблица 5).

Таблица 5. Сводная таблица результатов дисперсионного анализа.

Переменная анкеты)	(Вопрос	Среднее «Активное»	Среднее «Ситуативное»	р- значение	Результат
Частота участия		0,44	0,85	< 0,001	Ситуативное > Активного
Самооценка активного		1,34	1,88	< 0,001	Ситуативное > Активного
Избегание обществ. мероприятий		4,22	2,85	< 0,001	Активное > Ситуативного
Избегание внеучебной мероприятий		4,21	3,1	< 0,001	Активное > Ситуативного
Избегание учебных мероприятий		3,63	1,86	< 0,001	Активное > Ситуативного
Волнение о мнении		1,06	1,25	0,011	Ситуативное > Активного
Влияние Семьи		2,48	2,99	0,03	Ситуативное > Активного
Влияние Друзей		2,18	2,66	0,01	Ситуативное > Активного
Влияние Одногруппников		1,66	1,96	0,028	Ситуативное > Активного
Влияние Преподавателей		1,88	2,26	0,031	Ситуативное > Активного
Влияние Администрации вуза		1,34	1,71	0,012	Ситуативное > Активного

Влияние организаций	Общ.	1,6	1,69	0,543	Различий нет
---------------------	------	-----	------	-------	--------------

Основные результаты включают частоту неучастия и самооценку, где ситуативные «не участники» демонстрируют более высокую частоту участия в мероприятиях и чаще считают себя активными по сравнению с активными «не участниками», и это логично, так как их неучастие обусловлено обстоятельствами, а не принципиальной позицией, в то время как активные «не участники», напротив, демонстрируют более высокий уровень избегания всех типов мероприятий — общественных, внеучебных и учебных, — что указывает на их тотальный отказ от активности. Влияние социального окружения также различается, поскольку ситуативные «не участники» более восприимчивы к влиянию социального окружения, где мнение семьи, друзей, одноклассников, преподавателей и администрации вуза оказывает на них значительно большее воздействие, чем на активных «не участников», для которых решение об отказе от участия является внутренней, независимой позицией, мало зависящей от внешних факторов. Незначимые различия наблюдаются в уровне обеспокоенности мнением окружающих и влиянии общественных организаций, которые не показали значимых различий между группами, и это говорит о том, что такие аспекты, как страх осуждения или давление со стороны организаций, не являются определяющими для разделения групп. Портреты групп подчеркивают, что активный «не участник» — это студент с твердой, сознательной позицией, который последовательно отказывается от участия в большинстве мероприятий, и его решение не зависит от мнения друзей, семьи, преподавателей или администрации, представляя собой автономный выбор, основанный на личных приоритетах и убеждениях, в то время как ситуативный «не участник» — это студент, не против участия в принципе, но его поведение зависит от внешних обстоятельств и социального окружения, где он может проявлять интерес к мероприятиям, но по различным причинам, таким как нехватка времени или отсутствие поддержки, не присоединяется. Эти портреты подчеркивают разнообразие подходов к неучастию,

показывая, что оно может быть, как осознанным выбором, так и результатом внешних ограничений, что важно для разработки целевых стратегий.

Важно подчеркнуть, что эти формы (пассивное, ситуативное, активное) не являются жестко закрепленными и неизменными. В динамике политической коммуникации студента возможны переходы от одной формы к другой под влиянием критических событий, накопления опыта, изменения жизненных обстоятельств или повышения уровня политической грамотности. Так, пассивный студент может перейти в категорию ситуативных под воздействием яркого политического лидера или острой проблемы, непосредственно затрагивающей его жизнь (например, реформа образования). Ситуативный участник, столкнувшись с неэффективностью своего эпизодического включения или разочаровавшись в конкретном политическом акторе, может скатиться в пассивность или, напротив, трансформировать свое разочарование в активную форму неучастия. Эти трансформации носят нелинейный и зачастую непредсказуемый характер, что делает траектории политической коммуникации студенческой молодежи чрезвычайно сложной, но важной исследовательской задачей²³³.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем подвести итоги исследования основных форм неучастия студенческой молодёжи в политической коммуникации. По итогу были выделены и рассмотрены три основные формы стратегии неучастия: пассивное неучастие (уклонение), ситуативное неучастие (избегание) и активное неучастие (абсентеизм), каждая из которых имеет свои особенности, причины и последствия. Понимание этих форм позволяет государственным институтам, образовательным организациям и общественным структурам разрабатывать более адресные и эффективные меры по вовлечению молодежи в конструктивное русло общественно-политической жизни, учитывая специфику мотивации и барьеров каждой группы.

Пассивное неучастие, характеризуется отсутствием интереса к политическим вопросам и процессам. Преодоление данной формы требует системной работы по

²³³ Шигабетдинова, Г. М. Феномен рефлексии: границы понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2-1. – С. 415-422.

повышению уровня политической грамотности, демонстрации практической значимости политических решений для повседневной жизни студентов (образование, карьера, жилье), а также создания позитивной среды в образовательных учреждениях и семьях, где гражданская ответственность является ценностью. Это явление можно объяснить различными факторами, включая недостаток информации, отсутствие доверия к политическим институтам и общую апатию к общественным делам. Молодёжь, находясь в поиске своей идентичности и стремясь к самоопределению, часто не видит смысла в активном участии в политике, особенно если она считает, что её голос не будет услышан или не повлияет на ситуацию. Государственные программы, направленные на раннюю профориентацию и включение элементов гражданского образования в школьные программы, поддержка молодежных медиа, создающих привлекательный контент о государственном управлении и возможностях участия, призваны пробудить интерес и показать релевантность политики для будущего молодого поколения. Это уклонение может быть опасным, так как приводит к пассивности и безразличию, что в свою очередь может негативно сказаться на демократических процессах и уровне гражданской активности в обществе. Поэтому ключевой задачей является трансформация уклонения в осознанный интерес через демонстрацию конкретных результатов диалога между властью и молодёжью, а также создание понятных и доступных «точек входа» в общественную деятельность.

Ситуативное неучастие представляет собой более сложное явление. Студенты, которые иногда участвуют в политической коммуникации, а иногда нет, могут быть движимы различными обстоятельствами. Работа со студентами, которые практикуют форму пассивного неучастия, фокусируется на снижении факторов неучастия (временных, экономических, психологических), развитии навыков критического мышления и уверенности в себе у студентов, а также на создании устойчивой мотивации через демонстрацию эффективности их действий и признание вклада. Это может быть связано с изменением личных интересов, влиянием окружения или даже актуальными событиями в стране. Ситуативное

неучастие может свидетельствовать о том, что молодёжь находится в состоянии поиска своего места в политической системе, и эта форма неучастия может быть временной. Тем не менее, такая непостоянность также может говорить о недостаточной информированности и отсутствии чёткой позиции по важным вопросам. Это создаёт риск, что молодые люди будут следовать за мнением большинства, не задумываясь о своих собственных взглядах и убеждениях. Развитие программ, направленных на формирование самостоятельной гражданской позиции, основанной на анализе информации и осознанном выборе, является важным направлением работы образовательных учреждений и молодежных организаций при поддержке государства.

Активное неучастие, рассматриваемый как проявление протеста, представляет собой наиболее активное выражение неучастия. Преодоление данной формы неучастия требует глубокого диалога, готовности институтов власти к изменениям, повышения прозрачности и подотчетности, демонстрации реальной отзывчивости системы на запросы молодежи, а также создания эффективных каналов для реализации молодежных инициатив и участия в принятии решений. Студенты, отказываясь участвовать в выборах или других политических мероприятиях, может демонстрировать своё недовольство существующей системой или конкретными политическими действиями. Этот вид неучастия может быть, как осознанным выбором, так и результатом разочарования в политике. Абсентеизм может быть мощным сигналом для власти о том, что молодёжь недовольна и требует перемен. Государственные институты демонстрируют готовность воспринимать этот сигнал как конструктивную критику и импульс для совершенствования, инициируя исследования причин, организуя открытые дискуссии и реализуя меры по повышению инклюзивности и эффективности политических процессов. Однако, несмотря на его протестный характер, абсентеизм также может привести к нежелательным последствиям, таким как укрепление существующей власти и игнорирование мнения тех, кто не принимает участия в политической жизни. Чтобы избежать этого, важно трансформировать протестный потенциал в созидательную энергию через вовлечение критически

настроенной молодежи в процессы обновления и реформирования системы, предоставление им возможностей для реализации альтернатив в правовом поле.

Важным аспектом, который мы не можем обойти стороной, является влияние цирковых платформ на неучастие студенческой молодёжи в политической коммуникации. Так, социальные сети стали мощным инструментом для распространения информации и формирования общественного мнения. Государство, осознавая эту роль, активно развивает свое присутствие в цифровом пространстве, создавая официальные, но при этом современные и привлекательные для молодежи каналы коммуникации, наполняя их достоверной информацией, анонсами возможностей и примерами успешного взаимодействия молодежи с институтами власти. Они предоставляют молодым людям платформы для выражения своих мнений, обсуждения актуальных вопросов и взаимодействия с другими участниками политического процесса. Однако, несмотря на положительные аспекты, социальные сети также способствуют распространению дезинформации и манипуляциям, что может усиливать уклонение и избегание. Борьба с дезинформацией, развитие медиаграмотности молодежи, поддержка конструктивных молодежных медиа и блогеров, продвигающих позитивную гражданскую повестку, являются важными элементами государственной политики в цифровой сфере. Молодёжь может столкнуться с перегрузкой информации, что приведёт к ещё большей апатии и нежеланию участвовать в политической жизни²³⁴. Создание удобных агрегаторов проверенной информации о возможностях участия, государственных услугах, политических процессах, а также развитие навыков информационной гигиены у молодежи, помогают преодолеть этот барьер.

Стратегия неучастия в политической коммуникации студенческой молодежи представляет собой многогранный социально-политический конструкт, требующий глубокого междисциплинарного анализа, выходящего за рамки простого описания абсентеизма. Пассивное, ситуативное и активное неучастие выступают не изолированными поведенческими моделями, а сложными формами,

²³⁴ Гришаева С. А., Шамаев П. А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 25-35. – DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35.

протекающих в глубинах общественного организма. Эти формы отражают комплекс глубинных проблем, укоренившихся в современных социальных структурах, среди которых наиболее значимыми являются кризис доверия к институциональной политической системе, дефицит качественной и доступной информации, а также недостаточная сформированность устойчивой гражданской идентичности и культуры участия²³⁵. Генезис пассивного неучастия коренится в области социальной аномии, когда индивид, испытывая отчуждение от политических процессов, демонстрирует устойчивую аполитичность, обусловленную убеждением в собственной неспособности повлиять на принимаемые решения. Данная форма часто является следствием неудачного опыта или результатом системного разочарования в эффективности каналов репрезентации интересов, когда гражданин воспринимает политику как нечто чуждое и не имеющее к его повседневной жизни прямого отношения.

Ситуативное неучастие детерминировано совокупностью краткосрочных факторов, таких как специфика конкретного избирательного цикла, личные обстоятельства индивида или оценка им текущей экономической конъюнктуры. Это форма демонстрирует неустойчивость политических предпочтений студенческой молодежи вузов и ее высокую чувствительность к сиюминутным колебаниям общественной атмосферы, что свидетельствует о недостаточной укорененности базовых традиционных ценностей и прагматичном, а не ценностном отношении к политическому процессу²³⁶.

Активное неучастие, в свою очередь, представляет собой осознанную и артикулированную позицию протеста против сложившейся политической модели в целом или против отдельных ее аспектов, что может проявляться в форме бойкота или целенаправленной демонстрации игнорирования официальных политических процедур. Эта форма свидетельствует о наличии запроса на альтернативные формы

²³⁵ Денисов, Н. Г. Гражданская и культурная идентичность как стратегический ресурс российской государственности // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 4(42). – С. 39-42.

²³⁶ Демидова Е. И., Николаев А. Н. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса // Власть. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 14-20.

гражданской мобилизации и участия, которые часто лежат вне традиционного институционального поля²³⁷.

Решение обозначенного комплекса проблем видится не в разовых кампаниях, а в реализации долгосрочной и последовательной стратегии, нацеленной на системную трансформацию взаимоотношений между государством, общественными институтами и молодым поколением. Ключевым элементом стратегии неучастия является работа по укреплению доверия к публичным институтам, которое может быть достигнуто исключительно через повышение уровня прозрачности их деятельности, обеспечение подотчетности и демонстрацию реальной результативности. Доверие является фундаментальным ресурсом легитимности любой политической системы, и его дефицит напрямую коррелирует с ростом неучастия. Формирование доверия — это не задача пиара, а сложный институциональный процесс, требующий внедрения механизмов общественного контроля, развития открытого электронного правительства и создания действенных каналов обратной связи, гарантирующих, что голос каждого гражданина будет не только услышан, но и может привести к конкретным политическим решениям. Не менее важным направлением является насыщение информационного поля проверенными и объективными материалами, представленными в форматах, адаптированных для цифрового поколения²³⁸.

Современная студенческая молодежь вузов существует в условиях перенасыщенного информационного потока, характеризующегося высокой конкуренцией нарративов, что порождает проблемы медиаграмотности и критического восприятия контента. В этой связи усилия должны быть сосредоточены не только на производстве качественного контента, но и на развитии компетенций критического мышления, позволяющих молодому человеку

²³⁷ Соколов А. В., А. В. Соловьева Гражданская мобилизация: механизмы реализации в современной России // Власть. – 2014. – № 9. – С. 19-24.

²³⁸ Шадже А. Ю., Ильинова Н. А. Образование в условиях нового глобального риска: цифровизация и гуманизация // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 6. – С. 71-83. – DOI 10.34823/SGZ.2020.5.51478

самостоятельно ориентироваться в медиасреде, отличать факты от манипуляций и формировать собственное обоснованное мнение²³⁹.

Центральное место в преодолении политической индифферентности занимает задача воспитания у молодых людей чувства сопричастности к судьбе страны и личной ответственности за ее будущее развитие. Это предполагает переход от модели патриотизма как лояльности к символике к модели гражданского патриотизма, основанного на участии, солидарности и практической деятельности, направленной на улучшение своего непосредственного окружения — двора, школы, района, города. Школы и университеты должны трансформироваться из мест простой трансляции знаний в площадки для апробации гражданских практик, где студенты и ученики получают реальный опыт самоуправления, проектной деятельности и решения конкретных социальных проблем. Важно понимать, что каждая из форм неучастия — пассивная, ситуативная, активная — обладает двойственной, амбивалентной природой и может иметь как деструктивные, так и конструктивные последствия для общественного развития. Пассивное неучастие, с одной стороны, ведет к социальной апатии и эрозии человеческого капитала, а с другой — может выступать формой адаптации к стремительным изменениям, предохранительным клапаном, позволяющим избежать радикализации. Ситуативное неучастие, будучи индикатором нестабильности, одновременно является маркером избирательности и рационального подхода, когда молодежь участвует только когда выгодно «здесь и сейчас», сознательно игнорируя нерелевантные для себя общественно-политические мероприятия. Активное неучастие, являясь вызовом стабильности, одновременно служит источником инноваций и сигналом о назревших системных противоречиях, требующих институциональных реформ.

Таким образом, стратегическая задача государственных и общественных институтов заключается не в тотальной борьбе с неучастием как таковым, а в

²³⁹ Качкаева А. Г., Шомова С. А. Понимая медиа. Медиаграмотность и критическая автономия в эпоху "коммуникативного капитализма", "эмпатичных медиа" и "чувствительных данных" // Социодиггер. – 2021. – Т. 2, № 6(11). – С. 4-46.

тонкой дифференцированной работе по минимизации связанных с ним рисков и максимальной активизации его позитивного потенциала. Это искусство трансформации вызовов в возможности для качественного развития всей политической системы. Преодоление негативных проявлений политического неучастия молодежи открывает путь к становлению зрелого гражданского общества, характеризующегося не только высокой электоральной активностью, но и разнообразием практик солидарности, волонтерства, общественного контроля и гражданских инициатив. Укрепление российской государственности в долгосрочной перспективе немыслимо без активного и осознанного включения нового поколения в процессы управления и развития, что обеспечивает необходимую преемственность ценностей и обновление кадрового потенциала. Краеугольным камнем государственной политики в этой сфере должны стать принципы постоянного и содержательного диалога, гибкости и готовности к адаптации институтов под изменяющиеся запросы молодежи, безусловного уважения к ее мнению и мировоззренческому выбору²⁴⁰.

Искусство управления в современном мире заключается не в директивном указании, а в создании условий и возможностей для самореализации молодых людей в правовом и ценностном поле, способствующем устойчивому развитию страны. Создание такой экосистемы, где молодой человек чувствует свою востребованность и видит реальные возможности влиять на свою жизнь и жизнь общества легальными способами, является сложнейшей, но абсолютно необходимой задачей для обеспечения динамичного и стабильного будущего России²⁴¹. Это подразумевает синхронизацию усилий всех акторов: от образовательных учреждений, формирующих критическое мышление, до медиа, обеспечивающих плюрализм мнений, и от государственных органов, создающих прозрачные правила игры, до институтов гражданского общества.

²⁴⁰ Вшивцева Л. Н. Укрепление российской идентичности студенческой молодежи в процессе реализации дисциплины «Основы российской государственности» // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 9, № 9. – С. 903-910. – DOI 10.30853/ped20240114

²⁴¹ Убушаева Б. Г., Ивашкова А. А. Использование потенциала молодежи в проектной практике городов федерального значения // Муниципальная академия. – 2025. – № 2. – С. 244-253. – DOI 10.52176/2304831X_2025_02_244.

Этот многомерный подход требует учета глобального контекста, в котором существует современная российская молодежь, подверженная влиянию транснациональных трендов, цифровизации всех сфер жизни и изменениям на рынке труда. Понимание мотивационных структур нового поколения, его системы ценностей и жизненных стратегий является необходимым условием для выработки адекватных политических мер.

Следовательно, политика вовлечения должна быть тесно увязана с общей социально-экономической политикой развития, предлагающей молодежи конкретные перспективы роста и развития внутри страны. Эффективность таких мер должна постоянно подвергаться независимому мониторингу и оценке на основе строгих социологических данных, позволяющих корректировать курс и отказываться от неудачных практик. Только через такой комплексный, научно обоснованный и чуткий к изменениям подход можно добиться превращения потенциальной энергии молодого поколения в созидательную силу, направленную на укрепление суверенитета и процветание России, обеспечивая тем самым не только ее устойчивое развитие, но и динамичную эволюцию гражданской идентичности в XXI веке²⁴². Успех этой работы определит не только политическую коммуникацию ближайших лет, но и долгосрочные траектории развития российской государственности и способность отвечать на вызовы времени и сохранять конкурентоспособность в глобальном мире, где главным ресурсом становится человеческий капитал, а именно — активная, критически мыслящая и ответственная молодежь.

3.2. Последствия неучастия в политической коммуникации студенческой молодёжи вузов России и рекомендации по вовлечению.

Феномен неучастия студенческой молодежи в политической коммуникации представляет собой сложную многогранную проблему, имеющую значительные последствия для различных уровней социальной системы. Анализ данного явления

²⁴² Лукьяненко К. Т. Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 147-149. – DOI 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149.

требует комплексного подхода, учитывающего как индивидуальные аспекты формирования гражданской идентичности, так и системные эффекты для институтов государства, и общества. Так, М. Л. Галас²⁴³, отмечает, что в условиях социально-политической турбулентности последних лет политическая активность молодежи стала важным индикатором ее жизненных ориентаций и уровня доверия к институтам власти. Молодежь, находясь на этапе социализации и политического самоопределения, особенно восприимчива к радикальным идеям и протестным настроениям, что делает задачу ее вовлечения в конструктивные формы политической коммуникации критически важной для национальной безопасности. В рамках данной работы мы разделим последствия стратегии неучастия для следующих участников коммуникации: студенческой молодежи вузов, государства, общества и вузов. Выделение данных участников коммуникации необходимо, поскольку они образуют единую экосистему, где каждый элемент критически взаимосвязан.

Студенты выступают центральным субъектом, чья активность или ее отсутствие напрямую влияет на качество человеческого капитала страны. Государство заинтересовано в них как в будущей элите и основном ресурсе для своего развития, общество — как в источнике инноваций и гражданской инициативы, а вузы являются непосредственной средой их формирования и институтом, связывающим все стороны. Таким образом, анализ последствий для каждой из этих групп позволяет получить целостную картину системного воздействия стратегии неучастия на настоящее и будущее страны²⁴⁴.

Для студенческой молодежи последствия неучастия проявляются, прежде всего, в области развития гражданских компетенций и политической социализации. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что отсутствие регулярной практики участия в политической коммуникации приводит к ослаблению

²⁴³ Галас М. Л. Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 111-121. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121.

²⁴⁴ Ильина А. А. «Государство — наука — образование — бизнес»: стратегическое партнерство в целях поддержки человеческого капитала и экономического развития // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 277–295. – DOI 10.17072/2218-9173-2024-2-277-295.

способности критического анализа политической информации, снижению уровня понимания механизмов принятия публичных решений и дефициту навыков конструктивного диалога с институтами власти²⁴⁵. Исходя из результатов опроса, студенты, исключенные из процессов политической коммуникации, демонстрируют ограниченное понимание того, каким образом могут быть реализованы их личные и коллективные интересы в публичной сфере. Это выражается в трудностях формулирования собственной позиции по общественно значимым вопросам, недостаточной осведомленности о возможностях влияния на принятие решений и слабом владении инструментами гражданского участия. Внутренняя мотивация участников академического сообщества постепенно смещается в сторону сугубо прагматических и карьерных ориентиров без связи с общественно-политической рефлексией, что ведет к сокращению практик коллективного обсуждения и ослаблению чувства гражданской ответственности.

Эмпирические данные, полученные в ходе фокус-групп и анализа эссе студентов, показывают тенденцию, что молодые люди предпочитают потребление политической информации в пассивном режиме, без последующего включения в активные формы участия. Такая форма коммуникации коррелирует с повышенным риском социальной маргинализации, поскольку отсутствие опыта конструктивного политического взаимодействия снижает устойчивость к радикальным и деструктивным нарративам. В результате формируется поколение, менее подготовленное к полноценному участию в демократических процессах и хуже адаптируемое к ролям публичного лидерства, что в долгосрочной перспективе негативно сказывается на профессиональных траекториях и ограничивает возможности социальной мобильности. Исследования Ю. А. Зубок подтверждают, что политическая пассивность молодежи ведет к сужению горизонтов социального прогнозирования и ослаблению способности к коллективному действию²⁴⁶.

²⁴⁵ Курочкин А. В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 49–57. – DOI 10.21638/spbu23.2023.104.

²⁴⁶ Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 4–12. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1688.

С другой стороны, определенные практики неучастия могут иметь и позитивные аспекты для самой молодежи. Так участники фокус-групп отметили, что в условиях информационной перегрузки и высокой академической нагрузки избирательное дистанцирование от политической коммуникации может выступать как механизм защиты когнитивных ресурсов и психологического благополучия. Это позволяет студентам сконцентрироваться на образовательных задачах и профессиональном самоопределении без дополнительного стресса, связанного с необходимостью постоянного отслеживания политической повестки. Однако такие адаптационные преимущества носят краткосрочный характер и не компенсируют долгосрочных рисков, связанных с дефицитом гражданских компетенций. Как отмечают ряд исследователей выборочное участие может быть стратегией рационального поведения в условиях неопределенности, но оно не должно перерасти в системное отчуждение от публичной сферы²⁴⁷.

На уровне государства последствия широкого неучастия студенчества проявляются в снижении качества обратной связи между институтами власти и молодежью. Отсутствие регулярных и структурированных каналов коммуникации приводит к недостаточно точной диагностике потребностей и ожиданий этой социально значимой демографической группы. Как показывают данные экспертных интервью, дефицит вовлеченности молодежи препятствует формированию адекватных политических решений, уменьшает легитимность принимаемых мер и повышает риск ошибок в приоритетах государственной политики. В отсутствие активного студенческого голоса государство теряет значимый кадровый резерв инициативных и компетентных молодых управленцев, что в среднесрочной перспективе усиливает кадровый дефицит в секторе публичного управления и снижает адаптивность институтов к социальным изменениям.

²⁴⁷ Сайфулина К. Э., Козунова Г. Л., Медведев В. А. и др. Принятие решения в условиях неопределённости: стратегии исследования и использования // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 93–106. – DOI 10.17759/jmfp.2020090208.

Односторонняя коммуникация между государством и молодежью повышает уязвимость информационного поля к искажениям и манипуляциям, что осложняет поддержание атмосферы доверия и стабильности в отношениях между обществом и властью. Государственные институты, лишённые регулярной обратной связи от наиболее образованной и критически мыслящей части молодежи, постепенно утрачивают способность к своевременной корректировке политического курса и учету специфических интересов нового поколения. Это создает системные риски для долгосрочного развития страны, поскольку снижает инновационный потенциал государственного управления и ограничивает возможности для своевременного реагирования на вызовы современности. Исследования С. Д. Щеголева показывают, что разрыв в коммуникации между властью и молодежью приводит к формированию параллельных информационных потоков и альтернативных центров влияния²⁴⁸.

Вместе с тем, определенная степень неучастия молодежи в политических процессах может иметь и положительные стороны для государства. Она снижает давление на политическую систему со стороны незрелых или радикальных требований, позволяет проводить более взвешенную и последовательную политику без необходимости постоянного учета мнения недостаточно опытной части общества. Однако эти преимущества носят тактический характер и не могут компенсировать стратегические потери, связанные с утратой связи с будущими лидерами и профессионалами. Как отмечает Е. Н. Малик, определенная дистанция позволяет системе фильтровать действительно значимые инициативы, но при этом возникает риск пропустить важные инновационные предложения²⁴⁹.

На общественном уровне пассивность студенчества приводит к сокращению разнообразия мнений и замедлению генерации социальных инноваций. Отсутствие активного молодёжного присутствия в публичных дискуссиях ведет к

²⁴⁸ Щеголев С. Д. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 44-50.

²⁴⁹ Малик Е. Н. Интеграция российской молодежи в политический процесс: поиск условий и факторов эффективности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 5. – С. 100-104. – DOI 10.12737/14301.

ограничению плюрализма и снижению качества общественного диалога, что в совокупности уменьшает устойчивость сообществ к социальным потрясениям и ослабляет их способность к самоорганизации. Практики локальной инициативы и сотрудничества между гражданскими, частными и государственными акторами становятся менее динамичными, что ограничивает возможности общества по адаптации и модернизации социальных институтов²⁵⁰.

Студенческая молодежь традиционно выступает важным источником социальной энергии и инноваций, поэтому ее исключение из процессов общественного диалога приводит к обеднению публичной сферы и снижению ее креативного потенциала. Отсутствие регулярного взаимодействия между студенчеством и другими социальными группами затрудняет передачу актуальных знаний, ценностей и практик, что способствует консервации устаревших моделей социального устройства и ограничивает возможности для поступательного развития. В долгосрочной перспективе это может привести к усилению социальной разобщенности и ослаблению гражданской солидарности. Исследования Н. Д. Сорокина, Е. М. Токарева демонстрируют, что разрыв межпоколенческих связей ведет к утрате преемственности в развитии гражданского общества²⁵¹.

Вместе с тем, определенная автономия студенческой среды от текущей политической повестки может способствовать сохранению интеллектуальной независимости и критического потенциала академического сообщества. Это позволяет вузам оставаться пространством для свободного обсуждения и генерации идей без непосредственного давления политической конъюнктуры. Однако такая автономия должна сочетаться с развитыми механизмами обратной связи с обществом, чтобы не превращаться в форму интеллектуальной изоляции. Как подчеркивают М. А. Измайлова и Е. Ю. Корнева университеты должны

²⁵⁰ Голдобина В. В., Иванова Е. А., Стеценко Т. И. Информационно-коммуникативное обеспечение молодежной политики (на примере Молодежного парламента Пермского края) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2019. – № 1(3). – С. 264-273.

²⁵¹ Сорокина Н. Д., Токарева Е. М. Связь и преемственность поколений (на примере опроса студентов) // Социальная политика и социология. – 2024. – Т. 23, № 2(151). – С. 81–88. – DOI 10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88.

сохранять баланс между академической свободой и социальной ответственностью²⁵².

Для вузов как образовательных институтов последствия неучастия студентов в политической коммуникации проявляются в ослаблении их воспитательной и социальной функций. Эксперты отмечают, что университеты, лишённые активного взаимодействия со студенческим сообществом по вопросам общественно-политического развития, теряют возможность полноценно формировать гражданские компетенции и социальную ответственность у будущих специалистов. Преподавательская и административная команды получают менее качественную обратную связь о релевантности образовательных программ современным вызовам, студенческие проекты и инициативы сокращаются, снижается интенсивность междисциплинарной коммуникации и вовлечённость в научно-практические кейсы.

С другой стороны, определенная степень концентрации на образовательных задачах без отвлечения на текущую политическую повестку может способствовать повышению академической эффективности и углубленной профессиональной подготовке. Однако этот потенциал реализуется только при условии сохранения баланса между академической автономией и социальной ответственностью вузов.

Отдельного глубокого осмысления заслуживают многогранные последствия, порождаемые цифровыми формами неучастия. С одной стороны, доминирование в цифровых экосистемах кратких, визуально ориентированных и аффективно насыщенных форм взаимодействия с политическим контентом над содержательной дискуссией, аргументацией и рефлексией способствует формированию поверхностной политической социализации. Смысловая глубина сложных общественных процессов, требующая для понимания контекста, исторической перспективы и анализа причинно-следственных связей, неизбежно подвергается

²⁵² Измайлова М. А., Корнева Е. Ю. Проблемы качества высшего образования и его социальной миссии // Стандарты и качество. – 2022. – № 3. – С. 100–103. – DOI 10.35400/0038-9692-2022-3-240-21.

эрозии²⁵³. Политика редуцируется до уровня легко узнаваемых символов, упрощенных дихотомий, или развлекательных кейсов, что препятствует формированию адекватной и целостной картины мира и понимания механизмов функционирования власти. Это создает благоприятные условия для манипуляций и упрощенных популистских нарративов.

С другой стороны, именно цифровые платформы, благодаря своей технологической архитектуре, доступности, возможностям анонимности и формирования нишевых сообществ, создают уникальные пространства для неформальных практик политизации, горизонтальной самоорганизации и поиска единомышленников. Эксперты отмечают потенциал определенных онлайн-сред для формирования дискуссионных клубов и сообществ взаимоподдержки, где молодые люди, публично демонстрирующие уклонение от политики, могут в доверительном и относительно безопасном формате обсуждать волнующие их темы, обмениваться мнениями, искать союзников и даже координировать небольшие инициативы.

Популярные в молодежной среде цифровые форматы, такие как мемы или интерактивные игровые механики, могут выполнять важную функцию снижения барьеров для восприятия сложных политических сюжетов. Однако подобная модель вовлечения неизбежно несет в себе риски символического упрощения реальности, где многомерные проблемы и конфликты интересов сводятся к стереотипным образам и однозначным трактовкам, а иллюзия сопричастности и действия, порожденная простым кликом мыши, подменяет реальную гражданскую активность и ответственность²⁵⁴. Исходя из этого формируется феномен детокса – тщательный отбор источников информации, использование алгоритмических фильтров контента, игнорирование нежелательных дискурсов и точек зрения²⁵⁵ –

²⁵³ Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 149–165. – DOI 10.15838/esc.2023.2.86.8.

²⁵⁴ Васильев М. С., Игнатовский Я. Р. Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 15–26. – DOI 10.24412/2071-6141-2021-1-15-26.

²⁵⁵ Гремилова Е. А. Проявления феномена «цифровой детокс» как последствия «цифровой усталости» // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.6(28). – С. 83–86.

способствуют формированию плотных информационных буферов или «пузырей», которые ограничивают кругозор пользователя, затрудняют формирование сбалансированной картины мира и усугубляют мировоззренческую разобщенность и взаимное непонимание даже внутри самой студенческой среды. Поляризация усиливается, диалог между носителями разных взглядов затрудняется, что в целом ослабляет социальный капитал и потенциал консолидации.

Для преодоления описанных негативных последствий необходим комплекс мер, сочетающий институциональные, образовательные и коммуникационные подходы. На институциональном уровне важно развивать внутриуниверситетские механизмы диалога между студентами, преподавателями и администрацией через институализацию студенческих советов с реальными полномочиями, создание регулярных форумов и платформ для обсуждения политики университета, а также внедрение системной поддержки студенческих инициатив, подкрепленной грантами и временными освобождениями для лидеров проектов. Такие меры позволяют создать устойчивую инфраструктуру для участия и обеспечить преемственность студенческих инициатив.

Образовательные меры (исходя из результатов экспертного интервью и фокус-групп) должны включать интеграцию курсов по гражданской грамотности и практикам публичной коммуникации в базовые образовательные программы, организацию лабораторий практического взаимодействия с органами власти и некоммерческими организациями, а также проведение тренингов по медиаграмотности и критическому мышлению. Данные отечественных исследований²⁵⁶ и результаты фокус-групп указывают на высокую эффективность активных методов обучения и проектной работы в повышении мотивации участия. Важно обеспечить связь между теоретическими знаниями и практическими навыками гражданского участия.

²⁵⁶ Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т. и др. Вовлеченность студентов в научную работу в период обучения в вузе: социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 256–271. – DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-2-256-271.

В коммуникационной плоскости необходимо развивать двунаправленные цифровые площадки, адаптированные под молодёжные форматы, сочетая онлайн-форумы с офлайн-мероприятиями, а также внедрять прозрачные механизмы обратной связи, чтобы демонстрировать реальную реализацию предложений студентов и тем самым укреплять доверие. Современные цифровые инструменты позволяют создать инклюзивную среду для политической коммуникации, учитывающую разнообразие интересов и возможностей студенческой молодежи. Как отмечают Г. У. Солдатова и А. Е. Войскунский, новые медиа создают как возможности, так и риски для политического участия молодежи²⁵⁷.

Эксперты отмечают, что взаимодействие государства и вузов должно опираться на программные инициативы по поддержке молодёжного лидерства и на создание временных коммуникационных каналов между органами власти и студенческими сообществами, включая менторские программы с участием госслужащих и практико-ориентированные стажировки. Такое взаимодействие позволяет студентам получить непосредственный опыт участия в управленческих процессах и лучше понять механизмы работы государственных институтов. Исследования Н. Н. Иващенко, М. Л. Теодорович показывают эффективность программ государственно-частного партнерства в сфере молодежной политики²⁵⁸.

Наконец, важна системная работа с культурными и мотивационными факторами: кампании по повышению значения гражданского участия, кейсы успешных студенческих проектов и распространение практик инклюзивного принятия решений могут способствовать трансформации норм и ожиданий внутри студенческих сообществ. Необходимо формировать культуру участия, основанную на ценностях социальной ответственности и гражданской солидарности. Как

²⁵⁷ Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431–450. – DOI 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.

²⁵⁸ Иващенко Н. Н., Теодорович М. Л. Государственно-частное партнерство в системе мер молодежной политики региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3(39). – С. 130–142. – DOI 10.21685/2072-3016-2016-3-13.

подчеркивают Е. И. Васильева, Т. Е. Зерчанинова, А. С. Никитина ценностные ориентации играют ключевую роль в мотивации политического участия²⁵⁹.

В контексте реализации предложенных мер особое внимание следует уделить соответствию процесса вовлечения студенческой молодежи традиционным ценностям Российской Федерации, зафиксированным в Указе Президента №809. Речь идет о создании ценностно-ориентированной модели политической коммуникации, основанной на таких фундаментальных категориях, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России²⁶⁰.

Это предполагает интеграцию указанных ценностей в содержание образовательных программ, методику проведения мероприятий и систему коммуникации со студентами. Конкретные меры должны включать разработку специальных учебных модулей по гражданско-патриотическому воспитанию, интегрированных в основные образовательные программы; организацию тематических мероприятий, посвященных исторической памяти и преемственности поколений; создание системы стимулирования студенческих инициатив, соответствующих традиционным ценностям; подготовку педагогических кадров для реализации ценностно-ориентированного подхода; развитие сотрудничества с религиозными и общественными организациями в сфере духовно-нравственного воспитания.

Например, обсуждение вопросов государственной политики должно подкрепляться примерами исторического служения Отечеству, а практики гражданского участия - увязываться с ценностями взаимопомощи и коллективизма.

²⁵⁹ Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. – 2021. – № 6(73). – С. 67–80. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-6-67-80.

²⁶⁰ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — Доступ из информационно-правового обеспечения «Гарант»

Программы молодежного лидерства должны акцентировать высокие нравственные идеалы и ответственность за судьбу страны, а студенческие инициативы - соотноситься с приоритетом духовного над материальным.

Такой подход не только способствует формированию целостной гражданской идентичности, но и обеспечивает преемственность основополагающих ценностей российского общества. Важно, чтобы ценностные ориентиры были не просто декларируемы, а реально воплощались в практиках университетской жизни, создавая единое ценностное поле и способствуя укреплению общественной солидарности²⁶¹.

Реализация данного подхода требует разработки конкретных механизмов внедрения, включая методическое обеспечение преподавателей, создание мотивационных стимулов для студентов, организацию системы мониторинга и оценки эффективности, обеспечение межведомственного взаимодействия, развитие материально-технической базы для реализации ценностно-ориентированных проектов. Эта работа должна вестись с учетом региональных особенностей и специфики отдельных вузов, что позволит добиться максимальной эффективности в процессе вовлечения студенческой молодежи в политическую коммуникацию на основе традиционных российских ценностей.

В заключение главы следует подчеркнуть, что преодоление последствий неучастия студенческой молодежи в политической коммуникации требует системного и многопланового подхода, учитывающего как текущие вызовы, так и долгосрочные цели развития общества. Формирование активной, ответственной и компетентной гражданской позиции у студенческой молодежи представляет собой не только образовательную задачу, но и важнейший ресурс для инновационного развития страны в условиях современных глобальных вызовов.

Необходимо подчеркнуть, что последствия политического неучастия студенческой молодежи высших учебных заведений Российской Федерации,

²⁶¹ Казанцева Д. Б., Климова Е. К., Чернышева Т. Е. К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской идентичности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 174–188. – DOI 10.15507/2078-9823.50.020.202002.174-188.

выраженные через комплекс взаимосвязанных форм неучастия, обладают высокой степенью системности, долговременности и внутренней противоречивости. Негативные эффекты, такие как ослабление социального капитала и рост потенциала неконвенциональных форм политического протеста, деформация индивидуальной гражданской идентичности и обеднение познавательной сферы в области общественных наук, в текущем социально-политическом контексте значительно преобладают над латентными позитивными аспектами, связанными со стихийным формированием элементов критической рефлексии или поиском альтернативных моделей осмысления политической реальности.

Центральной проблемой неучастия является глубинный и устойчивый дисбаланс между предлагаемыми институциональными форматами политического участия и коммуникации, зачастую воспринимаемыми молодежью как несовременные, неискренние или неэффективные, и коммуникативными практиками, ценностными ориентациями и ожиданиями поколения, сформированного цифровой эпохой. Это поколение (студенческая молодежь вузов России) ценит эмоциональную вовлеченность, визуальность, интерактивность, скорость обратной связи, возможность персонализации опыта и неиерархические сети взаимодействия. Преодоление этого фундаментального разрыва требует не косметических корректировок или увеличения бюджета на «работу с молодежью», а парадигмального сдвига в самой философии диалога между государственными структурами, образовательными институтами и новым поколением граждан.

Необходим переход от монологических практик информирования и директивной мобилизации к совместному творчеству и признанию агентности студенческой молодежи. Без формирования устойчивой атмосферы взаимного доверия, подкрепленной конкретными примерами учета мнения молодежи при принятии значимых решений, и без радикального усиления роли рефлексивного, практико-ориентированного политического образования, любые технологические инновации в сфере коммуникации рискуют остаться инструментами одностороннего воздействия. Формы неучастия в этом случае будут лишь воспроизводиться и углубляться, неся в себе растущие риски дальнейшей

фрагментации общественного пространства, ослабления социального контракта между поколениями и институтами, и, в конечном итоге, снижения потенциала устойчивого развития российского общества.

Данные экспертного интервью свидетельствуют, что даже внутри одного вуза наблюдаются значительные различия в мотивах и формах неучастия между студентами технических, естественнонаучных и гуманитарных специальностей, что требует дифференцированного подхода при разработке мер по вовлечению. («Технари чаще говорят «не разбираюсь, не мое», гуманитарии – «все равно ничего не изменится». Разные причины, один результат – неучастие» - цит. эксперт, Ярославль). Другой важный аспект – временная динамика неучастия. Краткосрочные эпизоды ситуативного неучастия, вызванные сессией или личными обстоятельствами, имеют иные последствия, чем устойчивые, длящиеся годы практики пассивного и активного неучастия.

Длительное неучастие ведет к формированию устойчивых психологических барьеров и когнитивных схем, затрудняющих последующее включение в политическую коммуникацию даже при изменении внешних условий или появлении новых возможностей. Эксперты отмечают, что точка невозврата, после которой реинтеграция в политическое пространство становится крайне затруднительной, для многих студентов наступает уже к окончанию бакалавриата. Особую роль в генезисе и закреплении практик неучастия играет институциональная среда самого вуза. Университеты с авторитарной управленческой культурой, слабо развитыми органами студенческого самоуправления, формальным подходом к преподаванию общественно-политических дисциплин невольно способствуют воспроизводству отчуждения. Напротив, вузы, культивирующие атмосферу академической свободы, поддерживающие студенческие инициативы и практикующие интерактивные методы обучения, создают условия если не для активного участия, то хотя бы для минимизации наиболее деструктивных форм уклонения. («Где ректор – «хозяин», а студсовет – бутафория, там и политическая культура студентов инфантильна. Где

студенты реально управляют общежитием или клубом, там и к политике подход иной» - цит. фокус группа, 22 года, муж., Санкт-Петербург).

Анализ эссе студентов также подчеркивают значение микроклимата в студенческих группах: группы, где доминирует циничное отношение к политике, оказывают нормативное давление на сомневающих, закрепляя практики избегания. Потенциал позитивных аспектов неучастия, таких как стихийная политизация через цифровые форматы или формирование критического сознания, также реализуется неравномерно. Он выше среди студентов с развитыми аналитическими способностями, доступом к разнообразным информационным источникам и опытом участия в неформальных дискуссионных площадках. Для студентов из менее ресурсных сред, особенно в регионах с ограниченным доступом к качественному интернету или из семей с низким культурным капиталом, неучастие чаще принимает формы пассивного уклонения или ситуативного избегания без компенсаторных эффектов. Это усиливает социальное неравенство в сфере политического участия уже на стадии его генезиса²⁶².

Эксперты единодушны во мнении, что слабость институтов гражданского общества, ограниченность возможностей для самоорганизации вне государственных структур, правовая неопределенность в сфере публичных мероприятий создают структурные предпосылки для распространения стратегии неучастия. Когда легальные каналы выражения позиции сужены или сопряжены с высокими издержками, неучастие становится рациональной, хотя и деструктивной в долгосрочной перспективе, стратегией адаптации. Это ставит вопрос о необходимости системных изменений не только в сфере молодежной политики, но и в более широком контексте развития демократических институтов и публичной сферы.

Перспективы преодоления негативных последствий политического неучастия студенческой молодежи, лежат на пересечении нескольких

²⁶² Prakhov, I. Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors // Educational Studies. Moscow. – 2015. – No. 1. – P. 88-117. – DOI 10.17323/1814-9545-2015-1-88-117.

направлений: трансформации образовательных практик в высшей школе, реформы институтов представительной демократии для повышения их отзывчивости к запросам молодежи, развития инфраструктуры гражданского участия и создания инклюзивной цифровой публичной сферы.

Успех возможен только при условии синергии усилий государства, образовательных учреждений, институтов гражданского общества и самих студентов. Ключевым индикатором эффективности принимаемых мер будет не формальный рост явки или числа участников официальных мероприятий, а качественное изменение характера политической субъектности студенческой молодежи – обретение ею чувства реальной агентности, способности влиять на решения и уверенности в том, что ее голос услышан и учтен²⁶³. Только в этом случае потенциал, скрытый даже в латентно позитивных аспектах неучастия, сможет реализоваться в конструктивных формах гражданской активности, способствуя устойчивому развитию российского общества.

Выводы к главе 3. Традиционные концепции гражданственности, основанные на обязательствах участия в формальных институтах, все чаще вступают в противоречие с практиками самореализации современной студенческой молодежи вузов, для которой политика перестает быть отдельной сферой жизни, а растворяется в повседневных практиках. Это порождает эффект «рассеянной политичности», когда политическое содержание латентно присутствует в развлекательном контенте, игровых механиках или даже потребительских выборах, но при этом отсутствует как предмет целенаправленной рефлексии и организованного действия. Такое состояние можно охарактеризовать как развитие стратегии неучастия в политической коммуникации, где привычные формы неучастия трансформируются и наполняются: активное неучастие может трактоваться не только как протест, но и как поиск аутентичных способов существования вне навязываемых системой ролей. Пассивное неучастие

²⁶³ Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Причины и последствия социального уклонения студенческой // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2024. – № 17. – С. 145-148.

(уклонение) отражает не столько отсутствие интереса, сколько когнитивный диссонанс между сложностью политических процессов и упрощенными объяснительными моделями, доступными в информационном потоке. Ситуативное неучастие (избегание) приобретает черты рациональной стратегии тайм-менеджмента в условиях многозадачности, а цифровое неучастие становится основным способом конструирования политической реальности через алгоритмически персонализированный контент.

Последствия такого сдвига носят фундаментальный характер: переопределяется сама концепция гражданской ответственности, которая все меньше связывается с обязанностями перед государством и все больше – с этическими выборами в повседневной жизни. Это создает парадоксальную ситуацию, когда студент, демонстрирующий высокую социальную ответственность в локальных практиках (волонтерство, цифровой активизм), одновременно может демонстрировать полное уклонение от формальной политики. Разрешение этого противоречия требует пересмотра критериев политической зрелости и разработки интегративных моделей гражданственности, синтезирующих институциональное участие и повседневную этику.

Особого внимания заслуживает анализ неучастия сквозь призму теории поколений. Студенческая молодежь России принадлежит к когорте, сформировавшейся в условиях перманентной социотехнологической трансформации, экономической неопределенности и кризиса больших нарративов. Это поколение отличается прагматизмом, адаптивностью, и «клиповым» мышлением, но одновременно – повышенной тревожностью и потребностью в психологической безопасности²⁶⁴. Формы неучастия выступают для него не только стратегией политической коммуникации, но и механизмом психологической самозащиты от информационной перегрузки и когнитивного диссонанса. В этом контексте неучастие может интерпретироваться как адаптивный ресурс,

²⁶⁴ Калинин М. И. Социально-психологические особенности поколения Z // *Scientist (Russia)*. – 2023. – № 4(26). – С. 174-178.

позволяющий сохранить психическое здоровье и сфокусироваться на решении конкретных жизненных задач.

Однако долгосрочная цена этой адаптации – дефицит навыков работы со сложными социальными системами и ограниченность политического воображения. Важным аспектом является трансформация временных перспектив политического действия. В отличие от предыдущих поколений, ориентированных на долгосрочные идеологические проекты, современные студенты часто мыслят категориями «здесь и сейчас», ценя немедленную обратную связь и конкретный, осязаемый результат. Затяжные политические процессы с отсроченным и неочевидным эффектом воспринимаются как нерелевантные. Это объясняет привлекательность цифровых форм квази-участия (лайки, репосты), дающих мгновенное ощущение сопричастности, и непривлекательность традиционных институтов с их бюрократическими процедурами и длительными циклами принятия решений²⁶⁵. Следствием становится «укорочение» горизонта политической ответственности и девальвация будущего как категории коллективного проектирования. Данная особенность напрямую коррелирует с доминированием ситуативного избегания и цифрового неучастия в поведенческом репертуаре молодежи.

В этом контексте особую актуальность приобретает разработка «карт политической социализации», на основе ценностных ориентиров студенческой молодежи вузов, отслеживающих траектории вовлеченности студентов на протяжении всего обучения и выявляющих точки перехода между различными формами неучастия и участия. Подобный мониторинг позволит не только диагностировать проблемы, но и проектировать точечные педагогические интервенции, адекватные конкретному контексту и типу неучастия²⁶⁶. Речь идет о переходе от универсальных программ «патриотического воспитания» к

²⁶⁵ Игнатова Т. В. Цифровое политическое участие как форма политической активности молодёжи // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 96-115. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-4-96-115.

²⁶⁶ Соколов А. В., Васильева Д. А. Восприятие студенчеством контента политических субъектов в социальной сети «ВКонтакте»: ведущие стимулы и их интерпретация // PolitBook. – 2023. – № 3. – С. 6-24.

персонализированным траекториям гражданского взросления. Заключительные положения подчеркивают, что феномен политического неучастия студенческой молодежи не является уникально российским, но имеет специфические черты, обусловленные особенностями постсоветского транзита, характером модернизации высшей школы и кризисом публичной сферы. Его последствия носят системный и долговременный характер, затрагивая все уровни социальной организации.

Преодоление негативных последствий требует не изолированных мер, а комплексной трансформации философии взаимодействия между государством, образованием и новым поколением – перехода от логики контроля и мобилизации к логике сотворчества и взаимного обучения. Ключевым условием является признание агентности молодежи и готовность институтов к диалогу на равных. Без этого даже самые совершенные методики вовлечения останутся инструментами символического включения, не меняющими сути отчуждения. Будущее политической культуры России во многом зависит от способности общества предложить студенчеству не готовые схемы участия, а смыслы и инструменты для самостоятельного конструирования гражданской реальности, адекватной вызовам XXI века.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование анализирует одно из наиболее релевантных, но при этом концептуально и эмпирически недостаточно исследованных феноменов современной российской политической действительности – стратегическому неучастию студенческой молодежи в сфере политической коммуникации. Актуальность избранной темы обусловлена не только ее очевидной социально-политической значимостью, связанной с миссией молодежи в будущем страны, но и фундаментальными трансформациями самой природы политического взаимодействия в условиях цифровой эпохи, информационной перегрузки и кризиса традиционных институтов репрезентации. Цель работы - выявление характеристик неучастия как рациональной стратегии политической коммуникации, применяемой студентами высших учебных заведений Российской Федерации в их взаимодействии с политическим сектором. Настоящее исследование, опираясь на синтез современных теоретических подходов и обширный эмпирический материал, последовательно доказывает, что в реалиях XXI века неучастие эволюционировало в сложный, многокомпонентный и зачастую глубоко рациональный коммуникативный акт, выполняющий ряд важных функций и несущий в себе значимые сигналы для политической системы и общества в целом, требующие адекватной дешифровки и ответа. Логическая архитектура диссертации была подчинена последовательной реализации комплекса взаимосвязанных исследовательских задач, каждая из которых формировала необходимый этап на пути к достижению цели и способствовала накоплению доказательной базы для подтверждения гипотезы.

Решение первой задачи, направленной на обобщение подходов к пониманию сущности политической коммуникации в современных условиях, позволило выявить принципиальную трансформацию самой парадигмы политико-коммуникативного взаимодействия. Тщательный теоретический анализ продемонстрировал исчерпанность объяснительного потенциала классических линейных моделей коммуникации, базировавшихся на представлении об одностороннем потоке информации от политических элит к относительно

пассивной массе. Цифровая революция, сопровождающаяся фрагментацией публичной сферы, взрывным ростом объема информации, снижением доверия к традиционным медиа- и политическим институтам, породила качественно новую коммуникативную среду. В этой среде возрастает роль сетевых, горизонтальных, зачастую анонимных взаимодействий, агенты же обретают беспрецедентные возможности не только для активного включения в дискурс, но и для сознательного, мотивированного отказа от участия в определенных его сегментах или формах. Исследование обосновало тезис о том, что современная политическая коммуникация конституируется не только обменом информацией, но и значимыми актами умолчания, игнорирования, сознательного отстранения – то есть тем, что не сообщается и не воспринимается в явном виде. Таким образом, был заложен прочный теоретический фундамент для рассмотрения неучастия не как патологии или сбоя в системе коммуникации, а как ее имманентного, функционально нагруженного элемента, обладающего собственной семантикой и прагматикой.

Вторая задача, заключавшаяся в выявлении особенностей феномена политического неучастия как специфической стратегии политической коммуникации, позволила осуществить ключевой концептуальный прорыв в понимании изучаемого явления. Интегративный анализ теорий рационального выбора, концепций социального капитала (П. Бурдьё, Р. Патнэм), политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба) и современных подходов к изучению протестных практик убедительно показал, что неучастие может и должно интерпретироваться не как пассивное состояние, а как активная поведенческая стратегия. Оно предстает инструментом, сознательно используемым индивидом (в данном случае студентом) для решения конкретных задач в контексте ограниченных ресурсов и неопределенной среды: минимизации затрат дефицитных ресурсов (прежде всего времени и когнитивной энергии), избегания ситуаций, вызывающих психологический дискомфорт или несущих потенциальные риски (социальные, репутационные, в отдельных случаях – физические), и, что крайне важно, целенаправленной передачи политической системе сигналов о недоверии, несогласии, скепсисе или избирательности интереса. Была концептуализирована

идея о спектральном характере коммуникативной функции неучастия, простирающейся от минимального пассивного дистанцирования («мне неинтересно/недоступно») до максимально активного, почти протестного молчания («я сознательно отказываюсь участвовать в этом, и это мой протест»). Этот вывод позволил преодолеть дихотомию «участие/апатия» и перейти к гораздо более тонкому пониманию коммуникативных стратегий современной молодежи, учитывающему контекстуальность и мотивационную сложность их выбора.

Третья задача, сфокусированная на определении основных стратегий политической коммуникации, характерных для современной российской студенческой молодежи, получила свое решение на основе комплексного эмпирического исследования. Сочетание количественных (массовый опрос 709 студентов из более чем 15 вузов России из всех федеральных округов, репрезентирующий основные профили обучения) и качественных методов (8 фокус-групп, стратифицированных по возрасту и направленностям; 22 глубинных экспертных интервью с лидерами студенческого самоуправления, молодежных организаций, политологами и др.; контент-анализ 54 эссе студентов на тему их отношения к политике) предоставило убедительные доказательства доминирования стратегий неучастия в коммуникативном репертуаре исследуемой группы над стратегиями активного вовлечения в формальные, институционализированные политические процессы. В результате анализа данных были выделены и концептуально описаны ключевые стратегии, образующие континуум от максимальной вовлеченности до полного отчуждения: активное участие (целенаправленное, систематическое включение в политическую деятельность); адаптивное (ситуативное) участие (эпизодическое, контекстно-обусловленное включение, часто под внешним влиянием); и, собственно, триада стратегий неучастия – пассивное, ситуативное и активное. Эмпирические данные однозначно свидетельствуют о том, что значительная, а по многим формальным индикаторам преобладающая часть студенческого контингента сознательно позиционирует себя в поле именно этих трех последних стратегий, что является

ярким показателем глубины разрыва между поколением студентов и существующими формальными политическими институтами и практиками.

Четвертая задача, занимающая центральное место в исследовательской конструкции, была направлена на выявление глубинных факторов и мотивов, детерминирующих выбор студенческой молодежью стратегий неучастия в политической коммуникации. Именно в процессе решения этой задачи нашло свое полное и всестороннее подтверждение выдвинутое в диссертации ключевое теоретическое предположение. Гипотеза заключалась в том, что студенческая молодежь, хотя и действует в рамках логики рационального выбора, принимает решения об участии/неучастии преимущественно под влиянием феномена ограниченной рациональности. Это означает, что их выбор фокусируется на оценке непосредственных, легко верифицируемых и субъективно значимых издержек потенциального участия, в то время как его потенциальные выгоды воспринимаются как неочевидные, отложенные во времени, трудноизмеримые или вовсе сомнительные. Исследование предоставило исчерпывающие доказательства того, что выбор в пользу неучастия – это рациональный выбор в подавляющем большинстве случаев, однако сама эта рациональность имеет специфически ограниченный характер, обусловленный когнитивными барьерами, дефицитом информации и давлением текущих обстоятельств.

Эмпирические данные, полученные посредством глубинных интервью и фокус-групп, а также подтвержденные результатами опроса, детально зафиксировали структуру высоких краткосрочных издержек участия, которые студенты воспринимают как непосредственную и ощутимую угрозу своему благополучию и успешности. На первом месте стоит острый дефицит временного ресурса. Интенсивная учебная нагрузка, необходимость совмещать учебу с подработкой для значительной части студентов (особенно из семей со средним и низким доходом), потребность в отдыхе и поддержании социальных связей формируют жесткие ограничения. Участие в политических дискуссиях, мероприятиях, тем более в организованных акциях требует времени, которое студенты вынуждены изымать из других, субъективно более важных сфер

(подготовка к экзаменам, работа, личная жизнь, сон). Помимо временных затрат, к издержкам относятся значительные психологические факторы. Сложность и противоречивость современной политической повестки требуют существенных когнитивных усилий для ее осмысления, что само по себе является нагрузкой. Участие в публичных дискуссиях несет риск психологического дискомфорта из-за возможной конфронтации, непонимания или осуждения со стороны сверстников, преподавателей или даже незнакомых людей в сети. Существует и вполне рациональный страх перед потенциальными негативными последствиями за открытое выражение своей позиции, особенно если она расходится с доминирующим дискурсом или воспринимается как оппозиционная. Риск конфликтов в ближнем социальном окружении (семья, друзья, учебная группа) также является значимым сдерживающим фактором.

Параллельно исследование выявило проблему неочевидности и отложенности выгод от политического участия. Результаты экспертных интервью и фокус-группы позволили вывить недоверие студентов к эффективности формальных политических институтов и процедур. Студенты не видят прямой и понятной связи между такими актами формального участия, как голосование на выборах различного уровня, участие в молодежных парламентах, общественных слушаниях или даже онлайн-обсуждениях на государственных платформах, и реальными, ощутимыми изменениями в их повседневной жизни, качестве образования, карьерных перспективах или состоянии окружающей среды. Этот разрыв между затраченными усилиями (издержками) и видимым, измеримым результатом (выгодой) формирует устойчивое, рационально обоснованное убеждение в бесполезности или крайне низкой эффективности подобного участия. В условиях ограниченной рациональности, когда горизонт планирования сужен до решения актуальных жизненных задач (учеба, работа, быт), неучастие закономерно воспринимается как оптимальная, прагматичная краткосрочная стратегия, позволяющая сохранить ресурсы для приоритетных сфер.

Пятая задача исследования была сфокусирована на выявлении, концептуализации и эмпирической верификации конкретных форм проявления неучастия в среде студенческой молодежи. На основе скрупулезного анализа собранных эмпирических данных была разработана, операционализирована и успешно апробирована авторская типология форм политического неучастия, отражающая внутреннее разнообразие этого феномена:

- пассивное неучастие (уклонение). Данная форма представляет собой наиболее пассивный полюс спектра неучастия. Она характеризуется фундаментальным отсутствием интереса к политической сфере как таковой и последовательным игнорированием любых политических событий, дискуссий, процедур и институтов. Практика уклонения коренится не в осознанном протесте, а в глубоком ощущении полной оторванности политики от повседневных жизненных забот студента, восприятии ее как чего-то далекого, нерелевантного, скучного или излишне сложного. Часто этому сопутствует низкий уровень базовой политической грамотности и отсутствие навыков критического анализа политической информации, что делает саму сферу непонятной и потому непривлекательной. Уклонение – это форма тотального исключения политики из жизненного мира индивида;

- ситуативное неучастие (избегание). Данная форма была идентифицирована как наиболее распространенная, сложная и репрезентативная для современного студенчества. Она представляет собой избирательное, контекстуально обусловленное, ситуативное неучастие. Студенты, практикующие избегание, как правило, в той или иной степени осведомлены о ключевых политических событиях и процессах, однако сознательно и целенаправленно выбирают, в каких конкретных активностях, на каких площадках, по каким темам и с какими акторами они готовы взаимодействовать, а в каких – нет. Критериями выбора выступают субъективная оценка эффективности и результативности действия, его релевантности личным интересам и ценностям, уровень требуемых затрат (времени, усилий) и, что немаловажно, оценка потенциальных рисков и безопасности. Эта форма является прямым и наиболее ярким эмпирическим

проявлением феномена ограниченной рациональности, выявленного в исследовании. Избегание – это форма рациональной селекции и минимизации издержек в рамках политического поля;

- активное неучастие (абсентеизм). Данная форма занимает наиболее активный полюс неучастия. Она проявляется как сознательный, демонстративный отказ от участия в ключевых формальных политических процедурах, прежде всего, в выборах различного уровня. В отличие от уклонения, абсентеизм – это не отсутствие интереса, а осознанный жест, коммуникативный акт протеста или выражения позиции. Отказ от голосования используется студентами для сигнализации о своем несогласии с политической системой в целом, недоверии к конкретным институтам или кандидатам, протесте против отсутствия реального выбора или убежденности в предопределенности результата.

Разработанная типология форм, прошедшая успешную верификацию на данных массового опроса, где были выявлены четкие кластеры респондентов по этим формам, и подтвержденная нарративами фокус-групп и интервью, позволила не только систематизировать проявления неучастия, но и глубже проникнуть в его внутреннюю логику, определив мотивы и факторы использования стратегии неучастия в политической коммуникации.

Шестая задача исследования заключалась в выявлении и комплексном анализе последствий широкого распространения стратегий неучастия, особенно избегания, в политической коммуникации студенческой молодежи. Проведенный анализ убедительно показал, что эти последствия носят глубоко системный, многоплановый и преимущественно негативный характер, затрагивая все уровни политической и социальной организации – от макроуровня политической системы до микроуровня индивидуального развития.

Гипотеза диссертационного исследования получила всестороннее и убедительное подтверждение. Было доказано, что доминирующим мотивом выбора стратегии неучастия является не иррациональная апатия или недостаток гражданственности, а прагматичный, хотя и когнитивно ограниченный, расчет,

основанный на трезвом анализе баланса немедленных затрат и гипотетических, отдаленных выгод в конкретных жизненных обстоятельствах студента.

На уровне политической системы в долгосрочной перспективе происходит устойчивая эрозия легитимности ключевых институтов власти и представительной демократии. Институты, не получающие поддержки и доверия со стороны наиболее образованной, и социально перспективной части общества – студенчества, – теряют ресурс устойчивости. Система лишается важных сигналов о реальных проблемах, запросах, недовольствах и ожиданиях молодежи, что резко снижает ее адаптационные способности, чувствительность к изменениям и, в конечном счете, эффективность управления. В итоге это приводит к тому, что политические акторы и институты, не видя активного включения молодежи, интерпретируют это как согласие или безразличие и поэтому еще меньше учитывают ее интересы при принятии решений, что, в свою очередь, лишь усиливает мотивацию студентов к неучастию как единственно рациональной стратегии в данной системе координат.

На уровне общества в целом массовое распространение стратегии неучастия, особенно ситуативной формы, ведет к прогрессирующему сужению пространства публичной сферы, где мог бы вестись открытый, рациональный диалог по ключевым вопросам общественного развития. Это пространство замещается

фрагментированными, зачастую поляризованными «информационными пузырями» и эхо-камерами, где преобладают эмоции и упрощенные нарративы. Происходит постепенная деградация общей политической культуры, снижается уровень политической компетентности и критического мышления у новых поколений граждан. Долгосрочным и наиболее тревожным последствием является риск формирования эффекта «кумулятивного отчуждения». Поколение, сформировавшееся в юности на практике неучастия и усвоившее его как нормальную стратегию взаимодействия с политикой, с высокой вероятностью перенесет эту стратегию во взрослую, социально и профессионально активную жизнь. Это снижает инновационный потенциал общества и его способность к мирной трансформации в ответ на вызовы времени.

На уровне индивида (студента) устойчивая практика неучастия, особенно избегания сложных или конфликтных тем, имеет негативные последствия для личностного развития. Наблюдается снижение способности к критическому осмыслению сложных общественно-политических процессов, формированию аргументированной позиции, ведению конструктивного диалога с оппонентами. Воспроизводятся и закрепляются модели прагматичного дистанцирования от решения коллективных проблем, гипертрофированный индивидуализм. В результате это может привести к феномену гражданской десубъективации – состоянию, когда индивид перестает воспринимать себя в качестве активного, ответственного субъекта политической жизни, способного влиять на свою судьбу и судьбу сообщества, делегируя эту функцию другим или просто игнорируя ее.

Вместе с тем исследование не отрицает возможности определенных латентных позитивных аспектов или функций стратегического неучастия, особенно избегания, в отдельных контекстах. В условиях информационных войн, агрессивной пропаганды или манипулятивных технологий сознательное неучастие в определенных дискурсах или на определенных платформах может выступать формой защиты личной автономии, сохранения когнитивных ресурсов, уклонения от манипулятивного воздействия. В некоторых случаях оно может свидетельствовать о формировании зрелого критического сознания, которое отвергает навязанные, ритуализированные формы участия и ищет альтернативные, более аутентичные и осмысленные способы гражданской самореализации. Однако диссертационное исследование подчеркивает, что эти потенциально позитивные моменты носят вторичный, ситуативный характер на общем фоне и не отменяют доминирующих деструктивных тенденций и системных рисков, порождаемых массовым распространением стратегий неучастия как основной модели политической коммуникации молодежи.

На основе исследования, посвященного анализу стратегии студентов российских вузов в политической коммуникации, разработаны рекомендации для органов власти, общественных организаций и университетов. Исследование выявило, что пассивность воспринимается как норма, обусловленная

рациональным выбором экономии времени и личного пространства, отсутствием интереса, нейтральным эмоциональным отношением и индивидуалистическим подходом к принятию решений. Также выделены две группы студентов: те, кто сознательно отказывается от участия, и те, чья пассивность зависит от внешних обстоятельств. Рекомендации учитывают эти особенности, предлагая адаптированные подходы для устранения барьеров и повышения мотивации.

Для органов власти

Исследование показало, что студенты редко связывают неучастие с недоверием к институтам, а их пассивность проистекает из прагматичных приоритетов и равнодушия к общественным инициативам. Для изменения этой тенденции органы власти могут предпринимать следующие шаги.

- Создавать программы поощрения: внедрить инициативы, где участие в общественных проектах приносит ощутимые выгоды, такие как сертификаты для карьерного роста или льготы при трудоустройстве. Это отвечает стремлению студентов сосредотачиваться на приоритетных задачах и может привлечь тех, чья пассивность обусловлена обстоятельствами, а не твердой позицией.
- Интегрировать гражданскую активность в образование: включить элементы общественной деятельности в учебные программы через короткие, необременительные форматы, такие как онлайн-курсы. Это важно для тех, кто избегает участия из-за нехватки времени, а также для тех, кто не видит в активности ценности, подчеркивая ее связь с профессиональным развитием.
- Проводить информационные кампании: использовать медиа и социальные сети для продвижения историй успеха молодых активистов, чтобы преодолеть равнодушие и скептическое отношение к мероприятиям. Кампании должны уважать автономность студентов, избегая давления и фокусируясь на личной пользе.
- Развивать цифровые платформы: поддерживать создание онлайн-инструментов для участия в общественных инициативах, что позволит снизить временные затраты и привлечь тех, кто склонен к долгосрочной пассивности,

предотвращая отстранение молодежи от гражданской жизни. При этом данные платформы должны быть простыми в использовании и безопасными.

Для общественных организаций

Исследование подчеркнуло значимость неформального окружения (однокурсников и преподавателей) и слабое влияние официальных структур, а также общую тенденцию избегать любых мероприятий из-за их восприятия как неинтересных или бесполезных. Рекомендации могут быть следующие.

- Создавать привлекательные форматы: организовывать мероприятия, сочетающие практическую пользу (например, развитие навыков) с неформальной атмосферой, чтобы преодолеть отсутствие интереса. Для тех, кто не участвует из-за обстоятельств, предлагать гибкие варианты, включая онлайн- участие; для сознательно пассивных — краткосрочные акции с минимальными обязательствами.
- Использовать влияние сверстников: вовлекать друзей и однокурсников как популяризаторов активности через неформальные программы, где студенты делятся опытом. Это поможет снизить социальную тревожность и побудить к участию тех, кто чувствителен к мнению окружения.
- Преодолевать равнодушие: проводить опросы для выяснения предпочтений студентов и адаптации программ, избегая навязчивости, которая отталкивает из-за восприятия давления. Продвигать позитивный образ активности через соцсети, чтобы изменить представление о ее бесполезности.
- Изучать обратную связь: регулярно анализировать причины отказов от участия, чтобы корректировать подходы, особенно в регионах с низкой активностью, делая мероприятия более релевантными.

Для университетов

Университетская среда играет ключевую роль в формировании отношения студентов к активности, но давление администрации воспринимается как незначительное. Пассивность часто связана с приоритетностью учебы и избеганием любых дополнительных нагрузок. Рекомендации следующие.

- Включить активность в учебный процесс: интегрировать участие в мероприятия как часть учебной программы, предлагая зачеты за минимальные усилия, чтобы учесть занятость студентов. Для тех, кто открыт к участию, но ограничен обстоятельствами, подойдут гибкие форматы; для сознательно пассивных — ненавязчивые опции, чтобы постепенно менять их позицию.
- Усилить роль наставников: подготовить преподавателей и кураторов к мотивированию студентов через личное общение и примеры, а также создать студенческие клубы, где однокурсники вдохновляют друг друга. Это особенно эффективно для тех, кто зависит от поддержки окружения.
- Создать комфортную атмосферу: организовать неформальные пространства для мероприятий, чтобы снизить страх осуждения, выявленный как фактор неучастия. Проводить внутренние опросы для выявления барьеров и адаптации форматов под интересы студентов.
- Сотрудничать с внешними партнерами: работать с общественными организациями, предоставляя ресурсы для студенческих инициатив, и отслеживать уровень вовлеченности, чтобы предотвратить закрепление пассивности как долгосрочной стратегии.

Эти рекомендации опираются на выводы исследования, учитывая прагматические и апатичные мотивы студентов, их автономность, влияние окружения и различия между сознательно пассивными и ситуативно не участвующими. Они направлены на создание условий, где участие станет привлекательным, доступным и соответствующим интересам молодежи, чтобы укрепить гражданскую активность и предотвратить отстранение от общественной жизни.

Таким образом, преодоление негативных эффектов этого феномена и трансформация неучастия из стратегии отчуждения в потенциал осознанного включения требует не отдельных, точечных мер, а комплексной перестройки самой философии взаимодействия между государством, системой образования и новым поколением. Необходим переход от логики административного контроля, формальной мобилизации и монологического воспитания к принципиально иной

логике – логике сотворчества, подлинного диалога на равных, взаимного обучения и кооперации в решении общих задач. Будущее политической коммуникации России, ее способность к обновлению и адаптации в стремительно меняющемся мире во многом зависит от способности общества и его институтов предложить студенчеству не готовые, навязанные схемы и ритуалы, а реальные смыслы, эффективные инструменты и доверительное пространство для самостоятельного конструирования своей гражданской идентичности и практик участия, адекватных вызовам и возможностям XXI века. Настоящая диссертация, раскрывая глубинные механизмы, мотивацию и последствия стратегического неучастия, вносит свой вклад в научное осмысление и обеспечение этого сложного, но абсолютно необходимого процесса трансформации.

Список источников и литературы

Литература на русском языке

Нормативно-правовые акты:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: ТК: текст с изменениями и дополнениями на 5 февраля 2018 года: [принят Государственной думой 21 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. – URL: www.garant.ru (дата обращения: 30.06.2025).
2. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — Доступ из информационно-правового обеспечения «Гарант».
3. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 20.08.2025)

Книги и монографии

4. Бандура А. Теория социального научения. — СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
5. Баунман З. Текущая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
6. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: SocioLogos, 1993. – 336 с.
7. Дефлер М. Теории массовой коммуникации / М. Дефлер. — Нью-Йорк: б. и., 1966. – 672 с.
8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи: учебное пособие. — М.: МИИТ, 2009. – С. 322; Шашкова Я. Ю., Асеева Т. А. Установки молодёжи регионов Российской Федерации на реализацию своих политических прав и свобод

// Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 59–74. – DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-6-59-74.

9. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения на немецком и русском языках. — М.: 1994. — С. 95.

10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ГУ ВШЭ, 2000.

11. Костылева Н. В., Котляревская И. В., Мальцева Ю. А. Управление коммуникациями в менеджменте: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки 38.03.02, 38.04.02 «Менеджмент». // Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. – 128 с.

12. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995.

13. Локк Дж. Два трактата о правлении: сочинения в 3 т. — М.: 1988. — 312 с.

14. Меньшикова Г. А., Пруель Н. А. Основы государственного и муниципального управления (Public Administration). - Москва: Юрайт, - 2023. – 340 с.

15. Молодежная политика в современной России: вопросы теории и практики / Под общ. ред. С.Ю. Поповой. — М.: Аквилон, 2021. — 318 с.

16. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. — 352 с.

17. Пинчук И. В. Теория и методология в современной коммуникативистике: учеб.-метод. пособие / И. В. Пинчук [и др.] ; под ред. И. В. Пинчука. – Минск: БГУ, 2022. – 271 с.

18. Сидоров В. В. Коалиционная политика политических партий в парламентских системах. — Казань: Казан. ун-т, 2016. – 149 с.

19. Соловьев А. И. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. — М.: Аспект Пресс, 2004 — 332 с.

20. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во «КСП+», 1998.
21. Тощенко Ж. Т. Гражданское общество: учебник для вузов. - 6-е изд. изд. - М.: Издательство Юрайт, - 2025. – 360 с
22. Тургаев А. С. Политология: учебное пособие: в 2 т. / А. С. Тургаев [и др.]; под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 298 с.
23. Уханова Ю. В., Косыгина К. Е., Смолева Е. О. и др. Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития. — Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. – 237 с.
24. Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. Пер. с англ. / Перевод А. Калинин, Ю. Подорога (гл. 4). Посл. Б. Кагарлицкий — М.: «Логос», 2002. — 224 с.
25. Хубецова З. Ф. (науч. ред. С. Г. Корконосенко). Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос. в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации. — М.: ООО «Смелый дизайн»; СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. школа журн. и мас. коммуникаций», 2017. – 142 с. с.
26. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. – Ч.1. – М, 1993. С. 174.

Диссертации

27. Анисимова О. В. Социально-психологические факторы предрасположенности личности к отказу от политического выбора: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Саратов, 2010. – 24 с.

Публикации в научных периодических изданиях

28. Абрамов А. В., Рыбина М. В., Давыдова Н. П. Абсентеисты как политическая страта современного российского общества // Известия МГТУ «МАМИ». М., - 2013. - Т. 6, № 1 (15). - С. 31–36.

29. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 149–165. – DOI 10.15838/esc.2023.2.86.8.

30. Авакян Р. А. Студенческая молодежь и современные проблемы её социализации в условиях информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2024. – № 2(339). – С. 41–54. – DOI 10.53598/2410-3691-2024-2-339-41-54.

31. Авцинова Г. И., Бурда М. А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 4(44). – С. 649–655.

32. Агафонова Д. Ю. Актуализация проблемы социального капитала общественного участия: систематический обзор российских научных публикаций // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Т. 11, № 2(42). – С. 68–92. – DOI 10.21684/2411-7897/2025.11.2.68-92.

33. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Лукушин В. А. Совершенствование системы управления цифровой инфраструктурой университета: практика сетевого анализа // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 2. – С. 61–79. – DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-2-61-79.

34. Алиев Д. Ф., Саркисов В. Э. Субъектная матрица вертикальной политической коммуникации. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. - №13. – С. 62-69.

35. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2010. – № 2(57). – С. 122-144.

36. Антипина Н. Л., Кретьова А. Ю. Социальное самочувствие студенческой молодежи в контексте трансформаций общества // Вестник Сургутского

государственного педагогического университета. – 2019. – № 5(62). – С. 89-95. – DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.009.

37. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Гурарий А. Д. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 243–257. – DOI 10.15838/esc.2022.1.79.13.

38. Анциферова Т. Н. Цифровизация как фактор трансформации современного общества // Цифровая наука. - 2020. - №5. - С. 160-165.

39. Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Активность молодежных политических организаций как фактор регионального политического процесса (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 87–93. – DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-1-87-93.

40. Балашов А. Н., Бочанов М. А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // PolitBook. - 2017. -№ 2. - С. 22-34.

41. Балык А. С., Булах К. В., Цыбуленко О. П. Формирование личностной зрелости студентов в период обучения в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 10(78). – С. 70-75. – DOI 10.24158/spp.2020.10.12.

42. Баранчиков О., Городнина О. С. Абсентеизм как предмет научно-теоретического анализа (Часть 1) // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2017. – № 2(2). – С. 151–161.

43. Басимов М. М. Психологические причины неучастия молодежи в политической жизни // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7, № 4(29). – С. 9. – DOI 10.26795/2307-1281-2019-7-4-9.

44. Белогорская Л. В. К вопросу о факторах политической социализации // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 11. – С. 97–101. – DOI 10.17513/snt.39402.

45. Беляева О.В. Абсентеизм в России и способы его преодоления / О. В. Беляева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2020. – № 3(84). – С.

46. Берш Т. А., Якимова Е. М. Право на неучастие в выборах (абсентеизм) через призму свободного формирования политического поведения гражданина // Избирательное право. – 2020. – № 1(41). – С. 22–26.

47. Бикбулатова И. Р. Влияние культурных факторов на формирование нарциссических и перфекционистских черт личности // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 12(81). – С. 1449–1460; Водяха С. А. Внутренняя мотивация как предиктор психологического благополучия современных подростков // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 4. – С. 114–119.

48. Блинова О. А., Горбунова Ю. А. Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. – 2021. – № 3(70). – С. 20-34. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.

49. Богдан С. В. Аспектация социокультурного капитала личности в рамках социально-культурной деятельности // Культура и образование. – 2020. – № 1(36). – С. 91–100. – DOI 10.24411/2310-1679-2020-10111.

50. Болотнов А. В. Особенности медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена и его использование в образовательной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3(227). – С. 86-94. – DOI 10.23951/1609-624X-2023-3-86-94.

51. Большаков С. Н., Большакова Ю. М. Утрата обаяния свободы или о дефиците демократических процедур / С. Н. Большаков, Ю. М. Большакова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2023. – № 1(96). – С. 74–86.

52. Братцева О. А., Пырьева Е. В. Мотивационные барьеры студентов: понятие, причины, способы преодоления // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 5(96). – С. 50–53. – DOI 10.24412/1991-5497-2022-596-50-53.

53. Брейкина А. И. Проблемы социализации личности студента в современном российском // Бизнес и дизайн ревю. – 2021. – № 3(23) - С. 13.

54. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В. и др. Молодёжь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-

поведения // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 37–58. – DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-1-37-58.

55. Бродовская Е. В., Лукушин В. А., Давыдова М. А. Векторы развития электоральных установок российской молодежи: результаты когнитивной инструментальной диагностики // Власть. – 2022. – Т. 30, № 3. – С. 80–84. – DOI 10.31171/vlast.v30i3.9049.

56. Бурдейный В. В. Интернет как средство политической коммуникации // Социально-политические науки. - 2022. - №1. - С. 71-78.

57. Бурко В. А. Личностный социально-психологический капитал как основа формирования социального капитала социума (опыт операционализации показателя // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2023. – № 2. – С. 78-91. – DOI 10.15593/2224-9354/2023.2.6.

58. Васильев М. С., Игнатовский Я. Р. Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 15–26. – DOI 10.24412/2071-6141-2021-1-15-26.

59. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. – 2021. – № 6(73). – С. 67–80. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-6-67-80.

60. Васильева М. Р., Бельская Ю. В. Современные институциональные практики в сфере высшего образования в условиях его трансформации: социологический подход // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 1(73). – С. 26–50. – DOI 10.32744/pse.2025.1.2.

61. Васюра В. В. Основные виды политического участия и причины абсентеизма // Альманах мировой науки. – 2016. – № 5–3 (8). – С. 46–48.

62. Виноградов М. Ю., Сулова А. А. Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2022. – № 4(107). – С. 123–145. – DOI 10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145.

63. Водяха С. А. Внутренняя мотивация как предиктор психологического благополучия современных подростков // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 4. – С. 114-119
64. Володенков С. В. Политическая коммуникация и современное политическое управление // Вестник Московского университета. - 2011. - №6. - С. 22-31.
65. Володенков С. В. Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений "государство-общество" // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 62. – С. 104-118.
66. Володенков С. В., Белоконев С. Ю., Суслова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: материалы исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – № 23(1). – С. 31–46. – DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46.
67. Воронин В. Н., Ионцева М. В. Социальные сети как инструмент реализации социально-психологических механизмов организационной культуры // Вестник университета. - 2019. - №6. - С. 141-146.
68. Вострокнутова, Т. Ф. Исследование мотивационной структуры личности студентов вуза // Гуманизация образования. – 2010. – № 6. – С. 25-29.
69. Вшивцева Л. Н. Укрепление российской идентичности студенческой молодежи в процессе реализации дисциплины «Основы российской государственности» // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 9, № 9. – С. 903-910. – DOI 10.30853/ped20240114
70. Гаврилова Э. Д. Место традиционных российских духовно-нравственных ценностей в социализации современной молодежи и противодействии негативным девиациям / Э. Д. Гаврилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 12-3(87). – С. 106-108. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-12-3-106-108
71. Галас М. Л. Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка // Гуманитарные

науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 111-121. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-1-111-121.

72. Галас М. Л., Брушкова Л. А. Политическая активность и риски протестных настроений российской молодежи в условиях социально-политической турбулентности 2017–2022 гг. // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12, № 2(39). – С. 12–12. – DOI 10.24412/2311-1763-2024-2-12-12.

73. Гаспарян Л. С., Данченко Н. Ю., Обшарская А. В., Туснетова А. И. Информационное воздействие на общественное мнение: эффект «спирали молчания» в региональном измерении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1(67), № 4. – С. 58–71.

74. Голдобина В. В., Иванова Е. А., Стеценко Т. И. Информационно-коммуникативное обеспечение молодежной политики (на примере Молодежного парламента Пермского края) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2019. – № 1(3). – С. 264-273.

75. Голодова А. Д. Явление конформизма в социальных экспериментах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 3-4(90). – С. 69-71. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-3-4-69-71

76. Голубинская А. В. К вопросу о поколенной модели Хоува–Штрауса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1–2. – С. 98–101.

77. Гончаров М.Ю. Риторика политической коммуникации // Массовая коммуникация в современном мире. - М., 1991. - С. 55.

78. Гордиенко М. Г. Взрослые студенты в европейском пространстве высшего образования // Образование и наука. – 2013. – № 4(103). – С. 133–143.

79. Грачев М. Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX - начало XXI вв.) // Российская школа связей с общественностью. - 2018. - №1. - С. 25-39.

80. Гремилова Е. А. Проявления феномена «цифровой детокс» как последствия «цифровой усталости» // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.6(28). – С. 83–86.
81. Гречихин В.А. Современная молодежная политика в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 18–22. - DOI 10.23672/ g2393-1834-5732-w.
82. Гришаева С. А., Шамаев П. А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 25-35. – DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-25-35.
83. Гришанина Т. А. Развитие теории коммуникации и концепций формирования общественного мнения // Архонт. - 2021. - №2. - С. 82-93.
84. Гуркин И. И., Зуева Т. М. Влияние политического поведения на протестное участие // Активная честлюбивая интеллектуальная молодёжь сельскому хозяйству. – 2024. – № 1(16). – С. 115–119.
85. Демидова Е. И., Николаев А. Н. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса // Власть. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 14-20.
86. Денисов, Н. Г. Гражданская и культурная идентичность как стратегический ресурс российской государственности // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 4(42). – С. 39-42.
87. Дергунова Н. В., Завгородняя М. Ю. Теории Пола Лазарсфельда вне «Власти времени» // Власть. – 2014. – № 8. – С. 123–126.
88. Добрынина М. В., Растимешина Т. В. Политическая активность молодёжи: тенденции, проблемы, противоречия // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2023. – № 4.
89. Дорофеева И. В. Модель Шеннона-Уивера и ее значение для развития теории коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Тверь, 05–06 апреля 2013 года / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». – Тверь: Федеральное государственное бюджетное образовательное

учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет», 2013. – С. 49-53.

90. Доценко А. С., Муру Р. Н. Абсентеизм в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы науки и практики. – 2022. – № 1(26). – С. 15–23.

91. Драницына, А. П. Риторика убеждения и невербальные приемы самопрезентации в современных политико-коммуникационных процессах // Гуманитарный акцент. – 2021. – № 2. – С. 63-68.

92. Дружинин А. М., Иноземцева Е. В., Гуров Ф. Н. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3(79). – С. 96–110. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110.

93. Евпак Е. В. Особенности региональной политической коммуникации в соцсетях: сравнительный анализ // СибСкрипт. - 2023. - №4. - С. 556-566.

94. Евстафьев Д. Г. Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 2. – С. 98–110.

95. Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодёжь» // Концепт. – 2014. – № 2. – С. 26–30.

96. Зазаева Н. Б. Политическая коммуникация: лекция // Философия и общество. - 2007. - №4. - С. 1-14.

97. Зимина, Н. А. Взаимосвязь мотивации достижения успеха и избегания неудачи с эмоциональной устойчивостью, экстра\интровертированностью, типами темперамента и акцентуацией характера личности / Н. А. Зимина // Гуманизация образования. – 2023. – № 3. – С. 5-14. – DOI 10.24412/1029-3388-2023-3-5-14

98. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 4–12. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1688.

99. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений.

Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 1(61). – С. 18–30. – DOI 10.21685/2072-3016-2022-1-2.

100. Иванов В. И., Перевозкина Ю. М. Подходы к пониманию фрустрации // СМАЛЬТА. – 2022. – № 4. – С. 32–43. – DOI 10.15293/2312-1580.2204.04.

101. Ивашиненко Н. Н., Теодорович М. Л. Государственно-частное партнерство в системе мер молодежной политики региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3(39). – С. 130–142. – DOI 10.21685/2072-3016-2016-3-13.

102. Игнатова Т. В. Цифровое политическое участие как форма политической активности молодёжи // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 96–115. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-4-96-115.

103. Измайлова М. А., Корнева Е. Ю. Проблемы качества высшего образования и его социальной миссии // Стандарты и качество. – 2022. – № 3. – С. 100–103. – DOI 10.35400/0038-9692-2022-3-240-21.

104. Ильина А. А. «Государство — наука — образование — бизнес»: стратегическое партнерство в целях поддержки человеческого капитала и экономического развития // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 277–295. – DOI 10.17072/2218-9173-2024-2-277-295.

105. Казанцева Д. Б., Климова Е. К., Чернышева Т. Е. К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской идентичности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 174–188. – DOI 10.15507/2078-9823.50.020.202002.174-188.

106. Калинин М. И. Социально-психологические особенности поколения // Scientist (Russia). – 2023. – № 4(26). – С. 174–178.

107. Канзычакова Д. Д. Понятие и сущность PR // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 53–56.

108. Карасик В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 32–49. – DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

109. Качкаева А. Г., Шомова С. А. Понимая медиа. Медиаграмотность и критическая автономия в эпоху "коммуникативного капитализма", "эмпатичных медиа" и "чувствительных данных" // Социодиггер. – 2021. – Т. 2, № 6(11). – С. 4-46.
110. Кветной В. В. Гражданская идентичность и электоральное поведение молодежи: политические процессы и влияние на политическую активность в России // Закон и власть. – 2025. – № 3. – С. 25–35.
111. Ковалев А. А. СМИ и политическая коммуникация: новые возможности и ограничения // Вестник Поволжского института управления. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 69-83. – DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83.
112. Козырева А. А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2019. - №2. - С. 56-59.
113. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 3(31). – С. 125–133. – DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7491.
114. Корецкая М. А. Уклонение от власти как стратегия философской заботы о себе: обоснование и критика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 6А. С. 67-75
115. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 129–143. – DOI 10.19181/vis.2022.13.1.778.
116. Крапивина Л. А. Социальное проектирование школьников и студентов как форма проявления гражданской активности молодежи и средство обучения общественно-государственному // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сочи, 24–28 мая 2019 года / Ответственный редактор А.А. Зайцев. – Сочи: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 142-149.

117. Кришталь М. И., Щекотуров А. В. Мотивы и особенности кроссплатформенной самопрезентации российских студентов // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 24–30.
118. Кропачева Д. С. Социальный капитал современного общества // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2019. – Т. 2, № 8. – С. 282–286
119. Курочкин А. В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 49–57. – DOI 10.21638/spbu23.2023.104.
120. Лаврикова А. А., Шумилова О. Е., Исаева А. Ю. Стратегии поведения в конфликтных ситуациях: особенности отражения в дискурсе российских лидеров общественного мнения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 40–48.
121. Лекторова Ю. Ю. Информационное пространство: на пути к "виртуализации" политической коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. – 2010. – № 3(11). – С. 22–30.
122. Липская Л. А. Молодежь и политика: проблема повышения политической активности // Социум и власть. – 2019. – № 6. – С. 27–32.
123. Литвинова И. В., Фадеева Н. П. Академическая среда, как сдерживающий фактор политической безактивности студенческой молодёжи // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 318–321.
124. Лукьяненко К. Т. Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 147–149. – DOI 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149.
125. Лукьященко И. Е. Стереотипы общественного сознания и понятие конформизма // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 100–105.

126. Любцова А. В. Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения // Российский психологический журнал. – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 65–79. – DOI 10.21702/rpj.2020.4.5
127. Макаров Д. В. Коммуникации в государственном управлении Российской Федерации // Коммуникология: электронный научный журнал. - 2019. - №4. - С. 105-114.
128. Малик Е. Н. Интеграция российской молодежи в политический процесс: поиск условий и факторов эффективности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 5. – С. 100-104. – DOI 10.12737/14301.
129. Матвеева Е. В. Политические ценности как средство формирования гражданской позиции российской молодежи (по материалам региональных исследований) // Азиатские исследования: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 142-153. – DOI 10.24412/2782-6139-2022-1-142-153.
130. Матюхин А. В., Давыдова Ю. А. Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи города Москвы // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 91-105. – DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-91-105.
131. Махмудов А. С. Отношение российской молодежи к выборам - причины политического абсентеизма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2020. – № 4(142). – С. 70-77.
132. Мелихов Г. В. Неучастие как социально-значимое действие // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2017. – № 1(21). – С. 43-53.
133. Мельник С. В. Партнёрский межрелигиозный диалог: основные направления сотрудничества религиозных общин в социальной сфере // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2021. – № 4(40). – С. 38–56. – DOI 10.22405/2304-4772-2021-1-4-38-56.
134. Микляева А. В., Проект Ю. Л., Хороших В. В. Трансформация социокультурных ценностей и традиций в информационную эпоху как

предпосылка изменения гражданской и политической активности российского студенчества // Психология человека в образовании. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 76–90. – DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-76-90.

135. Мирнов Д. В. Влияние информационных технологий на политические процессы: вызовы и возможности // Вестник науки. – 2023. – Т. 1, № 6(63). – С. 684–690

136. Морозова С. С., Будко Д. А., Бабюк И. А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 230–243.

137. Муращенко С. В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. - 2019. - № 4. - С. 35-40.

138. Мюрберг И. И. Конструктивистский подход и актуальные альтернативы ему в современной теории идеологии: проблемы и решения // Философская мысль. – 2021. – № 11. – С. 84-104. – DOI 10.25136/2409-8728.2021.11.36968.

139. Нарбут Н. П., Алешковский И. А., Гаспаршвили А. Т. и др. Вовлеченность студентов в научную работу в период обучения в вузе: социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 256–271. – DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-2-256-271.

140. Нефедова А. И. О концептах «академический капитализм» и «предпринимательский университет» // Высшее образование в России. – 2015. – № 6. – С. 75–81.

141. Нигметов А. С. Интернет как средство политической коммуникации // Коммуникология: электронный научный журнал. - 2021. - №4. - С. 41-52.

142. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 6. - С. 43-60.

143. Окатов А. В. Теории коллективного поведения Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современного гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – Т. 2, № 2(6). – С. 5–11.
144. Опанасенко, Н. В. Сетевой подход в исследованиях политических коммуникаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 4. – С. 128-136.
145. Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–14.
146. Пикула Н. Н. Интерактивные коммуникации и политическое сознание // *Studia Humanitatis*. – 2015. – № 2. – С. 7.
147. Пименов Н. П. Сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к изучению современных политических коммуникаций // Известия Алтайского государственного университета. - 2014. - №1. - С. 295-300.
148. Политова Е. Д. Наблюдение как вмешательство в ход событий в контексте теории Т. Юнга // Социология. – 2022. – № 5. – С. 179-185.
149. Попова О. В. Политическое поведение российской молодежи: репертуар тактик и реальные // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 15-27.
150. Попова О. В., Гришин Н. В. Развитие идей государственной политики идентичности в отечественной политологии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 389–407. – DOI 10.21638/spbu23.2024.302
151. Попова О. В., Гришин Н. В. Развитие идей государственной политики идентичности в отечественной политологии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 389–407. – DOI 10.21638/spbu23.2024.302.
152. Прозументик К. В. *Siate Inoperosi*: поэтика бездействия Джорджо Агамбена // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2018. – № 4. – С. 7–19. – DOI 10.15593/perm.kipf/2018.4.01.

153. Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 4(40). – С. 63–69. – DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69.
154. Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 11. – С. 48–53.
155. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Классический рационализм: генезис и эволюция // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2(77). – С. 129-131.
156. Редичева А. А. Особенности политического абсентеизма на современном этапе развития. Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 1-1. – С. 238–241. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.1-pp.238.
157. Ровнова С. А. К вопросу о формах проявления принципа детерминизма в социологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология. - 2009. - № 2. - С. 9–13.
158. Романова Н. Р. Гражданское выгорание как фактор абсентеизма и аполитичности студенческой молодежи // Психолог. – 2017. – № 3. – С. 35-50.
159. Романькова С. С. Студенческая молодежь как особая социально-демографическая категория / С. С. Романькова // Наука, образование и культура. – 2017. – № 6(21). – С. 100-103.
160. Ротштейн Б. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 37-60. – DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.3760
161. Русских Л. В., Сумина А. А. Абсентеизм как модель политического поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 90–94. – DOI 10.14529/ssh180412.

162. Саенко Л. А., Теницкий С. В. Особенности формирования коммуникативного опыта у студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 331–335.
163. Саидов А. А. Социальное неравенство в российском обществе: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 47–65. – DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51810.
164. Сайфулина К. Э., Козунова Г. Л., Медведев В. А. и др. Принятие решения в условиях неопределённости: стратегии исследования и использования // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 93–106. – DOI 10.17759/jmfp.2020090208.
165. Самаркина И. В., Логунова В. П. Абсентеизм молодежи как форма политического участия // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 14–15.
166. Самокаева В. В. Проблема абсентеизма в современной России // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14, № 11. – С. 145–150.
167. Самсонова Т. Н., Леонов Е. К. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 67–85. – DOI 10.24290/1029-3736-2022-28-2-93-118.
168. Северухина Д. Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 96–104.
169. Селезнева А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 47–60. – DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4.
170. Селезнева А. В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 223–233. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233.

171. Селезнева А. В., Луканина Е. В. Политическая социализация молодежных лидеров в современной России: институты и факторы, возможности и противоречия // Социально-психологические проблемы ментальности. – 2022. – № 18. – С. 81–87.
172. Серго С. В. Содержание политических коммуникаций // Философия права. - 2014. - №3. - С. 45-49.
173. Сидорук Т. Н., Желтиков Н. В., Борминцева А. С. Независимость выборов в контексте вмешательства в избирательный процесс // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 3(13). – С. 128–143.
174. СклЯрова Н. Ю., Бродовская Е. В. Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 105–131. – DOI 10.24412/2071-6141-2023-1-105-131.
175. Смирнова О. В., Шкондин М. В., Сивякова Е. В. Медийное измерение социальных противоречий как направление университетского научного дискурса // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 585-596. – DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(4).585-596
176. Согомоян В. Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 50–76. – DOI 10.5922/2225-5346-2018-1-5.
177. Соколов А. В., Васильева Д. А. Восприятие студенчеством контента политических субъектов в социальной сети «ВКонтакте»: ведущие стимулы и их интерпретация // PolitBook. – 2023. – № 3. – С. 6-24.
178. Соколов А. В., Исаева Е. А., Гребенко Е. Д., Бабаджанян П. А. Уклонение как форма поведения обучающихся вузов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 408–423. – DOI 10.21638/spbu23.2024.303.
179. Соколов А. В., Исаева Е. А., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности //

Регионология. – 2023. – Т. 31, № 3(124). – С. 459–476. – DOI 10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476.

180. Соколов А. В., Исаева Е. А., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Возможности солидаризации и консолидации обучающихся на базе университетских студенческих объединений в условиях современной политической реальности // Регионология. – 2023. – Т. 31, № 3(124). – С. 459–476. – DOI 10.15507/2413-1407.124.031.202303.459-476.

181. Соколов А. В., Миронова С. В. Специфика онлайн-коммуникации студентов с вузом в социальных сетях и мессенджерах // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 152–175. – DOI 10.18255/2412-6519-2023-2-152-175.

182. Соколов А. В., Соловьева А. В. Гражданская мобилизация: механизмы реализации в современной России // Власть. – 2014. – № 9. – С. 19-24.

183. Соколов А. В., Фролов А. А., Бабаджанян П. А. Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 389-405. – DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405.

184. Соколов А. В., Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Особенности модуля «обучение служением» в образовательном процессе // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Тезисы докладов XVI Всероссийской научно-методической конференции, Ярославль, 28–29 марта 2024 года. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью "Филигрань", 2024. – С. 542-544.

185. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431–450. – DOI 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.

186. Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5-18.
187. Сорокина Н. Д., Токарева Е. М. Связь и преемственность поколений (на примере опроса студентов) // Социальная политика и социология. – 2024. – Т. 23, № 2(151). – С. 81–88. – DOI 10.17922/2071-3665-2024-23-2-81-88.
188. Суворова А.Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. - 2017. - №6. - С. 105-109. – DOI 10.22394/2070-8378-2017-19-6-105-109.
189. Сысоев О. А., Заможных Е. А. Стратегические коммуникации политических акторов в публичном региональном пространстве // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2021. – № 25. – С. 6-13.
190. Тарасова А. Н., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 155–172. – DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11.
191. Тараторин, Е. В. Социально-культурное воспитание студенческой молодежи вуза культуры на основе межвузовского проектного взаимодействия // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 1(70). – С. 529-534. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.70.1254.
192. Тедеева Р. О. Политическая культура современного российского общества: политический абсентеизм и нигилизм // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 86-8. – С. 157–161. – DOI 10.18411/trnio-06-2022-391.
193. Терсенов А. Е., Голубева Т. Б. Современная молодежь: мотивы занятий общественной деятельностью // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 1. – С. 54–58.
194. Тихонов А. В., Мудров А. Ю. Формальные и неформальные политические взаимодействия в теории коммуникаций // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2015. – № 42. – С. 109–113.

195. Ткач А. С. Динамика и анализ причин абсентеизма в России с начала 1990-х годов // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 213–217.
196. Торгованова О. Н. Социальный капитал как условие успешной социальной интеграции // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2020. – № 2(21). – С. 40-44.
197. Убушаева Б. Г., Ивашкова А. А. Использование потенциала молодежи в проектной практике городов федерального значения // Муниципальная академия. – 2025. – № 2. – С. 244-253. – DOI 10.52176/2304831X_2025_02_244.
198. Устинова К. А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках // Проблемы развития территории. – 2019. – № 6(104). – С. 102-119.
199. Уханова Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. - 2021. - №1. - С. 88–107.
200. Фаррахов А. Ф. Самоизоляция как фактор одиночества // Наука Красноярья. – 2013. – Т. 2, № 2. – С. 74-81.
201. Федорченко С. Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2019. - №8. - С. 57-67.
202. Федотова Л. Н. Социальные сети — возможности коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. - 2020. - № 1. - С. 141-145.
203. Фролов А. А., Гребенко Е. Д. Причины и последствия социального уклонения студенческой молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2024. – № 17. – С. 145–148.
204. Хецелиус В. Е. Социальные сети как инструмент политической коммуникации // Наука без границ. - 2019. - №5. - С. 93-103.
205. Цепкова, А. С. Социальная интеграция: теоретические подходы и социологические практики // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 3(131). – С. 20-25. – DOI 10.24158/spp.2025.3.2.

206. Чаплыгина М. А. Интерактивность как дисциплинирующая технология эпохи Web 2.0 // Вестник магистратуры. - 2020. - №6. - С. 5-6.
207. Четверикова Н. А., Колмыкова М. А. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как социально-экономической категории // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2020. – № 4. – С. 90–98.
208. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. - 2021. - Том 9. № 2. - С. 125-142. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142.
209. Шадже А. Ю., Ильинова Н. А. Образование в условиях нового глобального риска: цифровизация и гуманизация // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 6. – С. 71-83. – DOI 10.34823/SGZ.2020.5.51478
210. Шакир Р. А. Теория социального действия и типология цинического поведения // Философия и культура. – 2019. – № 5. – С. 19-31. – DOI 10.7256/2454-0757.2019.5.29660.
211. Шарков Ф. И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. – 2020. – № 2. – С. 121–130.
212. Шашкова Я. Ю. Молодёжные парламенты и молодежные политические организации в когнитивном пространстве молодежи Алтайского края // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2020. – № 13. – С. 124–127.
213. Шашкова Я. Ю., Дерендяева А. Д. Российская молодежь в институциональных трансформациях: детерминанты неучастия // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 145-149. – DOI 10.17223/15617793/405/20.
214. Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Идеологическая идентичность молодежи Алтайского края и Новосибирска: между модерном и постмодерном // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. - 2018. - Т. 14, № 4. - С. 530–543. – DOI 10.21638/11701/ spbu23.2018.405

215. Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Идеологическая идентичность молодёжи Алтайского края и Новосибирска: между модерном и постмодерном // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 530–543. – DOI 10.21638/11701/spbu23.2018.405.
216. Шентякова А. В. Социальный капитал молодежи современного мегаполиса: возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 130–140. – DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-1-130-140.
217. Шестопад Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 90–99.
218. Шигабетдинова Г. М. Феномен рефлексии: границы понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2-1. – С. 415–422.
219. Шипова Л. В. Психологический анализ феномена агрессии в теории фрустрации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 283–285.
220. Шульц Э. Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 262–273. – DOI 10.22363/2312-8313-2022-9-3-262-273.
221. Щеголев С. Д. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 44–50.
222. Щенина О. Г. Топология политических коммуникаций в пространстве сетевого общества: методология анализа и практики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 58–70. – DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-4-58-70.
223. Юдина К. В. Феномен неучастия и политический конформизм в современном российском обществе // Международный журнал гуманитарных и

естественных наук. – 2024. – № 11-1(98). – С. 276-278. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-11-1-276-278

224. Юй Сяо. Использование социальных сетей в политической коммуникации // Политическая лингвистика. - 2021. - № 1. - С. 149.

225. Якимова, Е. В. Сетевая близость и цифровая дружба: специфика и трансформация межличностной коммуникации в эпоху позднего модерна // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 4. – С. 15-30. – DOI 10.31249/rsoc/2021.04.02.

Электронные ресурсы:

226. В 2024 г численность студентов высших учебных заведений в России выросла на 3% до 4,11 млн чел. // Магазин по продаже маркетинговых исследований URL: <https://marketing.rbc.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).

227. Голикова сообщила, что в России живут 37 млн человек в возрасте 14-35 лет // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/20448339> (дата обращения: 19.09.2025).

228. Ценности молодежи // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 19.09.2025).

Литература на иностранном языке

Книги и монографии

229. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963. P. 514

230. Amartya Sen. Rational Fools: A Critique of the Behavioural Foundations of Economic Theory // Choice, Welfare and Measurement. — Oxford: Blackwell, 1982.

231. Archer M. S. Making Our Way Through the World: Human Reflexivity and Social Mobility. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 343 p.

232. Arnett J. J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties. — Oxford: Oxford University Press, 2014.

233. Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste* / P. Bourdieu. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. — 534 p.
234. Habermas J. *The Theory Communicative Action*. Boston, 1984.
235. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. — X, 453 p.
236. Laswell H.D. *The Structure and Function of Communication in Society*. In Bryson L. (ed.). // *The Communication of Ideas*. 1948, pp. 37–5
237. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. 1944. *The People's Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. N.Y.: Columbia University Press, 384 p
238. Perloff R. M. *Political communication: politics, press, and public in America*. — Mahwah, NJ: 1998. — P. 36.
239. Putnam R. D. *Social Capital in the Federal Republic of Germany and in the US // Civil Commitment and Civil Society*. — Opladen: Leske + Budrich, 2002. — P. 257–272.
240. Schwab K., Vanham P. *Stakeholder capitalism: A global economy that works for progress, people and planet*. Wiley, - 2021. - 304 p.
241. Shannon C. Weaver W. *The mathematical theory of communication*. - Urbana, 1949.

Публикации в научных периодических изданиях

242. Andreeva S. M., Andreeva A. M., Bezuglova O. V. *Global cultural capital and the economics of knowledge // Science. Arts. Culture*. – 2019. – No. 4(24). – P. 146–154.
243. Prakhov, I. *Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors // Educational Studies*. Moscow. – 2015. – No. 1. – P. 88-117. – DOI 10.17323/1814-9545-2015-1-88-117.
244. Rhoades G., Slaughter S. *Academic Capitalism, Managed Professionals, and Supply-Side Higher Education // Social Text*. – 1997. – No. 51. – Pp. 9–38.

245. Simon H. A. A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*. – 1955. – V. 69. – P. 99–118.
246. Yefimova O. V., Tambieva Z. S. Modern approaches to the study of mass political communication // *Modern Science and Innovations*. – 2022. – No. 3(39). – P. 184–191. – DOI 10.37493/2307-910X.2022.3.19.

Приложения

Приложение 1

Программа комплексного исследования стратегического политического неучастия студенческой молодежи России

Актуальность: современная политическая реальность России характеризуется трансформацией традиционных форм участия и ростом значимости феномена неучастия. Студенческая молодежь вузов, являясь ключевым агентом социально-политических изменений, демонстрирует сложные и разнообразные модели взаимодействия с политическим полем, которые не сводятся к простой аполитичности. Комплексное изучение неучастия как осознанной коммуникативной стратегии, формирующейся на пересечении индивидуальных мотивов, групповой динамики, институционального доверия и цифровой среды, является насущной научной задачей.

Объект исследования: стратегии политической коммуникации студенческой молодежи вузов России.

Предметом исследования выступает неучастие студенческой молодежи в политической коммуникации.

Цель: выявление характеристик неучастия как стратегии политической коммуникации студенческой молодежи вузов России и последствий ее реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующий комплекс задач:

1. Определить основные стратегии коммуникации современной студенческой молодежи;
2. Выявить, причины использования неучастия как стратегии политической коммуникации;
3. Выявить формы проявления неучастия от политической коммуникации студенческой молодежи;
4. Выявить последствия использования неучастия как стратегии политической коммуникации и разработать форматы по вовлечению молодежи в коммуникацию.

Теоретическая основа: исследование опирается на синтез концепций политического неучастия (пассивного, активного, ситуативного), теории рационального выбора, концепций социального капитала и институционального доверия, а также теорий медиапотребления и алгоритмической селекции в цифровой среде. Особое внимание уделяется поколенческой специфике и особенностям политической культуры.

Методологический дизайн: для достижения цели применяется комплексная методология, сочетающая количественные и качественные методы, что позволяет обеспечить

валидность, надежность и глубину анализа. Принцип триангуляции данных обеспечивает всестороннее рассмотрение феномена.

Эмпирическая база и методы сбора данных:

1. **Массовый онлайн-опрос студентов.** Для получения репрезентативных данных о распространенности установок на неучастие, уровне институционального доверия, паттернах медиапотребления и использования цифровых фильтров был проведен количественный опрос.

- **Обоснование выборки:** Генеральная совокупность – студенты вузов России. Для обеспечения репрезентативности результатов на национальном уровне была построена стратифицированная квотная выборка с квотами по федеральным округам. Общий объем выборки составил N709 респондентов. При доверительной вероятности 97% ($p \leq 0.03$) максимальная ошибка выборки для долей не превышает 4%, что является удовлетворительным для социологических исследований и позволяет экстраполировать основные выводы на всю изучаемую генеральную совокупность.

- **Метод анализа:** для обработки данных применялся комплекс статистических методов, включая корреляционный, факторный, дисперсионный и регрессионный анализы, направленный на выявление скрытых взаимосвязей и построение типологий.

2. **Фокус-групповые дискуссии (ФГД).** Метод был применен для реконструкции коллективных представлений, скрытых мотиваций, групповых норм и языковых кодов, конституирующих практики неучастия.

- **Обоснование выборки и дизайна:** для выявления латентных различий в политических установках была построена стратифицированная выборка по двум гипотетически значимым критериям: профиль образования (гуманитарный vs. негуманитарный) и возраст/курс (младшие курсы, до 22 лет vs. старшие курсы и магистратура, 23+). Данное разделение позволяет проверить гипотезы о влиянии образовательной программы на характер политической рефлексии и о роли возраста/социализации на устойчивость политических ориентаций. Было проведено 8 фокус-групп, в которых суммарно приняли участие 73 человека. Размер группы (7-10 человек) определен как оптимальный для генерации разнообразия мнений и сохранения глубины дискуссии. Внутри страт отбор респондентов проводился с учетом дополнительных критериев (пол, социальное происхождение) для максимизации разнообразия мнений.

3. **Полуформализованные экспертные интервью.** Метод нацелен на получение интерпретаций феномена с позиции профессионального сообщества, оценки тенденций и эффективности институциональных практик.

- **Обоснование выборки экспертов:** выборка экспертов ($n=22$) формировалась целенаправленно и была стратифицирована для обеспечения репрезентативности ключевых профессиональных перспектив: 1) представители государственных органов, формирующих

молодежную политику (институциональный взгляд); 2) ученые-политологи и социологи (научно-теоретическая интерпретация); 3) лидеры молодежных политических организаций (взгляд изнутри политического поля); 4) практики и менеджеры из системы высшего образования (повседневный, административный ракурс). Такая структура обеспечивает всестороннее освещение проблемы.

4. **Контент-анализ студенческих эссе.** метод применен для доступа к латентным, не артикулируемым в прямой речи установкам, ценностным ориентациям и языковым конструктам, связанным с темой гражданственности и политики.

○ **Обоснование выборки и анализа:** было проанализировано 54 эссе. Качественный контент-анализ позволяет выявить не только частоту употребления тех или иных категорий, но и глубинные narrative структуры, способы аргументации и ценностные противоречия, что невозможно зафиксировать в рамках стандартизированного опроса.

Ожидаемые научные и практические результаты:

- Разработка комплексной теоретико-методологической модели анализа политического неучастия как стратегии коммуникации.
- Выявление доминирующих типов неучастия (пассивное, активное, ситуативное) в студенческой среде и их корреляции с социально-демографическими и поведенческими факторами.
- Установление взаимосвязи между практиками медиапотребления, использованием информационных фильтров и формами политического неучастия.
- Анализ влияния уровня институционального доверия и социального капитала на выбор стратегии неучастия.
- Формулировка практических рекомендаций для органов власти и образовательных учреждений по разработке адресных коммуникативных стратегий для диалога с молодежью.

Таким образом, предложенный комплекс методов обеспечивает необходимое сочетание широты охвата (опрос) и глубины анализа (ФГД, интервью, эссе), позволяя концептуализировать феномен политического неучастия как стратегии политической коммуникации во всей его многогранности.

Гайд фокус-группы для студентов вузов: «Политическое неучастие студенческой молодежи вузов России».

Общие вопросы:

1. Когда вы в последний раз сознательно отказались от участия в каком-либо мероприятии/активности? Что это было?
2. Видели ли Вы такое у других? Чем были вызваны их действия? Какие формы оно приобретало?
3. Какие ассоциации вызывает у вас фраза «Я не участвую»?

Блок 1. Личный опыт неучастия

1. Какие эмоции вы испытываете, когда не участвуете? Что Вы сами хотите сказать этим неучастием?
2. Может ли быть неучастие формой какой-то активной позиции?

Блок 2. Социальный контекст:

1. Как ваши друзья/родные/преподаватели/знакомые организаторы относятся к вашему неучастию? Приведите примеры.
2. Замечали ли вы давление с требованием «быть более активным»? Если да, то от кого (родители, педагоги, преподаватели, друзья) Как на это реагировали?
3. Если вы не доверяете организаторам и плохо понимаете суть мероприятий будете ли Вы участвовать? Почему?
4. Как вы думаете, участие или совет знакомого человека может «перекрыть» ваше недоверие к организаторам (мероприятию) и сподвигнуть пойти на неё? Опишите кто должен быть этот знакомый (семья, друзья, преподаватели и др)?
5. Приходилось ли Вам уклоняться от активности в общественно-политической/учебной/внеучебной сфере? Почему?
6. Как вы относитесь к людям, которые активно участвуют? Почему?

Блок 3. Барьеры и причины

1. Если бы ваше неучастие было персонажем, как бы он выглядел и что говорил?
2. Что для вас самое важное в сохранении позиции неучастия?
3. Какие основные причины заставляют вас не принимать участие в учебной/внеучебной/общественной? (Какую роль играют образовательные учреждения, государство или общественные организации в формировании отношения молодежи к неучастию? Как вы считаете, влияет ли экономическая ситуация на выбор неучастия?)
4. Какие последствия Вы видите, которые возникают в следствие использования студентами неучастия?
5. Какие меры, по вашему мнению, могли бы снизить уровень неучастия среди молодежи?
6. Целесообразно ли предпринимать намеренные действия по снижению активности использования неучастия?

Гайд опроса экспертов: «Политическое неучастие студенческой молодежи вузов России».**Блок 1. Общие вопросы**

1. Как Вы понимаете, что такое политическое неучастие (феномен политического неучастия)?
2. Как вы считаете используют ли сейчас студенческая молодежь ВУЗов стратегию неучастия? Какие, на ваш взгляд, основные формы неучастия характерны для студенческой молодежи ВУЗов РФ?

Блок 2. Причины неучастия

1. Какие основные причины, на ваш взгляд, влияют на неучастие молодежи в политической коммуникации?
2. Как вы оцениваете влияние следующих факторов на неучастие молодежи (могут добавит свои факторы и ранжировать):
 - Отсутствие интереса;
 - Недостаток информации о возможностях участия;
 - Доверие/недоверие
 - Страх осуждения или критики;
 - Недостаток навыков коммуникации.

Блок 3. Роль институтов и общества

1. Какую роль играют образовательные учреждения в формировании у молодежи навыков коммуникации?
2. Какие позитивные последствия может иметь неучастие в учебной/внеучебной/общественно-политической сфере?
3. Какие негативные последствия может иметь неучастие в учебной/внеучебной/общественно-политической сфере?
4. Какие Вы считаете, чаще студенты переходят от «участия к неучастию» или «от неучастия к участию»?
5. Целесообразно ли предпринимать намеренные действия по снижению использования неучастия среди студенческой молодежи? (Если да, то кто должен этим заниматься?)
6. Как вы оцениваете роль государства /ВУЗов/общественно-политических организаций в решении проблемы неучастия молодежи?

Блок 4. Мотивация и перспективы

1. Какие меры, по вашему мнению, могли бы снизить уровень неучастия среди молодежи?
2. Хочет ли молодежь что-то сказать своим неучастием? Что и кому молодежь хочет сказать своим неучастием?
3. Какие основные практики неучастия Вы можете назвать? Как социальные сети и цифровые платформы меняют практики неучастия? Чем неучастие современных студентов отличается от неучастия предыдущих поколений?
4. Сталкивались ли Вы с феноменом формального участия студента при реальном невключении в работу? Нужно ли с этим бороться и как?
5. Есть ли вам что добавить по феномену неучастия студенческой молодежи ВУЗов РФ?

Приложение 4

Анкета опроса: Феномен неучастия студенческой молодежи вузов России

Здравствуйте! В рамках научной работы, кафедрой социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова, проводится исследование. Просим Вас принять в нём участие и ответить на вопросы анкеты.

Выберите из предложенных вариантов ответа те, которые выражают Ваше мнение, и укажите их номера или напишите свой ответ. Результаты опроса будут использованы только в обобщенном виде, конфиденциальность гарантируется.

Заранее благодарим за откровенность в ответах!

Раздел 1. Общая информация

1. Ваш возраст:

- ☐ 18–22 лет
- ☐ 23–26 года
- ☐ 27–30 лет
- ☐ 31–35 лет

2. Ваш пол:

- ☐ Мужской
- ☐ Женский

Из какого вы города: _____

Факультет, на котором обучаетесь: _____

Раздел 2. Стратегии неучастия

3. Участвуете ли вы в следующих активностях? (можно выбрать несколько):

- ☐ Голосование на выборах
- ☐ Митинги, акции протеста
- ☐ Волонтерство
- ☐ Социальные проекты
- ☐ Петиции/онлайн-кампании
- ☐ Не участвую ни в чем

4. Если не участвуете, почему? (можно выбрать несколько):

- ☐ «Мой голос ничего не изменит»
- ☐ Не доверяю институтам власти/НКО
- ☐ Нет времени/ресурсов
- ☐ Не знаю, как участвовать
- ☐ Считаю участие бессмысленным
- ☐ У меня есть более важные дела
- ☐ Опасаюсь последствий (например, давление)
- ☐ Другое: _____

5. Если бы ваше неучастие могло «говорить», что бы оно сказало? (Открытый ответ):

6. Как вы обычно реагируете на приглашения к общественной активности?

- ☐ Намеренно отказываюсь
- ☐ Игнорирую без объяснений
- ☐ Интересуюсь, но не присоединяюсь

- Другое _____
- Затрудняюсь ответить

7. Какое утверждение лучше описывает ваше неучастие?

- «Я сознательно не участвую - это мой выбор»
- «Мне это неинтересно»
- «Принципиально не хочу быть частью этого»
- «Боюсь возможных последствий»
- «Раньше участвовал(а), но разочаровался(ась) в результатах»
- «Не участвую потому, что мало кому доверяю»
- «Не участвую потому, что окружение (семья, друзья, близкие) не участвуют»
- Другое _____
- Затрудняюсь ответить

8. Как часто вы замечаете, что избегаете общественных мероприятий?

- Постоянно
- Время от времени
- Редко
- Никогда
- Затрудняюсь ответить

9. Как часто вы замечаете, что избегаете внеучебных мероприятий?

- Постоянно
- Время от времени
- Редко
- Никогда
- Затрудняюсь ответить

10. Как часто вы замечаете, что избегаете учебных мероприятий?

- Постоянно
- Время от времени
- Редко
- Никогда
- Затрудняюсь ответить

Раздел 3. Причины неучастия

11. Если бы ваше неучастие было предметом, это было бы:

- Выключенный телевизор
- Закрытая книга
- Пустой стул
- Немой динамик (голос, который не слышно)
- Запечатанный конверт (невысказанные мысли или идеи)
- Тень на стене (присутствие без активного действия)
- Заблокированная дверь (преграды для включения в процессы)
- Другое _____
- Затрудняюсь ответить

12. Что главное в вашем решении не участвовать?

- Сохранение личного пространства
- Отсутствие награды
- Избегание лишних контактов
- Экономия времени

- ☐ Нежелание быть на виду
- ☐ Недоверие к организаторам
- ☐ Негативный опыт участия
- ☐ Принуждение
- ☐ Затрудняюсь ответить

13. Какие эмоции вы чаще всего испытываете по поводу своего неучастия?

- ☐ Удовлетворение
- ☐ Безразличие
- ☐ Чувство вины
- ☐ Раздражение
- ☐ Затрудняюсь ответить

Раздел 4. Социальный контекст

14. Как окружающие влияют на ваше неучастие?

- ☐ «Если другие не участвуют, мне тем более не надо»
- ☐ «Мое решение не зависит от других»
- ☐ «Я специально не участвую, даже если другие участвуют»
- ☐ Другое _____
- ☐ Затрудняюсь ответить

15. Насколько вас волнует, что думают о вашем неучастии?

- ☐ Очень важно
- ☐ Достаточно важно
- ☐ Совсем не важно
- ☐ Затрудняюсь ответить

16. Как ваши близкие относятся к вашему неучастию?

- ☐ Поддерживают
- ☐ Осуждают
- ☐ Безразличны
- ☐ Затрудняюсь ответить

17. Оцените по 5-бальной чье мнение влияет на ваше решение не участвовать большего (где 1 минимальное влияние, а 5 максимальное влияние)

	1	2	3	4	5
Семья					
Друзья					
Одногруппники					
Преподаватели					
Организаторы мероприятий					
Представители власти					

Раздел 5. Отношение к участию/неучастию других

18. Что вы думаете о тех, кто призывает к участию?

- ☐ «Им нельзя доверять»
- ☐ «Мне безразличны их призывы»
- ☐ «Они ничего не добиваются»
- ☐ Другое _____

- Затрудняюсь ответить

19. Как вы относитесь к людям, которые активно не принимают участия?

- С пониманием
- С раздражением
- С безразличием
- Затрудняюсь ответить

20. Что могло бы изменить ваше неучастие?

- Полная анонимность
- Видимые результаты
- Личная выгода
- Ничто не изменит
- Затрудняюсь ответить

Раздел 6. Что значит не участие для Вас

21. Как бы вы назвали ваш тип неучастия?

- «Наблюдатель»
- «Сознательный отказ»
- «Вынужденное отсутствие»
- Другое _____
- Затрудняюсь ответить

22. Как вы думаете, ваше неучастие - это:

- Ситуативная позиция
- Постоянная жизненная стратегия
- Другое _____
- Затрудняюсь ответить

23. Что могло бы сделать ваше неучастие более комфортным для вас?

- Меньше давления со стороны
- Больше понимания в обществе
- Ничего, мне и так комфортно
- Затрудняюсь ответить

Спасибо за участие!